

Альта Сибрет
личная ведьма
для инквизитора

Annotation

Встретить свою истинную пару — самое счастливое событие в жизни ведьмы. Только не в моей! Потому что моим истинным оказался инквизитор, который однажды едва не сжег меня на костре.

Теперь он нагло поселился в моем доме, претендует на моё имущество, ещё и зовет замуж... А я не имею права отказаться, потому что иначе потеряю все!

Но я не сдамся: разорву связь истинных, верну своё и выставлю этого инквизитора за дверь! Беда лишь в том, что мои чувства хотят другого...

В тексте есть: истинная пара, от ненависти до любви, противостояние соседей, вынужденный фиктивный брак

-
- [Личная ведьма для инквизитора](#)
 - [Глава первая. Гертруда](#)
-

Личная ведьма для инквизитора
Альма Либрем

Глава первая. Гертруда

Вот уж минут двадцать я искренне пыталась сосредоточиться на небольшом ведьмином каталоге, лежавшем на столе. Набор, именуемый "минимальным", стоил как два моих месячных дохода, и я даже не сомневалась в том, что не смогу себе его позволить, но упорно не сводила взгляда с картинки, пытаясь хоть как-то отвлечься от громкого стука в дверь. Ну уж нет! Сегодняшний день у меня будет проходить взаперти. Никаких клиентов. Никаких мужчин! Ничего!

— Нам скоро выбьют дверь, если ты не откроешь, — раздалось у меня прямо над ухом, и я вздрогнула, чуть не слетев со стула.

Ну, как никаких мужчин. Если считать моего феникса мужчиной — а он определенно не девица, — то хотя бы один представитель "сильного пола" у меня в доме есть. Но и знакомы мы уже тьма знает сколько лет, а ещё он — птичка. Совершенно точно птичка, без всяких "но" и превращений в кого-нибудь более-менее похожего на человека.

— Ничего. Целее будем, — твердо заявила я. — В прошлый раз, когда ко мне в дом так прорывались, это была инквизиция, и мне не понравилась встреча с ними! И вообще, Зигфрид!

— Инквизицию уже запретили, — напомнил феникс, устраиваясь на столе. — И вообще, у меня болит голова от этого бесконечного стука!

Я закатила глаза. Голова у него болит! Вот пусть сам и открывает свою дверь, он говорящий, проблемы быть не должно.

— Ну чего ты боишься? — не унимался Зигфрид. — Это всего лишь дверь. За нею тебя не ждет ничего плохого. Мир так прекрасен! Он полон счастья и хороших, отзывчивых людей...

— А ещё полон инквизиторов и прочей гадости, — скривилась я. — Нет уж, спасибо.

— Ну Герушка...

— Для тебя — Гертруда, и никаких сокращений, — отрезала я. — И вообще, помни, с кем ты разговариваешь! С наследницей великого рода Аденауэр!

Сказала — и сама с трудом сдержалась, чтобы не скривиться от раздражения. Великий род, как же... Был великим лет эдак сто-двести

назад, до того, как последние несколько поколений профукали всё, что только могли. Особенно моя дражайшая матушка, сначала невесть от кого нарожавшая детей, а потом и вовсе сбежавшая с очередным полубовничком.

Из всех внуков бабушка любила только меня одну. И я не сомневалась: дело совсем не в том, что я старшая внучка, и именно мне бабуля передала свой дар. Нет! Просто моя мама в своей далекой молодости была безумно красивой, хотя при этом — не менее безумно глупой и бездарной в плане магии, — и каким-то чудовищным образом привлекла внимание маркграфа фон Ройсса. Фон Ройсс в те времена тоже был не стар, ему не исполнилось и тридцати лет, выглядел довольно привлекательно и, что самое главное, старательно скрывал от святой инквизиции свой колдовской дар.

И магии в нём было немало.

Тем не менее, наследницей рода фон Ройсс мне стать не судилось. Мама замуж за папеньку не вышла, а родила и, оставив ребенка, бросилась искать лучшей жизни в объятиях кого похуже. Маркграф отдал меня бабушке, велел хранить в секрете мой ведьминский дар и исправно даровал денежки ровно до того момента, пока его успешно не сожгли на кострище за то, что посмел не отречься от колдовства. Дом его должен был унаследовать какой-то семиюродный племянник, десятая вода на киселе, а если б не гражданский переворот в государстве, то плакали бы и дом в наследство, и много всего другого. И я бы плакала.

На кострище.

— Твой отец погиб на костре инквизиции! — гордо провозгласил Зигфрид, красноперый феникс, наш наследственный фамилиар, сбежавший от матери и решивший, что рядом со мной ему самое место. — Твоя бабушка скрывалась всю жизнь! Великие предки из рода Аденауэр сражались за право магии царствовать! А ты каждый седьмой день месяца прячешься в доме, как та трусиха, и боишься открывать дверь!

— Изволь тебе напомнить, я тоже бывала на костре, — скривилась я. — И это не лучшее воспоминание в моей жизни.

— Ну так не сгорела же!

— Потому что у нас в стране власть поменялась! — воскликнула я. — А ещё бы полчаса, и сгорела бы!

Вот уж два года как магия в Видаме была полностью легализована. Всем, кто зарегистрировал свою деятельность, предлагался социальный пакет и все удобства, а за пособничество государству могли даже подкинуть парочку клиентов или поддержать, когда все вокруг здоровы и никому ведьма не нужна. Курсы повышения квалификации, мастера из соседнего Амьена!..

Собственно, этот соседний Амьен нас и завоевал. Предыдущую династию, пытавшуюся изничтожить магию на территории Видама, устранили — их судьба по сей день была неизвестна, — а мы, ведьмы и колдуны, стали теперь почитаемыми людьми. До этого же более двухсот лет приходилось скрываться.

— Ну ты ведь не инквизиции боишься, — проворковал Зигфрид, пытаясь поудобнее устроиться у меня на руке. — Ты что, каждый седьмой день месяца теперь от людей скрываться будешь? Ну нельзя же так! Ну Герушка!..

В дверь забарабанили с такой силой, что я аж втянула голову в плечи. Всё б ничего, но если я слышала стук в дверь родового поместья, находясь в двух этажах от треклятой двери, то кому-то точно уж очень хочется попасть в мой дом! И кто б то мог быть? Опять, что ли, тролль какой-то заблудился? Или орк?

— Ну у нас же в поселке одни ведьмы, — продолжил Зигфрид. — Ну чего ты боишься?

И вправду, чего я боюсь? Бабушка нагадала мне, что я встречу своего суженого на двадцать пятом году жизни, седьмого числа, но месяц так и не рассмотрела. Говорила, что это будет истинная пара, и я сразу же пойму, когда увижу своего избранного. Даже сомневаться не стоит! Я и не сомневалась. Бабушка так встретила дедушку.

А он, между прочим, был последний козел!

Нет уж, никаких мне суженых-ряженных не надо, побуду-ка я лучше дома! Только что за зараза так стучит в дверь, что просто мочи нет?

— Слушай, — не удержалась я, — Зиг, будь другом, слетай, посмотри, кто там? Если кто из девочек, я открою.

Зигфрид защелкал клювом и задергал крылом.

— Даже не подумаю! — заявил он. — Твои ведьмы меня терпеть не могут! Опять подожгут мне крыло или что-то в этом роде, и что мне потом делать?

— Действительно, что делать фениксу, у которого — ужас

какой! — горят перья! — закатила глаза я. — Конечно же, феникс — это совсем не та птичка, которая может сгореть и возродиться из пепла. Для тебя-то это была смертельная опасность!

Зигфрид устроился на столе и нахохлился. Свои перья он очень берег, считал их огромным достоянием и никому постороннему не разрежал себя гладить или уж тем более убирать то, что и так вот-вот выпадет. Да, Барбара, моя подруга, не выдержала и подожгла-таки Зигу крыло, но ему же стало потом лучше! Обновился, сейчас вот чистенький такой, красивенький, прям как помолодел лет на сто!

На самом деле, Зигфриду было далеко за четыреста лет, и он долгие годы верой и правдой служил нашей семье. Теперь вот посчитал, что я — будущая продолжательница рода, вот и решил, что он должен присматривать именно за мною, как за единственной достойной и способной родить новую ведьму или колдуна.

На моих младших братьев-сестер Зиг уже не рассчитывал. Говорил, что там — пустышки, им даже нечего передать следующему поколению. А вот у меня, по его словам, яркая, пламенная кровь, которую нельзя просто так растерять. И мужчину надо найти соответствующего.

Стоит ли уточнять, что я не горю желанием кого-либо искать? Хоть мужчину, хоть женщину, хоть обоих вместе! Мне бы жизнь свою наладить!

Потому, пока не исполнится мне двадцать пять, а ещё лучше двадцать шесть, чтобы наверняка, никаких походов куда-либо седьмого числа каждого месяца. Меньше шансов встретить какого-нибудь случайного путника, который по коварному стечению обстоятельств окажется моим женишком. И меньше возможностей нарваться на какую-то скотину и серьёзно пострадать!

— Не будь такой трусихой, — не унимался Зиг. — Там наверняка кто-то из твоих подружек. Я ж не прошу тебя телепортировать в город и сходить на танцы! Я просто предлагаю тебе открыть дверь. И вообще...

Дом аж затрясся. Я почувствовала, как стремительно покрывается трещинами моё защитное заклинание, и буквально слетела с кресла, на котором до этого расслабленно сидела. Нет, это точно кто-то из подруг, я, кажется, даже распознала ауру Барбары. И чего так ломиться-то? Наверняка она обеспокоилась, что я не открываю, вот и решила... Постучать, так сказать.

Но если она разобьет мне защитный купол, то потом придется несладко.

Беда одна с этими подругами!

Не теряя времени, я бросилась вниз. Наверняка им понадобится минуты две или три, чтобы вновь поднакопить магию для следующей атаки, а потом мой защитный купол ждёт такой удар, что его точно никто не выдержит. Нет уж, спасибо, такого добра мне не надо! Придется открывать.

— Уже иду! — крикнула я, хотя прекрасно понимала, что меня никто не услышит.

Зигфрид, выдавая какие-то странные нервные звуки, летел следом. От нервов у него даже загорелся кончик хвоста, но феникс пока что не обратил на это внимания.

Ну хоть какая-то польза. Облезший хвост выгорит и обрастет новыми, свежими перьями, опять будет длинный и красивый, а не обрубок какой-то!

Грохот повторился — некто не оставлял попыток прорваться в мой дом, — и я решительно распахнула дверь и на всякий случай зажмурилась.

— Привет! — уже по голосу было понятно, что это всё-таки Барбара. — Ты чего не открываешь? Мы уже минут пятнадцать пытаемся к тебе прорваться, а у тебя глухо, как в инквизиторских застенках!

— Просто кошмар какой-то! — поддержала её Иоганна, вторая из атаковавших мою несчастную дверь. — Разве можно держать подруг по тридцать минут на пороге? Это по меньшей мере непорядочно!

— Простите, девочки, — искренне извинилась я. — Я же говорила, что седьмого числа всегда закрываюсь... С чего это вы решили ко мне зайти?

Главное, чтобы им про суженого Зиг ничего не ляпнул! А то от меня ведь не отстанут, пока не найдут мне какого-нибудь прекрасного жениха, при виде которого я должна просто упасть в обморок от безграничного восторга. С них станется! А потом этот дурацкий механизм сработает, и я против своей воли влюблюсь в мужчину, на которого в своем уме даже не взглянула бы.

— Ой, мы по делу! — затараторила Иоганна. — Представляешь, идем мы по улице...

— Никого не трогаем... — подхватила Барбара.
— И тут нам навстречу...
— Совершенно внезапно...
— И совершенно непредсказуемо!..
— Со словами, что он здесь по делу...
— Богатый наследник!..
— По праву!..
— Не может найти адрес...
— Появляется он! — в один голос выпалили подруги — и расступились, демонстрируя мне того самого "его".

И в тот же момент случилось одновременно три вещи: я от неожиданности выпалила самое неприличное и витиеватое проклятье, которое только знала, Зигфрид рухнул прямо на пол, не удержавшись на лету... а моя магия, будь она неладна, тоненьким паршивым голоском отметила стоявшего передо мною мужчину как моего истинного.

Ах да! А ещё я его узнала.

Продолжение от 23.06

И то, что я увидела, меня совершенно не порадовало.

"Ну красивый же, — всё тем же противным голоском в голове заявила магия, — дети какие чудные будут! Просто обзавидуешься! Чего ты на него так смотришь, как убить готова?! Вам ещё деток заводить, семейное гнездо обустраивать... Ну?"

Мне сейчас хотелось обустроить по гнезду на голове у Барбары и Иоганны за то, что они эту сволочь вообще привели в мой дом.

Я сделала шаг назад и осторожно тряхнула головой, пытаюсь убедиться в том, что мне не кажется, а мужчина, который стоит передо мной, реальный и не растворится в воздухе. Вдруг приснилось? Ан нет. Не приснилось. Ползучий гад, охарактеризованный в моей голове как "красивый", никуда не подевался. Стоял, улыбался. Изучал меня пристальным взглядом.

Явно подумывал, какое б то ещё паскудство сделать, как мне ещё навредить. С него станется!

— Познакомься, — затараторила Барбара, подталкивая мужчину ко мне поближе. — Это Людвиг...

Фон Ройсс. Да, я знаю.

Семиюродный племянник моего покойного папеньки. Высокий,

темноволосый, черноглазый, со смуглой кожей, словно сошел со страницы учебника, на которой изображен какой-нибудь темный маг.

Только эта сволочь — не темный маг! И не светлый. И вообще не маг, если он, конечно, не настолько двуличная тварь.

Людвиг фон Ройсс — инквизитор, который после смерти моего отца вознамерился сделать всё, чтобы единственная дочь покойного маркграфа отправилась на тот свет, а он кроме титула и фамилии, нагло украденных у меня, унаследовал ещё и все деньги и недвижимость рода.

— Мы знакомы, — обольстительно улыбнулся Людвиг. — Довольно близко.

Более чем близко! Именно эта сволочь привязывала меня к столбу, у которого меня должны были сжигать! Подложил ещё веток к ногам! И что же? Всех инквизиторов — почти всех! — новая власть отправила в ссылку, а этот жив, здоров, наслаждается жизнью. Когда меня поджигали, а на площадь явился глашатай, объявил, что мы теперь подданные Амьена, Людвиг первым же схватил ведро с водой — и где нашел только?! — и полил кострище у меня под ногами. Я даже ожоги не получила, только перепугаться успела. Но твердо знаю, что эта скотина поступила так отнюдь не потому, что хотела мне помочь. Да как же, жди! Он просто надеялся на то, что в будущем ему это зачтется, и он сможет прижиться и при новой власти.

Судя по тому, что стоит он прямо передо мною, живой, здоровый, и все руки-ноги, а также единственная голова у него на месте, он был абсолютно прав, делая ставку на спасение ведьмы и стягивание её с костра. Помогло! Потом ещё, небось, сдал нескольких своих, и стоит тут, голубчик!

— Вот как! — умилилась Иоанна. — Так вы, молодой человек, к Гертруде приехали? Должно быть, родич будете?

И с чего это она взяла? Мы с Людвигом совершенно не похожи. Разве что похожий оттенок глаз, только у меня более яркие. А волосы мои — каштановые, отдают в рыжевизну, отнюдь не черные. И бледная я, а не смуглая. Черты лица совсем разные, мои-мягкие против его, острых и явно инквизиторских!

Но, заметив, как Иоанна смотрит на Людвиг, я наконец-то поняла, в чём дело. Да он им понравился просто! Этот невыносимый гад, инквизитор, который едва меня не убил, просто пришелся моим дражайшим подружкам по душе. Да они на него глядят и уже

раздумывают, как бы то это его так поделить, чтобы не передрататься. Надеются, что я претендовать не буду.

Да я бы с удовольствием, только не факт, что мне предоставили выбор. Интересно, а как-нибудь аннулировать эту истинность можно? Если да, то я на все готова!

— Да, — прошипела я неохотно. — Мы — дальние родственники. Очень дальние.

— Так вы — колдун? — воскликнула с интересом Барбара.

Инквизитор он, дуры, инквизитор!

— Да, — улыбнулся им Людвиг. — И наследник рода фон Ройсс.

— Новый маркиграф! — в один голос ахнули подруги.

— Не спешите, молодой человек, — влез в разговор Зигфрид. — Наследница рода фон Ройсс — это моя ведьма, Гертруда Аденауэр, а не вы! По какому праву вы сюда явились?

— Дело в том, — усмехнулся Людвиг, объясняя одновременно и мне, и двум ведьмам, топтавшимся теперь у него за спиной, — что после прихода к власти нового правителя моя профессия утратила актуальность. Я попал в списки тех, кому полагается социальная защита. Да, имущество моего дядюшки, — семиюродного дядюшки, что ж не уточняешь-то, сволочь?! — принадлежит его дочери, фрейлейн Гертруде. Но титул переходит мне, как последнему мужчине в роду. И, в силу определенных обстоятельств, Его Величество выдал мне вид на жительство в родовом поместье дядюшки... Уверен, дом большой, и мы с фрейлейн найдем, как уместиться в нем вдвоем.

Людвиг повернулся к Барбаре и Иоганне и улыбнулся им — уже знакомой мне ядовитой, раздражающей улыбкой.

— А теперь, милые дамы, разрешите нам с сестрой разобраться в наших семейных отношениях. До встречи!

И захлопнул дверь прямо перед носом у ведьм.

— Ну что же, фрейлейн Аденауэр, — он повернулся ко мне и подарил мне ещё одну вредную улыбку, — вот мы с вами и остались наедине. Ну как? Вы рады воссоединению семейства?

Глава вторая. Людвиг

Судя по тому, каким полным радости и счастья взглядом меня одарила ведьма, воссоединению семейства она ни капли не радовалась, скорее даже наоборот. Кто б сомневался! Фрейлейн Аденауэр наверняка была свято уверена в том, что это поместье вместе со всеми деньгами

фон Ройсса достанется ей, и она смело спустит состояние на всякие ведьминские или девичьи глупости.

Боюсь её разочаровать, но, так как маркграф фон Ройсс не изволил составить завещание ни в пользу своей одаренной дочери, ни в мою пользу, ни вообще хоть какое-нибудь завещание, совсем скоро кто-нибудь ушлый и с хорошими юристами подаст прошение и отвоюет эти земли. Выгонит отсюда для начала всех ведьм, поселившихся при жизни маркграфа, может быть, наконец-то сделает из этих территорий что-нибудь нормальное. А мы, прямые наследники, останемся ни у дел. Я буду наслаждаться никому не нужным титулом, а ведьма — полученным от отца даром.

Как-то маловато, если честно.

— Какого лешего ты забыл в моем доме? — тут же обвинительно поинтересовалась ведьма. — Немедленно убирайся, пока я не выставила тебя отсюда. Или пока на тебя не напал мой феникс.

Феникс? Это та красная курица с подгоревшим задом?

Если да, то, полагаю, проблемы в том, чтобы с ним разобраться, не будет. Водичкой полить, и достаточно. Разве что придет изгонять из меня злого духа и закукарекает?

Ой, что-то мне подсказывает, что это будет малоэффективный способ.

— Негоже нечисть поминать всуе, — ухмыльнулся я. — И, повторюсь, Его Величество выдал мне вид на жительство в этом доме. Вас что-то не устраивает, фрейлейн Гертруда? В таком случае, вы можете подать официальную жалобу. Но учтите, что я буду апеллировать в случае её удовлетворения.

Кажется, холодный тон совершенно не испугал ведьму. Выглядела она всё такой же боевой и — будем честны, — привлекательной.

Как же всё-таки хороша та иллюзия, которую нам внушали старшие инквизиторы! Ведьма — это нечто уродливое, отвратительное и злое. Если это нечто достаточно сильное, то оно может успешно замаскироваться под красивую девушку и задурить голову. Стоит только ей загореться, она сразу станет такой же премерзкой, как и должна быть.

Удивительно, но многие так и следовали этой прописной истине. Я же быстро понял: нет человека, который в огне выглядел бы красиво. И если поджечь какого-нибудь праведника, то он не возведет глаза в небо

и молчаливым ангелом удалится в Рай, а будет визжать точно так же, как и грешник. Может, и больше.

К счастью, понаблюдать за тем, как сгорает фрейлейн Гертруда, мне не довелось. Общаться с обожженной, изуродованной, травмированной женщиной — совсем не то, что с молодой и красивой. Впрочем, если сама ведьма мне что-то и напоминала, так это огонек. Пламенная медь вьющих волос, выгодно контрастирующие с бледной кожей темные тонкие брови и карие глаза, тонкие и мягкие черты... Хороша.

Прям как барышни из коллекции нашего главного. Даже вспоминать о престарелом дураке противно. Это ж надо было додуматься, попытаться создать гарем из ведьм и надеяться, что после обнародования таких новостей народ не взбунтуется против святой инквизиции!

Я бы сам с удовольствием взбунтовался. Но...

Ведьмы не знают, а фон Ройсс мой это упорно игнорировал, но единственное место, где колдун может чувствовать себя в полной безопасности — это инквизиция. Ну какой, скажите на милость, инквизитор станет проверять своего коллегу? Вот и меня не проверяли.

К счастью.

Игнорируя бросаемые на меня ведьмой пылкие взгляды, я спокойно прошел мимо неё. Впечатлить, что ли, вещами, которые совершают полет следом за мной?

Ах да, не получится. Потому что у меня ничего нет.

Впечатлять даму буду после. Сначала бы лечь спать...

— Эй! — раздалось возмущенное сзади. — Куда?!

— В спальню, фрейлейн Гертруда. Устал с дороги.

— Но здесь только одна спальня! — растерянно протянула она.

— Да? — я обернулся и смерил её внимательным, типично мужским взглядом, из того списка, за которые обычно можно получить по морде. Ну, эта и без взглядов, кажется, готова ударить. Но хороша, чего скрывать? Ещё б не это наглухо закрытое платье... — Желаете присоединиться, фрейлейн? Отнюдь не буду против.

— Я тебя прокляну, — прошипела она, угрожающе приближаясь ко мне. — Я тебя сама на костре сожгу! Запру в этом доме и дом подожгу. И ты из него не выйдешь!

Не выйду — телепортирую. Между прочим, очень полезный навык

для инквизиторов. Нас частенько предлагают сжечь. А потом объясняй этим ведьмам, что тебя слово Создателя спасло...

— Ваши методы устарели и такой красотке не к лицу, — издевательски протянул я. — И, боюсь, вам придется смириться с моим присутствием в этом доме. Иначе...

— Иначе что?

Ведьма, не особенно скрывая собственные намерения, подскочила ко мне, сжимая руки в кулаки. На костяшках пальцев заплесало пламя.

О, да мы огненные!

— Иначе, — я сгреб её в охапку, — фрейлейн Аденауэр, без дома, денег и статуса останусь не только я, но и вы. Или вы не в курсе, что для полноправного владения этими землями должны стать фрау фон Ройсс?

Ведьма помрачнела. Судя по всему, вести о том, кем она должна быть в этой жизни, её отнюдь не порадовали. В обморок Гертруда падать не спешила, но выглядела сейчас весьма мило и растерянно — быстро-быстро моргала, смотрела на меня так, словно пыталась пригвоздить заклинанием к земле, но никак не могла определиться, стоит ли ей это делать или лучше всё-таки повременить.

Но первый шок прошел довольно быстро. Уже спустя секунд пять фрейлейн Аденауэр приободрилась, уперлась руками мне в грудь и сверкнула своими карими глазищами так, что я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Нет, всё же, хороша! Не зря среди инквизиторов распространяют слух, что с ведьмой ни в коем случае нельзя спать: превратится в гадкую старуху на пике страсти.

И верят же в этот бред!

Сколько я знал ведьм, ни одна из них ни на пике страсти, ни в любое другое время из красотки в чудовище не превращалась. Разве что маску какую-то на лицо наложит, чтобы быть красоткой, да пугает пару часов всех окружающих, с кем только столкнется. Но негоже взрослому мужчине пугаться девушки с зеленой мазью на лице!

Гертруда — и в этом не было никаких сомнений! — была осведомлена о другой стороне этой легенды, вещающей о том, что ежели инквизитор предастся греху с ведьмой, вся его красота выгорит, и сам он превратится в самое уродливое существо на свете.

Боялись все ведьмы уродцев или нет, но что-то мне подсказывало, что просто так покорить эту конкретную мне будет не так уж и просто. А придется, если мы не хотим расстаться со всем наследием фон Ройсса

и навеки попрощаться с его денежками.

В конце концов, инквизиторы привыкли к хорошей жизни. Да и ведьмы не прочь насладиться комфортом.

— Руки убери, — прошипела Гертруда, упираясь руками мне в грудь. — И отодвинься, извращенец. Поди сожги кого-нибудь другого!

— Ну зачем же жечь? — протянул я. — Что за глупости? С такой красивой девицей надо обходиться ласково...

— Зигфрид! — позвала она кого-то, очевидно, того самого петушка с обгоревшим хвостом. — Зигфрид, клюнь этого плешивого инквизитора...

Я ухмыльнулся. С моей плешью все в порядке — потому что её просто не существует. А вот птичка, кажется, не спешит клеваться. И атаковать тоже.

— Гертруда! — вместо этого провозгласил её... фамилиар, вероятно? — Гертруда, не позорь род Аденауэр! Успокойся и выслушай своего родственника!

— Дальнего родственника! — фыркнула ведьма. — У нас нет общей крови, разве что пару капель!

— И это просто замечательно, — проворковал я. — Иначе могли бы быть проблемы...

— Какие такие проблемы? — нахмурилась девушка.

Нет, хороша! Пламенная такая, живая, гибкая, жаркая... Должно быть, страстная не только в разговорах. Всегда любил пылких женщин! Вот только их, к сожалению, не найдешь в дворянских семействах, там как не бледная моль, так не менее бледная поганка. А селянки, кровь с молоком, конечно, могут задать жару, но что с ними потом-то делать? Нет, у женщины должно быть все: и страсть, и ум, и красота!

А обладать одновременно этими качествами в нашей стране могли только ведьмы. Нежные руки, тонкий стан, красивое лицо — и немало перца в отношениях. Абы только не в каком-нибудь мешочке, потому что потом этот перец как высыплут в глаза, не отмоешься.

— Близкие родственники в нашей стране не могут сочетаться браком, — сообщил я наконец-то Гертруде, поняв, что молчание затягивается. — А нам это просто необходимо.

— Что?! — воскликнула она. — Ах ты ж... Руки убери, поганец!

На сей раз она перешла к активным действиям, и я с трудом успел ухватить её за запястья. Ещё только пощечин не хватало! Нет уж, мы

будем начинать наши отношения более мирно, чтобы потом и у меня не зародилось отчаянное желание её придушить.

— Ну тише, тише, — протянул я, наблюдая за тем, как шипит и выворачивается ведьма, пытаюсь выскользнуть из кольца моих рук. — Зачем же так сопротивляться? Разве я причиняю вред прекрасной даме?

— Это я сейчас тебе вред причиню! Замуж? За инквизитора? Да никогда!

А в глазах-то светится сомнение...

— И зачем? — наконец-то задала она очень важный вопрос, притихнув всё-таки и взглянув на меня другими, не такими дикими глазами. Вспомнила, видать, о том, что нелюбовь ведьм к инквизиторам, так уж сложилось, явление взаимное, и по логике вещей я сам должен ненавидеть её. Мечтать убить...

А зачем мне убивать такую красивую девушку, а потом ещё и терять наследство?

— Надо, — пожал плечами я. — Либо ты выходишь за меня замуж, либо...

— Либо что? На костер отведешь? Так в Видаме больше так не принято!

— Зачем сразу на костер? — кажется, то, как я удивленно изогнул брови, заставило девушку поверить, что речь идет точно не о казни и ей вроде как ничего не грозит. — Послушай, Гера...

— Я Гертруда!

— Послушай, Гера, — протянул я. — Меньше всего на свете нам сейчас надо ссориться. И если ты хочешь услышать, с чего б это вдруг инквизитор уговаривал ведьму выйти за него замуж, тебе следует расслабиться и перестать сопротивляться. Нам обоим это выгодно.

И я ослабил хватку, искренне надеясь на то, что ведьме хватит ума на то, чтобы сначала выслушать, а потом уже вновь отбиваться.

Кажется, Гертруда в самом деле задумалась о том, что в моих словах может быть доля правды. По крайней мере, она заметно расслабилась и, наконец-то высвободившись из моей хватки, отступила всего на полшага. Во взгляде сверкнуло что-то вроде осознания: мы ведь действительно могли бы быть друг другу полезны. Наверное. Не факт, что будем, но напрочь уничтожать свои шансы — довольно глупая затея.

— Я тебя слушаю, — решительно заявила Гера. — Но попытайся

изъясняться побыстрее, если не хочешь, чтобы я тебя прямо тут и сожгла!

Не сможешь, Гера, не сможешь...

— Я пришел не за тем, чтобы упорно ссориться, — примирительно поднял руки вверх я. — Так что не надо нервничать. И дело не во мне, а в том, какое у нас в Видаме законодательство.

— И что не так с нашим законодательством?

Я отпустил её и уверенно двинулся вперед, заставляя ведьму догонять. Гертруда не позволила мне, впрочем, увеличить расстояние настолько, чтобы она уже ничего не слышала, а уверенно зашагала следом. Надо же, прямо госпожа!

— К сожалению, маркграф фон Ройсс так и не изволил дать тебе родовую фамилию, — сообщил я. — Конечно, и свидетельские показания, и магия крови — доказательство того, что вы — отец и дочь, но законодательство всё равно не признает за тобою полного права наследования. Ведь ты не можешь одержать титул фон Ройсса! А большинство земель идут именно за титулом...

— Так чего ж ты обращался к самому королю и к правящей династии за вон той паршивой бумажкой, разрешающей тебе здесь жить? Раз уж у тебя титул!

Что ж, мне попалась не только красивая и страстная, а ещё и умная ведьма. Не скажу, что сильно расстроен из-за этого, но всё же...

- У меня нет титула, — возразил я. — У меня есть фамилия. Да, я происхожу из рода фон Ройсс. Но, чтобы стать маркграфом фон Ройссом и заполучить все эти земли, я должен жениться на дочери покойного маркграфа...

— Я незаконнорожденная.

— Это не имеет значения, — отмахнулся я. — Если мы поженимся, я одержу титул по праву крови. Ты же таким образом войдешь в род фон Ройсс по праву закона, а значит, тоже станешь полноправной наследницей всего этого богатства. Наш брак решает все проблемы: вдвоем мы получим в свои владения всё то, что дядюшка — твой папенька, — изволил оставить. Наши же дети даже не будут знать проблем с наследованием, — судя по тому, как перекосило ведьму, пока что она вообще мечтала обеспечить мне отсутствие детей в будущем.

Не стоит, дорогуша. Я тебе ещё пригожусь.

— Я отказываюсь, — твердо заявила ведьма. — Мне и так хорошо

здесь живется! Ради твоего счастья я ничем рисковать не намерена!

— Ради общего, моя прелесть, — я повернулся к Гертруде и безо всякого удивления узрел на её раскрытой ладони пылающий колдовской пульсар. — Ради общего.

— У меня и так всё есть!

— Ровно до того момента, — протянул я, наслаждаясь её растерянным взглядом, — пока власти Амьена исследуют восточную часть Видама. Но как только они покончат с нею, перейдут и к нам, к западу. И если ты не сможешь документально доказать свое право наследования — а ты не сможешь, — и если вдруг я не подтвержу свой титул — а без тебя это невозможно, после маркиграфа остался только один хотя бы более-менее признанный наследник, а не какой-нибудь бастард, о котором фон Ройсс даже не догадывался, — то все земли маркиграфа, этот милый домик, весь поселок и тот маленький заводик, работа которого обеспечивает тебя деньгами, и загоны овец, которые тут пасутся... Всё, что у тебя сейчас есть и чем ты по своей женской невнимательности даже не пытаешься распоряжаться, исчезнет. И ты вернешься под крыло фрау Аденауэр и будешь вместе с нею тянуть лямку бедной ведьмы, ещё и обеспечивать братьев-сестер.

Судя по тому, как перекосило Гертруду, помогать фрау Аденауэр она не собиралась. Или, может быть, перспектива общения с братьями и сестрами так её испугала, что девушку едва не перекосило от раздражения?

В любом случае, выглядела она сейчас не слишком радостной и смотрела на меня так, словно пыталась прожечь взглядом насквозь.

— Потому, — промолвил я, решив удержать инициативу в своих руках, — ты можешь отказаться, и мы больше никогда не увидимся. А можешь стать моей женой... Но решать придется быстро, потому что через три дня сюда приезжает досмотрщик.

Я повернулся к ней спиной и хотел было уйти, даже поднялся на несколько ступенек, когда до меня донесся оклик:

— Женой настоящей или фиктивной?

Я усмехнулся.

Хотелось бы, конечно, настоящей. Ведьма хороша...

И моё колдовское сердце порой принимает решение раньше ума.

Но всё же, я удержался. Девчонка выгонит меня, даже не успев толком узнать.

— Как пожелаешь, — протянул я. — К тому же, фиктивная жена в любую секунду может стать настоящей.

Глава третья. Гертруда

Инквизитор, чтоб ему провалиться, устроился в гостевой спальне. Наглости лезть в мою ему всё же не хватило, хотя те голодные взгляды, которые периодически бросал на меня Людвиг, предупреждали: фиктивная жена ему не нужна. Настоящую хочет.

А больше всего раздражало то, что мне хотелось ответить взаимностью! Улыбнуться ему, перехватить этот испытывающий взгляд, подмигнуть... Возможно, даже подойти поближе и поцеловать. Истинная пара же!

И всю ночь — как же иначе?! — снились поцелуи с этим проклятым инквизитором. Дети снились. Свадьба. Та отвратительная ведьминская сущность, которой и требовалась истинная пара, наслаждалась перспективой замужества.

И, казалось бы, что может быть легче? Просто сказать ему "да"... И ждать, пока инквизитор обернет меня до нитки и слиняет куда-нибудь...

Я сердито перевернулась на бок и натянула подушку на голову, надеясь, что смогу хотя бы утром забыться спокойным, лишенным сновидений сном.

Как бы ни так! Сверху на подушку тут же устроилось что-то тяжелое, и я невольно завозилась, пытаюсь хот бы рукой смахнуть помеху.

— Ай! — вскрикнула тут же, одергивая руку. — Зигфрид! Я сколько раз тебе говорила, чтобы не усаживался с зажженными перьями ко мне на подушку! Ты, гадина проклятая!

— Я не гадина, — ответил немедленно Зигфрид. — Между прочим, я — твой фамилиар. Феникс! И я имею полное право принимать участие в твоей личной жизни!

— Отстань.

— А у твоего инквизитора есть ворон!

— Отстань, — повторила я, пытаюсь вернуть нагло отобранную у меня подушку.

— Между прочим, это девочка.

— Ворон — девочка? — заинтересовалась я, невольно приподнимаясь.

Кажется, Зиг пришел в восторг уже от того, что ему удалось меня

заинтересовать. По крайней мере, он с огромным удовольствием устроился рядом со мной на матрасе и взглянул на меня, чуть склонив голову набок. Вид у фамилиара был довольный.

— Она сегодня прилетела, — сообщил мне феникс.

— Ворона эта?

— Она не ворона! Она — ворон! — запротестовал Зиг. — Ну как ты не понимаешь? Это же совершенно разный вид птиц! И вообще, она такая красивая... Эти лоснящиеся чёрные перья... Она сказала мне, что она служит роду фон Ройсс уже много-много лет. Как я — роду Аденауэр. Ворон-феникс! Просто потрясающе!

Я села на кровати и заинтересованно взглянула на Зига. Выглядел он как-то подозрительно. Такие перья лоснящиеся, как будто...

— Ты сгорел! — заявила я.

— Ну что ты...

— Ты лазил облезлой курицей со мной столько лет, чтобы сгореть ради какой-то там... вороны?! — возмутилась я. — Ты меня столько позорил, чтобы ради родовой птички рода фон Ройсс устроить это представление! Ты! Паршивая пернатая сволочь! И вообще, почему это у Людвига должен быть фамилиар?

— Берта...

— Какая Берта?

— Её зовут Берта, — нехотя пояснил мне Зигфрид. — Так вот, Берта сказала мне, что она прилетела к последнему потомку благородного рода. Она раньше служила верой и правдой твоему отцу, но, поскольку место твоего фамилиара занял я, она выбрала Людвига. Он ей показался самым подходящим кандидатом. И она просто в восторге, что теперь вы поженитесь. Ей не придется сожалеть о том, что она не сможет за тобой присматривать! Теперь мы с ней будем работать сообща и обязательно настаим на том, чтобы вы стали мужем и женой!

Я подозрительно покосилась на Зигфрида. Мужем и женой? Эта птица что, вместе со своими перьями случайно подожгла и мозги? Потому что то, что он сейчас несет, больше похоже на бред сумасшедшего, чем на здравые речи фамилиара! И вообще, все нормальные фамилиары выступают в роли здравомыслящих существ, всегда помогающих своим подопечным, направляющих их на путь истинный. Мой Зигфрид, кажется, не то что направить кого-то куда-то — он даже с собой справиться-то толком не мог!

Мерзкая плешивая птичка!

— Я ему откажу, — твердо решила я. — Скажу, чтобы убирался вон из моего дома, иначе прокляну его... А когда этот досмотрщик государственный явится, как-нибудь буду разбираться с ним.

— И ты сможешь сказать ему это в глаза? — поинтересовался тут же Зигфрид. — Прямо в лицо? Серьезно?

Я нахмурилась. Ну да, сказать своей истинной паре, что я его в глаза видеть не хочу и пусть убирается из моего дома, будет не так уж и просто. Я вообще могу умолкнуть посреди слова, а потом броситься в его широко распахнутые объятия с надеждой, что меня сейчас приласкают и поцелует. А вот делать это мне бы совершенно не хотелось. Как-то настоящей ведьме не к лицу сдаваться чувству, в которое она даже толком не верит. Да и вообще...

— Ты бы проявила себя, как хорошая невеста, — тут же зачастил Зигфрид, воспользовавшийся моим молчанием и тем, что я вроде как не была настроена спорить — Пошла бы завтрак приготовила! Порадовала бы своего жениха вкусной пищей...

— Вкусной пищей? — изогнула брови я. — Что ж... Есть у меня одна идеяка.

И я решительно выбралась из кровати.

Зигфрид, устроившийся на спинке стула, наблюдал за мною с повышенной подозрительностью. Судя по всему, ему совершенно не нравилась моя реакция. Мы с Зигом были знакомы, кажется, все мои неполные двадцать пять лет, и он прекрасно знал, как я выгляжу, когда замышляю какую-нибудь шалость. Наверное, как-нибудь так, как сейчас, потому что феникс распушил перья и настороженно следил за каждым моим движением, явно надеясь заметить, когда я вдруг вздумаю совершить непоправимую глупость.

Да вот прямо сейчас! Отравлю сейчас чем-нибудь этого горе-женишка... Но что тогда? Сама же и пострадаю от собственной глупости. Нет, действовать надо куда более тонко. Возможно, мне действительно будет выгоднее стать его фиктивной женой, но сначала надо испытать его нервы и понять, что за человек этот Людвиг.

И почему он, инквизитор, который, исходя из логики, должен ненавидеть меня и всё, что связано с ведьмами, удумал звать меня замуж. Даже ради наследства! Ведь с его стороны куда логичнее было бы попытаться отобрать у меня всё, а никак не предлагать сотрудничество.

Пусть это и может быть выгодно нам обоим.

Не позволяя себе передумать, я спешно привела себя в порядок и на несколько секунд застыла в гардеробной. Комната, оставшаяся ещё после покойного маркиграфа фон Ройсса, была огромной и могла вмещать не один десяток нарядов, вот только заняла я от силы несколько вешалок да полок. Шкафы, сделанные из мореного дуба, пустовали, там, где прежде красовались роскошные пышные платья, теперь были мои, ведьминские. А какая ведьма по доброй воле позволит заковать себя в корсет, скажите на милость?! Мы — свободолюбивые, да и дышать, между прочим, хочется полной грудью.

Но я и не понимала прелести этой осиной талии. Что толку? У меня своя и так тонкая, а ещё больше затягивать её, мучить себя, прятать тело от посторонних взглядов... Какая разница, танцевать с женщиной в корсете или без него, если к ночи она, избавившись-таки от этого орудия пыток, будет думать только о том, как бы это отдышаться к следующему балу.

К тому же, выглядеть красоткой перед Людвигом у меня не было ни малейшего желания!

Уже почти приняв решение, я потянулась к серому домашнему платью, но сзади раздалось недовольное покашливание. Зиг завис прямо над моим плечом, в который раз пользуясь магией и нарушая все правила полета, и недовольно махнул головой в сторону черного, расшитого золотыми нитями платья. Да, несомненно, выглядело оно гораздо красивее, чем домашнее, но ведь и каким неудобным было! Эти длинные рукава наверняка окажутся прямо в тарелке, если я вздумаю что-то готовить! Да и вырез в нём достаточно глубокий и соблазнительный, совершенно не то, чего мне бы хотелось...

Но да пусть. Пусть будет!

— Вы будете такой чудесной парой! — поняв, что я всё-таки подчинилась, тут же закудахтал Зиг. — А какие будут детки! Мы с Бертой...

— Держи свой язык плотно спрятанным в клюве! — пригрозила я. — И если ты хоть что-нибудь скажешь Людвигу о...

— О том, что ты мечтаешь о нём? — заворковал Зигфрид. — О том, что ты хотела бы оказаться в его жарких объятиях и насладиться его обжигающими поцелуями? Ах, ты желаешь родить от него самых одаренных на свете детей...

— Я сказала, клюв закрой! — рывкнула я, зажигая на ладони огненный шар, готовясь вновь поджечь надоедливому фениксу перья. — То, что магия вздумала принять его за мою истинную пару, ещё ничего не значит! Но если ты кукарекнешь ему о том, что нас с ним связывает, я тебя самолично превращу в пепел! Причем в такой, из которого даже фениксы не восстанавливаются!

— Молчу-молчу. Клянусь! — пообещал мне Зиг, хотя прозвучало не слишком искренне. — Как пожелаешь. Всё равно же скоро будешь мечтать о том, чтобы... Ай-яй!

Несколько искринок запрыгало по шикарному огненному хвосту Зигфрида, и он взмыл почти под потолок, пытаясь в полете заодно сбить пламя. Я же довольно усмехнулась, наслаждаясь тем, как вопит птица. Нет, я своего фамилиара люблю, конечно же, но надо же иметь совесть! Хоть немножечко!

Да, я не могу выбрать себе истинную пару, но далеко не все ведьмы обретают свое счастье именно с истинными. Мало ли, какого козла магия может посоветовать!..

Вдохновившись тем, что огромное количество ведьм даже не встречают своего суженого-ряженого-предначертанного, я бодро направилась на кухню.

...Когда-то тут было целое море слуг. Огромное поместье фон Ройсса требовало, чтобы за ним постоянно наблюдали. Папенька был человеком богатым, и потому позволял себе содержать целый штат слуг, которые вечно драили, чистили, мыли, готовили...

Вот только вся эта прислуга разбежалась, когда отца сожгла инквизиция. Думали, что и они тоже получают, если вдруг кто прознает, что прислуживали колдуну, ещё и тому, которого убила инквизиция! И с дочерью-ведьмой они тоже бы сотрудничать не стали.

Но я и не нуждалась в посторонних. Мне нравилось то, что я могла спокойно запустить несколько заклинаний, в доме всё убиралось само. И еда тоже готовилась сама! Это с зельями так не поступишь, зельям нравится, когда ведьма или колдун принимают непосредственное участие в их создании. А вот с простой едой куда легче! Главное, чтобы были подходящие продукты, а остальное само приложится.

— Зиг! — окликнула я, зная, что фамилиар летит следом за мною в попытке проследить. — Ты знаешь, где наш будущий маркграф фон Ройсс поселился? Слетай-ка за ним. Пригласи на завтрак. Приготовлю

чего-нибудь... вкусненького.

Такого вкусненького, чтобы ему аж икалось!

— Как прикажете, фрейлейн Аденауэр, — проворковал Зиг с таким видом, словно я его только что в воду запихнула. — Но, Гера! Будь благоразумна! Зачем оно тебе надо, ругаться с единственным кавалером, который делает тебе такие щедрые предложения? Далеко не каждая ведьма...

— Зиг!

— Понял-понял, — вздохнул феникс. — Уже лечу. Скажу, что через полчаса завтрак будет на столе!

О, завтрак будет даже раньше! В кулинарной магии, как и в бытовой, я знала толк. Ведь это только дураки могут всерьез считать, что ведьмы тем и зарабатывают, что проклинаят, осыпают людей любовными зельями, тянут из них деньги, варят отравы...

Ничего подобного! На самом деле, одними из самых популярных являются именно бытовые заклинания. Если вы — достаточно богатая хозяйка, чтобы нанять себе прислугу, но терпеть не можете посторонних людей или предыдущая горничная приставала к вашему мужу, сходите к ведьме! За абонентскую плату, соответствующую зарплате той самой прислуги, вы получите универсальное заклинание-уборщика. Или кулинара!

Возможно, по деньгам будет накладнее, да. Но зато никаких лишних вопросов, никаких заигрываний с противоположным полом, никто не попытается своровать продукты или совершить какую-нибудь ещё гадость. Благодарь!

Те, кто хоть раз почувствовал на себе удобство ведьминой магии, привыкали к ней и регулярно бегали, чтобы обновить услугу. Лечебные зелья, которые действовали куда лучше, чем аналогичные творения всевозможных глуповатых аптекарей из простого люда, всякая всячина, от приправ, чтобы еда казалась вкуснее, то средства от облысения, продавалась куда лучше, чем страшные яды для убиения соперницы или соращения какого-нибудь мужчины.

Но нет! Инквизиторам мы чем-то мешали!..

Разогрев в себе уснувшую было ненависть к инквизиции в целом и к Людвигу в частности, я взмахнула руками, пользуясь привычным кулинарным заклинанием. Курица, мигом вылетевшая из холодильного шкафа, оборудованного с помощью той же магии, уже натирала себя

горчицей и маслом, нож стремительно нарезал овощи для салата, а тесто для хлеба стремительно подрастало в огромной кастрюле.

Заклинания готовили куда быстрее, чем самый лучший повар, хотя предел их умений зависел, конечно, от ведьмы. Если б я сама не умела всего этого делать, вряд ли смогла бы нормально научить магию. Но свитое полтора года назад заклинание училось, когда я сама готовила что-нибудь новое, наращивало опыт и с каждым разом становилось всё более универсальным. Пройдет ещё год или два, и я смогу заработать на нём немало денег!

Вот только для этого мне надо остаться в доме маркиграфа и быть той самой ведьмой, которая дочь покойного фон Ройсса. Всё же, в нашем деле имя — это очень важно! К самозванке, будь она хоть десять раз из магического рода Аденауэр, не пойдет никто! Нашу семью забыли...

А вот фон Ройсса всё ещё помнили. И было бы ох как неплохо, если б я смогла и вправду заполучить столь желанный титул.

Не прошло и двадцати минут, как уже полностью запеченная курица выскочила из духовки. Рядом с нею почетное место занял салат, нож спешно дорезал хлеб на доске. Я улыбнулась и властным жестом велела блюдам следовать за мною.

Ну что, Людвиг фон Ройсс, готов к угощению? Будет оно тебе!

Я с помощью магии накрыла стол на двоих и даже заняла положенное мне место, не во главе стола, а с правой стороны. Впрочем, и Людвигу не предлагалось место покойного маркиграфа. Пусть устраивается там, где положено быть старшему родственнику-мужчине, по левую руку от хозяина дома. Так мы, по крайней мере, будем на равных условиях и сможем смотреть друг на друга во время еды.

О, я очень хочу увидеть выражение его лица, когда он начнет это есть!

— Фрейлейн Аденауэр, — голос Людвига заставил меня встрепенуться. — О, я уж и не думал, что меня может ожидать столь роскошный завтрак!

Я медленно повернулась к нему, желая сказать что-нибудь колкое, злое, но как будто язык проглотила.

Избавившийся от следов должности инквизитора, Людвиг нарядился в обычные брюки да черную рубашку. Ничего особенного! Но как же хорошо это на нем сидело!

Я залюбовалась сильным, подтянутым мужским телом и почувствовала, как то самое ведьминское "я" вырывается на свободу, подговаривая меня подойти к мужчине поближе, прикоснуться к его сильной груди, провести ладонми по широким плечам, мускулистым рукам... Поцеловать его в губы, так страстно, как только я смогу. Чтобы этот поцелуй ознаменовал начало...

Начало чего? Так, в сторону весь этот истинный бред об истинной паре! Не могу я полюбить инквизитора, ни за что!

— Встала пораньше, чтобы приготовить, — заулыбалась я. — Нам же надо налаживать отношения, верно? Присаживайся, — я указала на подготовленное для Людвига место. — Очень надеюсь, что завтрак будет вкусным.

И ты, скотина, подавишься и задохнешься, одним махом лишив меня всех возможных мучений!

Глава четвертая. Людвиг

— Ты бы был помягче, — уговаривала меня Берта, устроившись на спинке стула и переминаясь с лапы на лапу. — Если бы какая-то скотина ткнула в меня своим пылающим хвостом, а потом пришла с колечком в клюве и с предложением жениться, единственные вменяемые действия, на которые я была бы способна — это выклевывать бы глаза! Вот выклевала и, может, пошла бы замуж!

Я хмыкнул. Моя фамилиар, ворон-феникс, была специфической дамой — если так можно сказать о птице. Наверное, сказывалось то, что познакомились мы с нею, когда мне уже было далеко за двадцать. Обычно фамилиар присутствует в жизни колдуна почти с младенчества. Если он наследуется от старших родственников, то всё равно находится рядом.

Но Берта в тот период служила маркграфу фон Ройссу. Каким чудом она спаслась от огней инквизиции, до сих пор не знаю, но её приняли просто за ручного ворона. Улетела в небо... Даже не сгорела — сгорала уже при мне, устроившись на столе и глядя своими чёрными сверкающими глазами. С каким осуждением она смотрела!

Я почти не был знаком с маркграфом фон Ройссом. В общем-то, я впервые увидел его именно в камере, когда рядом крутился дознаватель, и моё "здравствуй, дядя" прозвучало бы, мягко говоря, неуместно. И то, мне не пришлось там задержаться. Маркграфа спасти было невозможно. Он сам подписал себе приговор, когда, надеясь выпросить хотя бы

маленькую поблажку, начал сдавать всех ведьм и колдунов, которых знал.

Свою дочь в том числе.

Гертруда на отца походила мало. Было у неё что-то схожее в чертах лица, но в целом Гера больше напоминала мать или свою бабушку. Она отлично умела прятаться, а доказать её виновность было весьма непросто. Не то чтобы я очень старался, но Амьен надвигался на Видам, и инквизиция зверствовала.

В тот день, когда фрейлейн Аденауэр должны были казнить, атаковали королевский замок. Берта принесла новость о том, что власти сменились, первой, но до официального оглашения, говорила она, надо подождать минут двадцать.

Только вот молодую ведьму к тому времени уже привязали к столбу.

Я терпеть не мог наблюдать за тем, как горят совсем ещё юные девчонки. Гера была младше меня года на четыре, может, на пять, она казалась мне потрясающе красивой — и тогда, и сейчас, — и она не сделала ничего настолько плохого, чтобы её можно было жечь на костре. Маркграф, между прочим, кусал селянок-девственниц в надежде быть вечно молодым! Не насмерть, но всё же. И жениха чьего-то заколол.

А что сделала девчонка? Продала кому-то заклинание для уборки да лишила какую-нибудь сварливую бабу работы? Ну да, самое время на костер!

Не знаю, как мне хватило мозгов рисковать при старших инквизиторах и остужать пламя, но это определенно сработало. По крайней мере, Гертруда осталась жива и здорова. Ненавидела меня правда теперь, но это понятная реакция. Я б тоже ненавидел инквизитора, который меня чуть не сжег. Это очень адекватная реакция. Спасибо, что никакое олово на голову не вылила да пепла в глаза не бросила заговоренного!

— Вы так подходите друг другу, — принялась уговаривать меня Берта. — Ну признайся ты ей!

— Даже не подумаю.

— Почему нет?! — возмутилась она. — Она же ведьма. Она всё поймет! Ваша колдовская порода...

— Я сказал, нет, — отрезал я. — И если ты этому красному

петушку...

— Он феникс! — тут же встала на сторону фамилиара Геры Берта. Вот как. Понравился, значит. Как там его... Зигфрид вроде бы?

— Если ты этому бесхвостому фениксу всё расскажешь, я у вас обоих выщиплю все перья! Это понятно?

Берта деловито отвернулась от меня и уставилась в окно. Притворяется, что обиделась! Ничего не знаю. Я — идеальный хозяин. Не напиваюсь, в отличие от маркграфа, не пытаюсь устроить в доме пристанище для какой-то особенно развратной секты, никакой прочей ерунды не делаю. Инквизицию не провоцирую... Впрочем, нет же уже инквизиции. Все переквалифицировались в "отдел контроля за магически одаренными". Отдел контроля, ха! Наш главный с удовольствием поджег бы королевский дворец, лишь бы только изгнать оттуда выходцев из Амьена. А молодую видамскую принцессу, которую выдали замуж за короля Амьена, лишь бы только заключить этот союз, он вообще с удовольствием четвертовал бы!

— Он не бесхвостый! — всё-таки высказала мне свою претензию Берта. — Но я никому не скажу! Я своих не предаю, ты же знаешь!

Я действительно об этом знал. Берта была верной, она никогда не оставила бы своего хозяина на пороге смерти. Упорная — да, наглая — несомненно, но заставить её предать? Вот уж не знаю, что для этого должно было случиться.

Я собирался уж было погладить её, почесать свежие перья, которые она недавно сменила — Берте это всегда нравилось, — но не успел. В дверь постучали, и я, рассудив, что кроме Гертруды и её фамилиара в доме больше никого и нет, поспешил впустить незваного гостя в комнату.

Разумеется, это была не Гера. Ещё бы эта упрямая ведьма ко мне пришла! Вместо неё влетел нахорохорившийся и уже отрастивший себе хвост феникс. Выглядел он... Что ж, выглядел он действительно очень подозрительно. Довольный такой... Что, фрейлейн Аденауэр нашла способ, как унаследовать все богатство своего папеньки и не выходить за меня замуж?

— Фрейлейн Гертруда приглашает вас на завтрак, — провозгласил, тем не менее, довольно приятную весть феникс. — Ждет в обеденном зале!

— Вот как, — усмехнулся я. — Меня здесь собираются кормить?

Неужто не ядом?

— Фрейлейн Гертруда отлично готовит! — твердо произнес феникс. — Так что, прошу поспешить. Пока не остыло...

— Что ж... — я пожал плечами. — Спасибо. Берта?..

Но, кажется, все мои вопросы были лишними. Зиг... Зигмунд, Зигфид, как там его?

В общем, феникс Геры уже пристроился рядом с моей Бертой и, кажется, пытался найти универсальный подход к ней. Ну, пусть. Ей давно нужна была более-менее приличная компания, а этот вроде неплох.

Покачав головой, я спокойно покинул комнату, так и не прикрыв за собой дверь — чтобы фамилиары, если им вздумается, смогли к нам присоединиться.

Чтобы найти обеденный зал, пришлось воспользоваться поисковым маячком. Заклинание сплелось не с первого раза, всё же, нельзя сказать, что у инквизиторов есть очень много возможностей для того, чтобы попрактиковаться в подобного рода магии, но зато я не блудил по поместью и не успел посетить все подсобные помещения, прежде чем добрался до нужного места.

Да, маркграф определенно жил с шиком! Неудивительно, что правительство проявляет интерес к этим землям! Одни витражи на окнах чего стоят, а ведь это даже не центральный зал! И огромный стол из всё того же мореного дуба, кажется, горячо любимого маркграфом или фон Ройссами — он был здесь всюду! — тоже впечатлял. Белоснежная скатерть показалась мне праздничной, но, присмотревшись к кружевам, обрамлявшим её край, я определил её как ту, что использовалась для событий средней важности.

Гертруда уже накрыла на стол, и, признаться, я был впечатлен богатством угощения. Надо же! Для меня постарались? Я уж думал, что она согласна только подложить дров к моему костру!

Возможно, не всё ещё потеряно...

И, да, ведьма была потрясающе красива. Уж не знаю, где она добыла это платье, подчеркивающее её стройную фигурку, но наконец-то, наконец-то я вижу живую женщину безо всяких дурацких корсетов, в которых они даже дышать не могут! Неужели в этом мире существуют девушки, тоже считающие моду излишеством, которого необязательно придерживаться?

Хотелось бы...

— Фрейлейн Аденауэр, — лениво протянул я, осознав, что смотрю на неё уже минуты две, а приличный мужчина давно уже должен был подать голос. — О, я уж и не думал, что меня может ожидать столь роскошный завтрак!

Она медленно повернулась ко мне и застыла, внимательно изучая взглядом. Я ответил тем же, невольно задержав взгляд на глубоком вырезе, и усмехнулся.

Меня соблазняют, или просто совпало? Скорее всего, второе, но если девчонка не понимает, каким оружием она располагает, то... Что ж. Возможно, соблазнить её и затащить под венец будет не настолько сложно, как я боялся. Главное самому не поехать мозгами. Красивая ведьма — это страшная ведьма. Мало им этого колдовского дара, так ещё и единственное желание, которое может возникнуть у мужчины при взгляде на такую красотку — это...

Это то, о чём не говорят вслух.

— Встала пораньше, чтобы приготовить, — наконец-то нарушила тишину Гера, подарившая мне какую-то уж очень лучезарную улыбку. — Нам же надо налаживать отношения, верно? Присаживайся, — она указала на место напротив себя. — Очень надеюсь, что завтрак будет вкусным.

О, в том, что это будет вкусно, я даже не сомневался! Говорили, Гертруда Аденауэр — отличная хозяйка! Ведьмы, торгующие бытовыми заклинаниями, вообще жены мечты!

И место во главе стола она так и не заняла, сидит там, где положено находиться дочери или жене. Маркграфа с нами, разумеется, уже не было, но мне всё равно было приятно сидеть напротив Гертруды, а не сворачивать шею, пытаясь одновременно есть и смотреть ей в глаза.

— Приятного аппетита, — пожелал я девушке и с удовольствием заметил, что она смело брала еду, предназначавшуюся и мне. Значит, всё-таки никакого яда там нет.

Я на всякий случай даже включил магическое зрение, но нет, всё нормально. Бытовая магия да, присутствовала, но кого б то смущало! Глава инквизиции, между прочим, каждый день нахваливал еду, которую готовила кухарка в нашем храме, и даже не догадывался о том, что она была сильной ведьмой. Черной ведьмой, между прочим!

Или он знал, но предпочитал игнорировать сей факт? Ну, кто его

знает...

Отбросив и без того крохотные сомнения в сторону, я уверенно потянулся к еде. Только сейчас осознал, насколько же я на самом деле проголодался. Ну да, головой думать надо было, а не выезжать вчера утром на голодный желудок! Гертруда и так готовила просто великолепно, но сейчас предложенные ею блюда показались мне пищей богов, такой же безгранично вкусной и питательной.

Она наблюдала за мной с плохо скрываемым интересом и ничего не говорила. Ни слова. Ну как же, ведьма, не разочаровывай меня! Где же обвинения, попытка назвать меня самым подлым и коварным на свете существом? В конце концов, могла бы высказать своё "фи" и рассказать мне о том, насколько подло было с моей стороны являться к ней с неприличными предложениями выйти замуж!

— Вкусно? — вместо этого ласково поинтересовалась Гертруда.

Покорная овечка? Да ну! В жизни не поверю!

— Очень, — подтвердил я, вспоминая, как брыкалась она, пытаясь избежать костра. Нет, нет, эта пламенная девушка ещё обязательно себя проявит...

— О, — улыбнулась она, оправдывая все мои ожидания. — Конечно. Ведь у меня лучшие бытовые заклинания во всей стране! Ну как? Приятно есть приготовленное с помощью магии?

Хм... Мне предполагается поперхнуться?

Я поначалу даже задался вопросом, почему она так испытывающе смотрит на меня, а потом понял — да ведь я инквизитор! Должен бояться магии, как огня, а эту несчастную курицу, которая только что помахала мне оставшимся ещё крылом, вообще сжечь немедленно.

Вместе с Герой и поместьем.

Как же! Нашли дурака!

— Надо же, — усмехнулся я. — Очень рад, что моя невеста — столь умелая ведьма.

— Я тебе не невеста! — тут же запротестовала девушка, стремительно мрачняя. Она явно ждала совершенно другого эффекта, а теперь, так и не удовлетворив собственные желания, была ужасно зла. В первую очередь на себя, что задумка оказалась настолько неидеальной.

— Я всё ещё надеюсь на согласие. Напоминаю, два с половиной дня осталось, — невозмутимо отметил я. — У тебя ещё есть все шансы быть счастливой фрау фон Ройсс, а не изгнанной из отцовского дома

фрейлейн Аденауэр.

Судя по тому, как Гертруда сжала в руках вилку, она была готова стать фрау фон Ройсс уже ради того, чтобы через несколько дней оказаться в статусе вдовы.

Ну нет. Я так просто тоже не сдаюсь. Уж простите, прекрасная леди, но мы оба будем живы и счастливы. И никак иначе!

— О, — протянула она. — Я использую всё положенное мне время, чтобы принять взвешенное, разумное решение. Или придумать, как выгнать отсюда одного не в меру наглого инквизитора!

— Но-но! В нашей стране нет места инквизиции, — примирительно протянул я. — Всего лишь надсмотрщики... И то далеко не повсюду...

— Вот как! Так ты теперь надсмотрщик?

— Нет, — я ухмыльнулся. — Меня не прельщает всю жизнь бегать за ведьмами и замерять, достаточно ли они магии вложили в заклинание и не следует ли их ограничивать, потому что начинают спекулировать на собственном даре. Это скучно... Я бы предпочел жить жизнью дворянина. Управлять семейным делом, например, каким-нибудь маленьким заводиком, — Гертруда стремительно помрачнела. — Изгнать отсюда надоедливого управляющего, который отказывается предоставлять детальный отчет... — о, кажется, попал в точку — вот как моя ведьма зеленеет! — Наладить поставки... Да и светская жизнь маркграфа — тоже приятное дело, — продолжал я как ни в чём ни бывало, наблюдая за тем, как стремительно становилась злее Гертруда. — Что такое, моя дорогая? — я как будто только сейчас заметил, что она сидела сердитее самого сердитого инквизитора на свете. — Ведь эта жизнь ждет нас вдвоем, не так ли, моя дорогая?

— Я. Ещё. Не. Решила!

— Конечно-конечно, — кивнул я. — Но ведь ты умная, прекрасная девушка! Разумеется, ты не откажешься от этой благоразумной идеи...

— Тебе ведь должно быть противно! — не удержалась Гертруда. — Ты должен дрожать от одной мысли, что тебе придется находиться в одном доме с ведьмой.

— Ведьмы красивые, — пожал плечами я. — Почему б и нет?

— Красивые! А на кострах вы их за красоту жгли!

— Ну тебя ж не сожгли, — легко ответил я. — На моей совести есть только те, кто всерьёз натворил беды. Есть же те, которые проклинаят, смертельные яды изготавливают. Мне совсем не страшно,

таких-то изничтожили всех. А ты по бытовой магии выступаешь, в чём проблема-то?

— У меня в роду были боевые ведьмы! — возмутилась Гертруда. — Ты... Ты... Да я тебя сейчас самого сожгу!

— И тебя закроют в тюрьме.

— Плевать! — разгневанно воскликнула она. — На всё плевать!

Гертруда вскочила со своего места и, уже не церемонясь, зажгла на ладони яркий пламенный пульсар. Я смотрел на него, вероятно, с поразительным равнодушием, но Геру это сейчас не останавливало. Её сила была красивой, яркой, так и хотелось протянуть руку и прикоснуться... Если и можно влюбиться в ведьму во что-то, кроме её красоты и ума, так это в силу! Если ненавидеть, бояться магию, никогда не полюбишь её обладателя.

Но ненавидеть силу Геры я был не в состоянии. Она влекла меня к себе ещё больше, чем её обладательница, и, совмещая эти два образа воедино, я подумал, что у маркграфа фон Ройсса получилась уж точно неплохая дочурка. Получше, чем он или её мать — с последней я сталкивался случайно и, благо, не нуждался в более близком знакомстве.

Будь она ещё чуточку покорнее!

— Ну и что? — я постарался не подать виду, что её магия привлекает меня, тянет, как огонь — глупого мотылька. — Ты убьешь меня, допустим. Потеряешь и деньги, и свободу, и любую надежду на то, чтобы быть счастливой. Почему б не заключить удобную нам с тобой сделку?

Пульсар загорелся ещё ярче, и я понял — если сейчас же не остановлю Гертруду, будет плохо. Очень плохо. И в первую очередь ей.

Вот уж, ведьма!

И, не мешкая, я накрыл её ладонь своей, позволяя магии просто впиться в наши руки.

Что ж, теперь моей прекрасной ведьме известен один мой маленький секрет.

Она подняла на меня полный шока и ужаса взгляд, закусив губу... Потом выдернула руку из моей хватки и бросилась прочь.

Что ж. Очень надеюсь, что она не натворит глупостей.

Глава пятая. Гертруда

Я выскочила из обеденного зала, как ошпаренная, буквально

слетела вниз по ступенькам, выскочила на улицу и только у ближайшего дерева остановилась, велев себе притихнуть. Не хватает только, чтобы Барбара и Иоганна меня увидели в таком состоянии! Они же моментально прицепятся со своими вопросами, будут спрашивать. С них станется заигрывать с Людвигом.

А он...

Нет-нет-нет! Не могу поверить! Колдун! Инквизитор, который чуть не сжег меня на костре, колдун. Небеса!.. Ну за что? За что мне это?

Отлепившись от несчастной вишни, которую я трясла уже минуты две, я перешла к следующему деревцу — кажется, к груше, — и с силой толкнула её ногой. Груше от этого хуже не стало, моей ноге — да, и я буквально взвыла от боли.

Пришлось сесть на траву, наплевав на платье. Ничего, потом обязательно всё почищу.

— Инквизитор-колдун, — прошептала я. — Как это мило! И что мне теперь делать?

Разумным было бы согласиться, если честно. Моя магия выбрала его, как истинную пару, он одарен — о, да у нас будут чудные детишки! Но... Но я же его ненавижу. Должна ненавидеть! Мне следует проклинать его, мечтать его убить, надеяться, что он... Не могу. Нельзя, чтобы с ним что-то случилось. Нельзя... Интересно, это наваждение — истинную пару, — как-то можно развеять? Если да, то я готова на всё!

Ладно, почти на все.

Я поднялась на ноги, решительно отряхнулась, почистила платье соответствующим заклинанием и осмотрелась. Что сейчас будет разумным выходом из ситуации? Что адекватный человек сейчас бы делал? Хм... Мне надо с кем-то посоветоваться. Зиг? И так понятно, что он скажет. Отец мой покойник, мама — не от мира сего. Барбара, Иоганна? Им ещё только не хватало о Людвиге рассказывать...

Бабушка! Как я могла об этом не подумать? Бабушка мне обязательно во всём поможет.

Решительно выдохнув, я отряхнула платье ещё раз, убедилась в том, что выгляжу прилично, и щелкнула пальцами, позволяя тёмному дыму порталной магии окутать себя с ног до головы.

...Когда дым развеялся, родового поместья и злосчастной груши рядом уже не было. Зато красовался скособоченный домик, а вокруг — простирался густой, непролазный лес. Бабушкино жилище, как всегда,

полностью соответствовало правильному антуражу ведьмино дома.

Да уж, себе она не изменяет. Вне зависимости от того, как государство относилось к ведьмам, бабушка предпочитала максимально тихую местность, окружённую дремучим лесом, сквозь который ни один инквизитор не пролезет! Эх, надо было оставаться жить с бабушкой. Вот куда-куда, а сюда никакой суженый бы ни пришел!

Я заставила себя выдохнуть воздух и хоть немного успокоиться, хотя бы для видимости. Нечего пугать пожилую женщину своими нервами, а то она однозначно расстроится... И отправится сводить меня с моим "суженым". А что? Просто так отдавать государству унаследованное от маркиграфа поместье, да семейное дело в придачу? Уверена, что у бабушки уже были весьма серьёзные планы, как бы его задействовать, и делиться ни с кем она не собиралась. В первую очередь с нашей распрекрасной страной.

Видам вообще не сделал для ведьм ничего хорошего, говорила она. А значит, и помогать нечего!

...Бабушкин дом, однако, значительно увеличился с моего прошлого посещения. Невесть откуда появился дополнительный этаж, да и фундамент стал массивнее, а сам дом — куда шире. И где только та ведьмина изба, которую я наблюдала два года назад? Кажется, доход с того крохотного предприятия, в работе которого я ничего не понимала и, махнув рукой, отдала бабушке, был далеко не таким уж маленьким, как она мне жаловалась. И досылать ей деньги тоже не следовало.

Она и без того неплохо жила.

Всё ещё удивленно осматриваясь и пытаясь убедиться в том, что это действительно дом семейства Аденауэр, я подошла к двери и постучалась. Нет, ну надо же, даже дверь — и ту бабушка изменила! Теперь здесь красовалась новая, цельная, а не сколоченная из кривых рассохшихся досок, что только на заклинаниях и держалась. И замки — не взломаешь просто так, если не знать, на какое именно заклинание бабка закрывается! Ну, или придется дожидаться, пока откроют...

Я покорно ждала, хоть это и заняло не так уж и мало времени. Пришлось стучаться целых четыре раза, причём в последний — уже нагло бить кулаком в дверь, а потом и ногой. В последние года у бабушки было совсем туго со слухом, но она всё так же ненавидела, когда кто-то вламывался в её дом.

Вот и сейчас, прежде чем мне открыли, я выслушала целую

гневную тираду.

— Шоб руки поотсыхали! — капризным старушачьим голосом заявляла бабушка. — Шоб вы, как я, старая, пополам согнулись! Поналазят тут всякие, а мне открывай! А шобы вам так же... — она наконец-то открыла дверь и уже вполне нормальным, бодрым голосом протянула. — А, это ты, Гертруда. Милости прошу, — бабушка посторонилась. — Дом фрау Маргрет Аденауэр всегда открыт для её любимой внучки!

Я усмехнулась и вошла, мельком глянув на бабушку. Фрау Маргрет с момента нашей последней встречи нисколько не изменилась. Она была всё такой же высокой, стройной, сохранившей даже в старости прекрасную фигуру. Волосы, некогда ярко-рыжие, теперь были обыкновенного русого оттенка, и бабушка, как обычно, заплетала их в тугую косу и выкладывала венком вокруг головы. Карие глаза с нашим фамильным ведьминым огоньком сияли так же ярко, да и в целом, ба можно было дать от силы лет пятьдесят.

И кого там волнует, что ей уже исполнилось в два раза больше! Если ведьма или колдун сильны, они могут жить очень долго, в два-три раза дольше, чем обыкновенные люди. Наверное, за это нас инквизиция и ненавидит, им-то такое неведомо!

— Что ж, внученька, — проворковала бабушка. — Вижу, что тебя ко мне привело... Встретила наконец-то свою истинную пару? Не усидела дома?

— С чего это ты взяла? — тут же насторожилась я.

Конечно, я посещала бабушку не слишком часто, но хотя бы раз в месяц мы виделись! В основном, конечно, она ко мне в гости приезжала, но и я к ней тоже наведывалась! Так что то, что я прибыла сюда, совершенно не означало, что у меня в жизни случилась такая... Досадная неурядица.

Если выражаться мягко.

Очень мягко.

— Да как же, — пожала плечами бабушка. — Разве ж я не была молодой и влюбленной... Ах, — бабушка улыбнулась. — Какая любовь у нас была с твоим дедом! Мой Герберт был молод, красив, — женщина приобняла меня за плечи и потянула за собой, не забыв перед этим, впрочем, швырнуть нужным заклинанием в дверь. — Да, он не мог похвастаться большими деньгами, но зато из лица можно было воды

напиться! Я влюбилась в него без памяти!.. Другое дело, — бабушка вмиг стала серьезнее, — что твой дед к умственной работе был не приучен. Ко мне, знаешь ли, и маркграфы сватались, и графья-бароны, да я что? Мне нужна была моя истинная пара! А что моя истинная пара оказалась петухом обыкновенным безмозглым, да ещё и дочери куриные мозги передала, так то уже другое дело... — Маргрет досадливо махнула рукой. — Ай, довольно вспоминать, всё равно он уже давно в земле лежит. У тебя, девочка моя, другая судьба.

— Почему ты...

— Говорю же, — перебила меня бабушка, — на лбу у тебя, Гера, написано, что ты встретила своего суженого! Встретила — и не знаешь, как с чувством бороться.

Я вздохнула. Бабушка всегда отлично понимала мои ведьминские проблемы, наверное, оттого, что сама была такая и передала мне свой дар. Я поражалась тому, с какой легкостью она умела заглядывать в души людям и как умело читала, что у кого на сердце лежало. Будто в книге! Конечно, смеялась ба, основное мастерство ведьмы-предсказательницы, в отличие от бытовичек, в том, чтобы хорошо в людях разбираться, да только и магия тут не последнюю роль играет.

— И чем он тебе так не нравится? — бабушка завела меня на кухню и, не слушая никаких возражений, усадила на стул.

Пришлось подчиниться. Спорить с ба всегда было себе дороже, и я устроилась на высоком стуле, сложила руки на коленях и оглянулась, пытаюсь каким-нибудь образом отвлечься.

Здесь тоже многое изменилось. Бабушка сделала ремонт, мебель сменила, да и дом в целом стал гораздо лучше, чем в прошлый раз, когда я сюда приходила.

— Тут всё так поменялось, — протянула я, пытаюсь отвлечь Маргрет от изучения моей судьбы. Бабушка уже достала свои карты и теперь стремительно раскладывала их на столе, кажется, готовясь игнорировать любые мои возражения по этому поводу.

— Пф-ф-ф, поменялось! Тремя детьми меньше! — махнула рукой женщина.

— Мама забрала?

— Твоя мать заберет, как же, — скривилась она. — Она только и может, что языком трепать да новых мне в подоле приносить. Поживет неделю-другую, да опять убежит, с новым мужчиной шататься. Вот уж,

отцовские гены паршивые! Ну ничего. Главное, что ты, девочка моя, ни от матери, ни от отца это не унаследовала! Ты как я, только одного всю жизнь любить будешь.

Я вздрогнула. Конечно. Хороша судьба! Любить только одного мужчину, каким бы он придурком ни оказался. Встретить истинную пару!

— Твоя мать же уже девство своё потеряла, когда пришел её возраст истинную пару встретить, — покачала головой бабушка. — Я предупреждала её: только к девице судьба может быть благосклонна! Не спеши, куда ты лошадей гонишь? Но она вот уж сколько мужиков к тому времени сменила! А ты у меня девочка чистая, — ласковая улыбка, озарившая бабушкино лицо, меня почему-то нисколько не успокоила.

— Ты тоже была...

— Мне просто не повезло, — отрезала Маргрет. — Потому магия твоего деда и отпустила, что я с ним уже не нашла бы своего счастья. А тебе обязательно повезет! Ну, какой он? Рассказывай?

— А где братья-сестры? — тут же поинтересовалась я, рассчитывая, что удастся всё-таки сменить тему. Не сказать, что бабушка слишком сильно любила их, но заботилась же. А говорила, что их на троих меньше стало...

— Да в школы отдала! — махнула рукой бабушка. — Попросила знакомого колдуна, он мне порталы наладил, чтобы дети через них в город ходили. Так что у меня в первой половине дня теперь тихо. Скрываться-то больше не от кого, живем, как люди... Ну, говори же!

Я так и не нашлась, как ответить. Почему-то стало не по себе — и очень стыдно, что я не могу рассказать бабушке всю правду, как на духу. И вообще, не следовало мне рисковать, не надо было дверь открывать, тогда и никакую истинную пару бы не встретила!

Заметив моё замешательство, бабушка провела ладонью над картами, и те, зашелестев, перевернулись — не все, только те, которые должны были сказать что-то о моей судьбе.

— Вот как, — улыбнулась женщина. — Гляжу, молодой... Лет тридцать ему, совсем юнец! Колдун ведь? Колду-у-ун! — бабушка явно была довольна. — Хорош собой! Другая женщина на сердце не лежит. И род у него, гляжу, сильный, союз ваш, карты говорят, поможет тебе обогатиться, укрепить своё положение... Встретила ты его вчера. Молчат карты, что у него на уме, силен, паразит. Детей только от него

иметь будешь, — бабушка зацокала языком. — Если захочешь. Счастливым ли брак будет? Не знаю уж, как повернет и как сами захотите...

— Да какой счастливый! — не удержалась я. — Если этот колдун, собака такая, инквизитор мой бывший!

На красивом лице бабушки не появилось ни единого следа злости или чего-то в этом роде. Она смотрела на меня с мягкой улыбкой, будто поддразнивала.

— Инквизиторы разве бывшими бывают? — изогнула брови она.

— Едва не сжег, — решила я. — В последнюю секунду огласили, что Амьен завоевал Видам, и теперь у нас ведьм жечь не принято! Вот тогда и костер погасили. А он, между прочим, какой-то там восьмьюродный или семиюродный, скотина юродивая, племянник моего отца! И титул его наследует, как единственный официальный представитель рода! Зиг всё квохчет, чтобы я замуж за него шла...

— А что, зовет?

— В том-то и дело, что зовет, — кивнула я, отворачиваясь.

На глазах выступили слезы, и я попыталась украдкой смахнуть их, чтобы не опозориться перед бабушкой. Этого ещё только не хватало. Не простит она мне слабости, точно не простит. Бабушка — стальная женщина, в сравнении с тем, кто у неё был истинной парой, мне, наверное, вообще неслыханно повезло.

Только мне вот от этого не легче.

— Приехал вчера, а я, дура, дверь открыла... Переждать не могла!

— Что суждено, тому не миновать, — скривилась бабушка. — Сколько раз я тебе об этом говорила? Раз начертано тебе было встретить седьмого числа месяца своего суженого, встретила бы. Ближе к концу срока выталкивала бы тебя твоя судьба на улицу. Дом бы сожгла, тебя бы не пощадила, чтобы в руки твоего суженого толкнуть. Так что лучше так!

Я скривилась. Мне никогда не нравилось то, как бабушка относилась к предсказаниям. Да, они у неё всегда сбывались, но можно же было представить, что однажды всё пойдет по-другому! Но бабушка просто не оставляла вариантов. Она уверенно говорила, что читает судьбу, а судьба ей ясно говорит, чем всё закончится. И нечего носом крутить, не убежать мне никуда.

Пытаясь собраться с духом, чтобы рассказать свою историю до

конца, я вперила взгляд в расшитый золотой ниткой воротник бабушкиного платья и нехотя начала с начала:

— Приехал он ко мне вчера и сказал, что нашим домом заинтересовалось государство. Мол, я незаконная наследница, только по крови, а у него кровь слишком жидкая, не хватает, чтобы получить наследство. И чтобы дом не забрала держава, он предлагает мне выйти за него замуж. Фиктивно! — на самом деле, откровенные взгляды, бросаемые на меня Людвигом, эту самую фиктивность ставили под большое сомнение, но я решила бабушке об этом не сообщать. — А я на него даже смотреть без дрожи не могу! Он ведь едва на тот свет не отправил...

Я умолкла, позволяя бабушке наконец-то выдать что-нибудь глубокомысленное, а она вместо этого только зло хохотнула.

— Ой, брешешь, родимая, брешешь, — заявила она, скрестив руки на груди. — Смотреть она на него без дрожи не может! Нравится он тебе, а ты носом воротишь, потому что решила для себя, что ненавидеть должна!

— Так он же...

— Инквизитор твой? Ну и что? Не казнил ведь. Не бил, ногти не выдирал, — отмахнулась бабушка. — Твой дед вот уж какое чучело безмозглое стало на старости лет, что и на это едва не пошел, едва остановила! Так что, моя дорогая, не крути носом. Соглашайся.

Я обмерла.

— Может быть, есть какой-то способ разорвать узы истинной пары...

— Забудь! — стукнула бабушка кулаком по столу. — Он тебе судьбой предначертан! Сойдетесь или нет, потом подумаете, а так и любимого потеряешь, и все деньги. Вижу, соблазнов на твоём пути будет — ого-го! И без него ты не пройдёшь, не выживёшь!

Я вздрогнула. Голос Маргрет изменился, выдавая, что она шептала очередное пророчество, а не просто запугивала меня, а я этого боялась до потери сознания. Пророчества бабушки всегда сбывались.

— Так что будь умной девочкой, — протянула она, впрочем, стремительно возвращаясь в свой нормальный вид. — Не надо глупостей! Согласись! Почему нет? Он же тебе нравится, красив, молод совсем. Будете вместе отличной парой. А если не сложится, так не сложится. Разбежитесь мирно, так хоть деньги при тебе останутся.

Послушай старую женщину!

— Но если он...

— Знаешь, — женщина прищурилась, — был один колдун, и говорила я ему ещё с юности: не мил ты моему сердцу. Мне карты шептали: держись за этого человека, рядом с ним ты будешь богата и счастлива! Но нет. Поверила я зову сердца и сладким речам твоего деда, а потом страдала, когда первая страсть выгорела. Теперь смотрю на него и думаю: вот же глупа была... И его по миру помотало. Теперь мы уже не можем воскресить ту былую страсть, как бы ни старались. Даже если рука об руку дальше пойдем, всё равно уже будем друзьями, любовниками, но не возлюбленными, стары стали. А тебе так повезло! У тебя истинной парой одаренный оказался. Дай ему шанс, внучка... Не вороти нос. Не бойся. Коль такая удача по жизни выпадает...

Да уж, удача, от инквизитора с ума сходить!

— То надо ею воспользоваться. Обещай мне, что подумаешь!

— Обещаю, — выдохнула я покорно, поняв, что иного совета не получу. — Обещаю, ба.

Глава шестая. Людвиг

Поместье маркиграфа фон Ройсса не поражало особенным внутренним убранством или роскошной архитектурой. Это место предназначалось не для того, чтобы армия врага, впечатлившись красотами, решила штурмовать чуть поласковее, а просто чтобы жить. Маркиграф, насколько было мне известно, любил наслаждаться каждым своим днем и предпочитал наполнять собственное бытие множеством деталей, несколько... непривычных для обыкновенных людей. Так или иначе, а стоило только свернуть в один из побочных коридоров, что, будто кровеносная система, пронизывали поместье, и я тут же чувствовал горький привкус его магии.

Сомнений в том, что колдовала не Гертруда, у меня не было. Магия, рассыпанная щедро фон Ройссом, была определено мужской и заточенной исключительно под его потребности. Вероятно, не просто так ходили слухи, будто, оказавшись в доме маркиграфа, ни одна девица не могла ему отказать. Завороженные колдовской силой, девушки сами шли в широко распахнутые объятия фон Ройсса, и только потом, покидая уже его владения, понимали, что натворили.

Я усмехнулся. Да уж, неплохое наследство досталось Гере, но как же оно нуждалось в очищении!

Впрочем, девушка сделала всё, что могла. В обжитых ею комнатах было уютно, и Гертруда постепенно, миллиметр за миллиметром освобождала, очищала от чар маркиграфа принадлежащее теперь ей поместье.

— И тебе не надоело? — проскрипела над ухом Берта. — Ходишь и ходишь! Она ещё тебе ни да, ни нет не сказала, может, вылетишь вон из этого поместья, аж засвистит за тобой!

— Не вылечу, — усмехнулся я. — Она согласится.

— И с чего ты так уверен?

— Она ведь не дура, — пожал плечами я. — Столько всего вложила. Разумеется, когда доберется обратно домой, поймет, что это место дорого ей обошлось. Не отказываются ведьмы просто так, по щелчку пальцев, от своего дома.

— Много ты знаешь!

— Уж побольше твоего.

Слукавил на самом деле, Берта-то прожила куда дольше, чем я, но возражать она почему-то не посмела. Только щелкнула клювом и недовольно отвернулась, всем своим видом демонстрируя, что жутко возмущена моим похабным поведением.

Я усмехнулся. В том, что мой фамилиар простит меня уже спустя несколько минут, сомневаться не приходилось, а вот долгое отсутствие хозяйки поместья, если честно, смущало.

Разумеется, я навел о ней справки. Только последний дурак прибыл бы к почти незнакомой девушке, с которой сталкивался только когда пытался её сжечь, и даже не поинтересовался, одинока ли она или, может, давно замуж вышла. Но фрейлейн Гертруда Аленауэр, заявил мне один крайне любопытный бюргер из соседнего городка, седьмого числа дверь не открывает, а пятерых женихов в другие дни с лестницы спустила, пальцами щелкнув, а вообще одна да одна! И птица у неё есть, пылающая, видать, жених её заколдованный ведьмою коварной.

Ну конечно. Пока сплетники выговорят слово "фамилиар", у них и язык заплетется, а обозвать его суженым-ряженым — проще простого. Ну, а что пылающая птица больше на петуха обыкновенного похожа, так фантазия-то народу на что? Додумали!

Мне же было прекрасно известно: ведьмы старше двадцати, особенно которые ещё девицы, получают в наследство от старшего поколения дату, когда суженого своего встретят. Должно быть, нагадали

Гертруде, что истинная пара её найдется какого-нибудь седьмого числа каждого месяца.

Я ещё тогда подумал, если откроет, значит, судьба.

Не прогадал.

Берта завозилась на плече, и я тоже насторожился. Рядом потянуло магией, яркой, сильной, но определенно куда более светлой, чем основной рабочий фон. Значит, вернулась всё-таки... Интересно, одна, или таки привела "суженого" своего в виде какого-нибудь деревенского идиота?

Я, не став тянуть, уверенно направился в обеденный зал, надеясь, что телепортация приведет Геру именно туда. Интересно было увидеть её первую реакцию. Она ведь поняла, что я — колдун?

Если не дура, поняла.

Хотелось бы верить, что не дура. Я себе с трудом представлял, как можно провести всю жизнь под одной крышей с глупой женщиной. А разговаривать с нею о чем?

Вспомнились почему-то слова покойного маркграфа...

— С женщиной не разговаривают, — перекинул я, ускоряя шаг. — Женщину...

— И что же ты собираешься делать с женщинами?

Я стремительно обернулся.

Гертруда стояла у меня за спиной, как будто выскочила из какого-то коридора. Злая, как сто инквизиторов, у которых из-под носа увели ведьму, она смотрела на меня так, словно собиралась проявить все свои боевые навыки. Но нападать, тем не менее, не спешила. Вспомнила о том, что в мире есть такие понятия, как осторожность и осмотрительность.

Нет, такую упускать нельзя!

— Замуж звать собираюсь. Тебя, — легко ответил я, решив, что рассказывать версию маркграфа не стоит, информация точно не для ушей Гертруды. — Так что, ведьма, определилась ты наконец-то, что делать будешь? Пойдешь замуж?

— Обязательно, — пообещала она, но как-то так, что мне совершенно в это обещание не верилось. — Но только после того, как ты, инквизитор, расскажешь мне о своих колдовских буднях. У какой ведьмы ты своровал силу?

Поразмыслив секунду-другую, свой смешок я предпочел оставить

при себе. А то женщины, которые верят в такие отвратительные слухи и стереотипы, опасные женщины.

Возможно, Гертруда и не настолько умная, как мне хотелось бы верить. А жаль. Такой потенциал! Такая фигурка и личико...

И такая вкусная, сладкая магия.

— Её звали Магдалена, — сообщил я вкрадчивым голосом. — Магдалена Блау. Она была очень красивой женщиной, и пройти мимо неё, не влюбившись, было невозможно. Встреча с мужчиной из рода фон Ройсс показалась ей радостью, ведь фрейлейн Блау не была ни дворянкой, ни даже просто богачкой. О дворянстве ей и не мечталось. Деревенская девица, всю свою жизнь она провела в лесу, собирала травы и варила колдовские отвары. Конечно, в её сторону поглядывала инквизиция, но поскольку Магдалена не проявляла свою магию слишком явно, потому её и не трогали, не отправляли на костер...

— И что с нею случилось? — настороженно поинтересовалась Гертруда.

— Ну как что? Нет больше Магдалены Блау.

Судя по тому, как ведьма сжала руки в кулаки, моя шутка ей не понравилась.

— Умерла? — холодно поинтересовалась она. — И как же ты выпил из неё магию?

— Да чего ж умерла? Теперь зовется Магдалена фон Ройсс.

— Жена?! — ахнула Гертруда.

— Нет, — усмехнулся я. — Для жены не годится. Мать она мне.

Пламя, уже успевшее наплясать на костяшках пальцев Гертруды, моментально погасло. Неужели действительно поверила? Не бросится на меня, не попытается узнать больше?

Магдалена Блау и вправду была моей матерью. Правда, дар я большей мерой получил от отца, чем от мамы, но отца и в помине-то нет, а мама ещё жива, здоровствует, хотя со мной отношения не поддерживает. Она ещё одиннадцать лет назад уехала в Амьен, когда инквизиция совсем уж одурела, а я вынужден был вступить в её славные ряды, чтобы самому не попасть под раздачу. Надо сказать, мать этот шаг ожидала не оценила.

Но она и отца никогда особенно не понимала, когда он упорствовал и хотел быть свободным и независимым колдуном, обнародовать свою силу, продемонстрировать дар всем живым. Додемонстрировался до

того, что если б не помер от сердечного приступа, то оказался бы на костре через недельку-другую. Но не успел, и тем самым спас и мне, и матери жизнь.

А то пошли бы туда все трое.

— Мать, значит, — скривилась Гертруда. — Нельзя было сразу сказать?

— А нельзя было не верить в этот бред, что инквизиторы воруют у ведьм силу? — усмехнулся в ответ я.

— Я и не верила, — вскинулась девушка. — Но надо же было проверить! Кто знал, что сила у тебя наследственная? И... Не понимаю, — она нахмурилась. — Одаренный инквизитор! Это ведь парадокс!

Парадокс, да. Многие не верят. Или не хотят верить. Я и сам, если честно, был не в восторге, когда узнал о том, как наша братия привыкла прятаться от святой инквизиции, но куда деваться?

На костер никто не хочет.

И я не хотел.

— Так вышло, — пожал плечами я, рассматривая Гертруду. В полумраке коридора сделать это было трудно, но даже здесь она смотрелась выгодно.

Особенно эти каштановые, с легкой рыжиной волосы...

— Ну так что, — я сделал шаг вперед, подступая к девушке. — Пойдешь за меня замуж, фрейлейн Аденауэр? Разрешишь спасти наше общее наследство от коварного государства.

Она прищурилась, изучая меня взглядом, а потом внезапно решительно заявила:

— Разрешу! Я согласна!

Сказать, что я был поражен — не сказать ничего. На самом деле, я полагал, что она продолжит упираться, но ведьма смотрела на меня доверительно, так, как будто мы были тысячу лет знакомы. Улыбалась даже. Выглядела очень даже мило, кажется, не притворялась, по крайней мере, я хотел в это верить.

Странное дело. Не она ли убежала от меня прочь, только увидев, что я способен что-то наколдовать? И не она ли пыталась выставить меня за дверь?

Впрочем, да какая мне разница? Согласилась и согласилась! Не отравит она меня до свадьбы точно, а к тому времени я как раз успею

убедить её в том, что наш брак — лучшее, что могло случиться в её жизни.

Не особенно сдерживаясь, я сгреб ведьму в охапку и склонился к ней, чтобы поцеловать. Девушка не особенно сопротивлялась, только немного откинулась назад, заставляя меня податься к ней, наклониться ещё ближе.

И в тот момент, когда наш поцелуй почти состоялся...

Укусила меня за губу!

Я отпрянул от ведьмы, от неожиданности выпуская её из своих рук. Гера, кажется, того и ждала. Она отскочила на полметра и с более-менее безопасного расстояния рассматривала меня, будто какую-то забавную зверушку, над которой было бы неплохо поиздеваться вот прямо сию секунду.

— Ха! — воскликнула она. — Наивный дурак! Ты думаешь, что я по-настоящему пойду замуж за инквизитора? Даже не надейся! Фиктивный брак, и спальни у нас будут в разных комнатах, понял? О том, чтобы меня целовать, можешь и забыть даже, а о большем — просто не мечтай.

— Надо же, — прошипел я. — Какие условия. А если я не соглашусь?

— Тогда иди отсюда, — пожала плечами девушка. — Невелика потеря. Выйду замуж за кого-то нормального, тоже с деньгами, получу другой титул, и тогда эти земли мне даром не нужны будут. Что такого сложного для ведьмы окрутить какого-нибудь барона? Или даже другого маркграфа! А может, он и вот это всё поможет мне за собой сохранить.

— Не пойдешь ты ни за какого барона или маркграфа, — скривился я. — Выдумываешь, чтобы меня позлить.

— А то ты, подумать можно, всерьез собрался отказываться от фиктивного брака!

Я смерил её недовольным взглядом.

— Досмотрщик прибудет через два дня, — наконец-то нехотя произнес, всё ещё не отрывая от Гертруды взгляда. — И он должен быть уверен в том, что мы с тобой — пара! Настоящая пара, а не какая-нибудь фикция. Он будет спрашивать и цепляться к деталям.

— И что ты предлагаешь?

Теперь тон Гертруды звучал по-деловому. Она явно больше не

планировала никаких шалостей, напротив, была очень сосредоточенной, хоть и смотрела на меня с вызовом, словно показывала, что просто так не сдастся и на мои условия не пойдет. По крайней мере, если они её не устроят.

Но сейчас меня это мало волновало. Ничего, с ведьмой я разберусь и попозже, а вот от досмотрщика просто так не улизнешь. И с ним надо решать дела как можно скорее.

— Когда прибудет досмотрщик, объявим о нашей свадьбе. Публично, — твердо заявил я. — Пусть будет несколько лишних свидетелей... Позовешь своих подруг, например. Уверен, они с удовольствием сюда придут!

Судя по тому, как клацнула зубами Гертруда, она примерно представляла, зачем сюда придут её подруги. Им-то я инквизитором не представлялся! Наверняка женихи, а уж тем более одаренные, тут не такие уж и частые гости. Так что меня ждет ещё не слишком приятное испытание на верность в исполнении недалеких дамочек.

Пока меня проводили к дому фрейлейн Аденауэр, уже пытались всунуть приворотный пирог. Хорошо, что на колдунов такая зараза не действует, но уже то, что у той дамочки — как её, Барбара вроде бы? — такое есть про запас, мягко говоря, настораживает.

— Конечно. Приглашу и Барбару, и Иоганну, — протянула она. — Весь поселок приглашу! Маркграфы же свадьбу планируют. Пышную! С обязательными атрибутами в виде платья, торжества...

О, она планирует всё это отмечать? И сама же не хочет, судя по всему. Мне на зло?

Вот уж коварная женская натура!

— Конечно, — кивнул я. — Устроим подготовку к пышной свадьбе. Досмотрщику очень понравится, он будет в восторге от того, что мы пригласим его на торжество!

Кажется, это уже смутило Гертруду.

— В смысле, пригласим на торжество? — тут же поинтересовалась она. — А он разве будет присутствовать только при объявлении, что мы жених и невеста?

— Конечно, нет, — заявил я. — Это же досмотрщик. Ему надо доказать, что мы друг другу чужие люди, что брак этот по расчету как минимум, а лучше вообще фиктивный. Тогда его признают недействительным, земли у нас заберут, и будем мы с тобой без денег,

без земли, но зато гордые и свободные как птицы.

Судя по всему, Гере не понравилась перспектива стать птицей. Даже очень свободной. Что ж, я мог её понять, далеко не каждому захочется выпускать из своих рук такие прекрасные земли, весь достаток, к которому она наверняка привыкла...

Само собой, она сделает всё, чтобы мерзкий досмотрщик убедился в искренности наших чувств!

Будет очень мило, если потом и сама проникнется своей актерской игрой, но, кажется, тут я уже немного размышлялся.

— В таком случае, всю подготовку к свадьбе он проведет здесь. И на свадьбе будет... — протянула она. — И вопросы наверняка будет задавать... Тогда нам обязательно надо узнать побольше друг о друге! Чтобы он совершенно точно не смог нас подловить!

— Правильно мыслишь, — кивнул я. — Даже очень правильно. А ещё нам надо узнать, насколько быстро можно будет устроить свадьбу. Потому что после бракосочетания он точно ничего не сможет с нами сделать. И брак уже никто расторгать не станет, если его скрепят перед небесами.

Судя по выражению лица, не слишком-то эта перспектива радовала Гертруду, но ругаться она не стала, только досадливо махнула рукой.

— Увы, — заявила девушка. — С момента объявления помолвки и регистрации в городском Дворце Бракосочетаний, должно пройти четырнадцать дней. Минимум. И все эти дни мы будем упрямо притворяться женихом и невестой. И выполнять все местные традиции.

— Уверена?

— Уверена, — кивнула Гертруда.

И тут я подумал, что традиции, предназначенные для жениха, очевидно, не такие приятные, как бы мне хотелось. Иначе она бы уж точно на этом не настаивала.

Ещё и с такой коварной улыбкой, осветившей её довольно милое личико.

Глава седьмая. Гертруда

Я проснулась с мыслью о том, что больше всего на свете хочу сбежать. Право слово, это будет просто ужасно! Я даже в самом жутком сне не представляла себе, что однажды вынуждена буду выходить замуж за собственного инквизитора. И что я добровольно на это соглашусь. Чем я вчера вообще думала?!

Впрочем, нужно смотреть правде в глаза: головой. Отказаться — это точно не тот вариант, к которому следовало прибегнуть в нашей ситуации. Я прекрасно понимала, что тот досмотрщик, каким бы он ни оказался, просто так нас в покое не оставит. Либо попросит взятку, которую ему никто не будет давать по меньшей мере из соображений безопасности, либо будет пристально наблюдать за каждым нашим шагом.

Ни первая, ни вторая версия мне не нравилась.

— Ну чего ты такая печальная? — донесся до меня скрипучий голос моего верного фамелиара. — Чего ты кривишь губы? Радоваться надо! Твоя истинная пара зовет тебя под венец!

— Это не смешно, — скривилась я. — Зигги, это совершенно не смешно.

— А кто смеется? — поразился Зигфрид. — Моя прекрасная Гера, я только пытаюсь тебя подбодрить! Ну, давай будем вместе рассматривать все плюсы ситуации... во-первых, ты не станешь старой девой!

Нельзя сказать, что мне это грозило — в конце концов, даже самые одинокие ведьмы бывают куда счастливее, чем давно замужние неодаренные женщины, а с термином "старая дева" у меня ассоциировалась именно несчастная одинокая женщина. Но я решила не спорить против аргумента Зигфрида.

Наверняка он потратил немало времени просто для того, чтобы их придумать.

— Предположим, я счастлива — я не стала старой девой. Какие у тебя ещё аргументы?

— Ты выйдешь замуж за свою истинную пару, — всё тем же задорным тоном продолжал Зигфрид. — А значит, ты совершенно точно будешь любить своего молодого супруга!

Вот что молодого, так это точно. Людвигу точно было не больше тридцати. Перспектива выйти замуж за какого-нибудь столетнего мага меня совершенно не прельщала, даже если б он выглядел точно так же, как Людвиг, ведь разница в возрасте, ещё и такая солидная, обязательно дала бы о себе знать. А так я, по крайней мере, буду уверена в том, что этот премерзкий инквизитор понимает, о чем я говорю.

Но любить? Истинная пара — это не любовь. Это постоянное притяжение и влечение. Можно наслаждаться этой связью, но при этом

любить кого-то совершенно другого. Можно полюбить свою истинную пару, но так же быстро перегореть по отношению к ней, как это случилось у моей бабушки.

Можно, конечно, влюбиться и провести всю жизнь счастливо вместе. А если вы будете истинной парой друг для друга, то ещё лучше! Ведь тогда мужчину и женщину связывает нерушимая нить колдовской связи, которую никому не под силу разорвать. Они влюбляются друг в друга без памяти, и дети у них рождаются самые могущественные, самые сильные и даже самые красивые.

Но вряд ли нам с Людвигом это светило.

— Вот не надо рассказывать мне про любовь, — закатила глаза я. — Какие-то ещё плюсы будут?

Уже заметив, как Зиг уверенно распустил хвост, я поняла, о чём он мне сейчас скажет.

— Конечно же! — заявил он. — Ведь я тоже наконец-то обрету своё счастье в союзе с прекрасной Бертой!

Я с трудом подавила желание швырнуть чем-нибудь в своего фамилиара. Какой, однако, эгоист! Распустил уже свой золотистый хвост и спешит доказать, что Людвиг — мужчина моей мечты. И всё ради чего? Чтобы ему разрешили проводить больше времени с какой-то вороной? Ну ладно, с вороном! Просто потрясающе, логика прямо на высшем уровне!

Но, впрочем, я и так вчера согласилась на замужество. Даже если фиктивное! Терять имущество, которое принадлежит мне по праву — это было бы слишком! И ладно б его пытался отобрать Людвиг, так нет, государство, которое и так в этой жизни мне дало только отопление в виде довольно яркого костерка под ногами, стремится влезть своими грязными лапами в спокойный уклад моей жизни и всё там переколошматить. Забрать всё, что после себя оставил отец.

Эх, но как же было бы проще, если б я ничего не чувствовала к Людвигу! Если б меня не сгрызало это отвратительное влечение к истинной паре! Сковывавшая нас с ним магия была куда сильнее, чем самообладание любой, даже самой могущественной ведьмы. Или колдуна. Но вряд ли Людвигом руководит что-то большее, чем элементарное желание мужчины получить себе хорошенькую любовницу на несколько ночей, а в придачу к ней ещё и гору денег.

Пусть даже не надеется, что он сможет навязать мне свои

патриархальные взгляды! Вот найду способ избавиться от этого влечения, выжгу всё, что связывает нас, как истинную пару, и тогда он у меня попляшет!

Вероятно, я одевалась с таким сосредоточенным выражением лица, что даже Зигфрид, занятый своими мечтаниями о Берте, обратил на меня внимание. Он устроился на краешке кровати, распластавшись на ней, будто дохлый, и поинтересовался:

— И что за коварство ты задумала, моя дорогая?

— Какое коварство? — изобразила недоумение я. — Не понимаю, о чем ты!

— Всё ты прекрасно понимаешь, дорогуша, — проворчал Зиг. — Знаешь, о чем я говорю! Небось, твоя прекрасная головушка уже придумывает идеи, как бы это разойтись с собственным женихом, нарушить естественное течение твоей судьбы и всё такое... Так вот знай, я не позволю этому случиться!

Я закатила глаза. Ну конечно, в самый последний момент Зигфрид сожжет тот артефакт или то зелье, которым я захочу воспользоваться, своим пламенем, принесет себя в жертву, на несколько минут позабыв, что фениксы в огне не горят, а потом будет гордо рассказывать, что спас наш брак.

Ничего у него не получится! Пусть и не мечтает даже!

— Не надо подозревать меня в том, чего я не делала, — улыбнулась я, сделав пометку, что мой драгоценный фамилиар — не лучший помощник в коварном деле разрывания связи истинной пары. — И вообще, пойду я. Завтрак приготовлю, порадую женишка.

Зигфрид, всё ещё не преисполнившись доверием ко мне, к своей, между прочим, хозяйке, следовал за мною неотрывно вплоть до самой кухни, но там, вспомнив о том, что его не слишком большие размеры допускают случайное падение в кастрюлю, скрылся. Завтрак я, впрочем, приготовила без малейшего подвоха, да и сама тоже собиралась есть. Не время сейчас ссориться, нас с Людвигом в первую очередь должно интересовать общее дело.

Блюда с помощью магии всегда готовились куда быстрее, чем вручную, потому уже через несколько секунд я подала тарелкам знак рукой, велел им следовать за собой, и, гордо расправив плечи, направилась в обеденный зал. Людвиг, наученный прошлым опытом, уже был там, занял всё то же место напротив меня, упрямо игнорируя

кресло для главы семьи.

Это в нём порядочность проснулась? Ой, нет, где там! Какая порядочность! Подлизывается просто, да и только! Только что ж у меня при виде него дыхание-то перехватывает...

Проклятая истинная пара!

— Доброе утро, — улыбнулся Людвиг. — Берта сказала, что ты звала меня на завтрак.

— Я? — усмехнулась в ответ, с трудом сдерживаясь, чтобы не развернуться и не уйти.

Или чтобы не поцеловать его.

— Не звала, но собиралась, — наконец-то решила я выбрать максимально похожий на правду вариант ответа. — Подумала, нам ведь нечего ссориться. Ты меня не сжег, я тебя проклясть не успела. Разошлись мирно. Теперь у нас есть кое-какие общие дела...

— И будущий общий брак, да.

— Хорошее дело браком не назовешь, — скривилась я. — Не думаю, что он будет очень счастливым. Если только ты не согласишься на развод сразу же, как только мы официально унаследуем всё и не переоформим это на себя.

Людвиг закатил глаза.

— Думаю, это не лучшая идея.

— Почему же?

— Потому что могут проверить и после, — пожал плечами он. — Я тут приготовил ряд вопросов, которые могут интересовать нашего досмотрщика. Взглянешь?

Я напряженно кивнула, и мужчина протянул мне свиток, на котором, очевидно, и записал все те основные вопросы, которые пришли ему в голову и ответы на которые нам надо было изучить. Интересно, писал вручную или воспользовался всё-таки заклинанием? Я вот очень редко писала от руки, всё чаще заговаривала перо, чтобы оно под диктовку само выводило нужные символы...

Решив, что оттягивать больше некуда, я потянула за край свитка... И ошеломленно заморгала. Он что, с ума сошел?! Я была уверена в том, что здесь десять, двадцать, тридцать вопросов, но список казался просто бесконечным. Я всматривалась в каждый из пунктов и была готова схватиться за голову. Такие мельчайшие подробности!

— Зачем нам знать это друг о друге?! — воскликнула я, с трудом

сдерживая гнев. — Это совершенно ненужные подробности...

— Разве ты не понимаешь? Влюбленные часто делятся такими глупыми фактами друг о друге. Это примерный перечень того, что могут спросить обо мне. Думаю, для тебя надо будет подкорректировать часть вопросов, — усмехнулся Людвиг.

— Но мы можем быть едва знакомы! Встретились, влюбились и решили пожениться! — воскликнула я. — И тогда...

— Можем, — кивнул Людвиг. — Но я уже говорил с досмотрщиком. И сказал ему, что мы знакомы два года.

Я закусила губу.

— Зачем? — с трудом выдавила из себя вопрос, хотя и так примерно знала на него ответ. И прекрасно знала, что услышанное меня совершенно не порадует. — Ты же даже не мог быть уверен в том, что я действительно соглашусь на всю эту аферу!

— Я был в тебе уверен, — ухмыльнулся Людвиг. — Ты ведь умная девушка. Зачем тебе было отказывать мне? Особенно если учитывать, что это выгодно нам обоим.

Мне захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Досмотрщик теперь из-за этого заносчивого дурака свято уверен, что мы знакомы целых два года! Два года! Да, за два года можно узнать, например, и о курьезных случаях детства, и о том, были ли у нас чувства друг к другу, когда мы столкнулись впервые, и о первых юношеских влюбленностях... Конечно, у нас в Видаме была дурацкая традиция откровенничать друг перед другом, но её редко кто придерживался.

Считалось, что при заключении брака священнослужитель может спросить у брачующихся всё, что угодно, и они обязаны знать это друг о друге. Вот только по факту он предоставлял список будущих вопросов ещё за четырнадцать дней до свадьбы — минимальный срок, за который можно было выполнить все подготовительные работы и быть готовыми к браку, выполнить все эти дурацкие традиции, которые должны были проверить, насколько близки жених и невеста...

Ох, я ж с ума сойду за эти две недели!

— Мы не успеем выучить это за сегодня друг о друге, — вздохнув, наконец-то заявила я. — Не легче ли сразу сказать правду? В таком случае, мы хотя бы не опозоримся. Мне не хотелось бы оказаться посмешищем для всего поселка.

— На самом деле, — покачал головой Людвиг, — есть один способ узнать друг о друге куда больше. И быстро. Это магический способ, но ведь ты ведьма? Вряд ли тебе будет претить колдовская сторона ритуала.

Колдовская-то не будет, но, судя по вредной усмешке наглого инквизитора, там найдется чему меня смутить.

— И что же надо делать? — спросила я с вызовом, глядя ему прямо в глаза. — Скажешь или испугаешься, смельчак?

Мне хотелось как-то его подковырнуть, поддразнить, но на самом деле я чувствовала себя растерянной и испуганной. Зачем только согласилась? Ведь за ложь может быть довольно серьёзное наказание! До меня только сейчас дошло, что игра, в которую мы ввязываемся, точно не будет простой.

И, проклятье, четырнадцать традиций сближения вряд ли будут для нас такими простыми, как мне бы хотелось! Кстати, а этот умник хоть знает о том, в чём они заключаются?

Боюсь, что нет.

Но сначала надо хоть ответить на вопросы. Может, мы и первый этап пройти не сможем.

— Произнести заклинание, — усмехнулся Людвиг. — Всего лишь произнести заклинание... И обеспечить тесный физический контакт.

Я аж вскочила со своего места.

— Контакт?! Даже не надейся! — возмутилась я. — В постель я с тобой не лягу, даже если после этого всю твою биографию узнаю!

— Спасибо, не надо всю, — усмехнулся Людвиг. — Только важные факты. Мы не будем делиться чувствами.

Ох, порадовал! А что, постель тебя, скотину эдакую, не смущает? Как мило! Зато меня она очень смущает, и я просто так сдаваться точно не собираюсь!

Вероятно, выглядела я очень живописно, потому что, когда Людвиг поднялся со своего места, на его губах играла довольная улыбка, а в чёрных глазах светились яркие искры удовольствия.

— Не бойся, — протянул он. — Спать со мной тебе не придется. По крайней мере, пока что. Нам надо всего лишь поцеловаться. Этого будет достаточно, чтобы передать друг другу нужный объем воспоминаний. Только когда будешь читать заклинание, подготовь нужный блок информации... Оно там, на обратной стороне свитка.

Наверное, если б он сразу сказал мне о поцелуе, то я бы послала его куда подальше и заявила, что ни на что такое не пойду. Но сейчас ощущение облегчения было достаточно велико, чтобы я, тяжело вздохнув, кивнула и развернула свиток другой стороной к себе. Заклинание было достаточно длинным, но я понимала, что его объем таков лишь для того, чтобы успеть вспомнить всё, что будет передаваться.

Главное не сказать даже случайно этому гаду, что он — моя истинная пара. Это информация, которую можно даже от жениха скрывать, и досмотрщик, если он ведьмак, ни щя что не решится спросить о подобном в лоб, знает, что мы сможем ответить ему тем же, и он тогда обязан будет ответить на любой другой вопрос.

Заклинание очень легко запечатлелось в моей памяти, и я, закрыв глаза, закружилась вокруг своей оси, бормоча нужные слова себе под нос. Магия слоями окутывала меня, пряча от посторонних взглядов, будто в коконе. Колдовская сила сплеталась в тонкую паутину, и в неё я вкладывала все воспоминания, которыми хотела поделиться с Людвигом.

Не удержавшись, вложила туда и немного чувств, которые испытывала, когда меня собирались сжигать. Пусть наслаждается, сволочь эдакая! Ему, наверное, иначе просто не объяснить, почему я реагировала и буду реагировать на него негативно, какие бы сладкие речи он ни произносил сейчас.

На десятом обороте закливание оборвалось. Я едва успела впихнуть в паутину последние воспоминания — о том, как я, будучи маленькой, злилась на маму за то, что она меня бросила, а ещё что мой любимый цвет — бордовый, и застыла. Перед глазами всё прыгало, и я с трудом сумела найти взглядом Людвига. Тот выглядел совершенно спокойным. Неужели закливание так легко давалось?

Или он воспользовался им ранее?

— Теперь поцелуй, — твердо произнес он.

Я насторожилась. Если я хотела разорвать связь истинной пары, то должна была как можно скорее разорвать физический контакт, минимизировать любую возможную связь, чтобы потом было проще... Но отталкивать его сейчас было бы глупо, мы же всего лишь собирались обменяться информацией.

Людвиг обнял меня за талию, привлекая к себе. На какую-то

секунду мне показалось, что в его чёрных глазах загорелось что-то вроде нежности, а потом он накрыл мои губы своими, запечатлевая это клеймо в виде поцелуя... И я сделала худшее из всего, что должна была: обвила его шею руками и ответила на этот поцелуй, ответила жадно, чувствуя себя последней дурочкой.

В какую-то секунду мне подумалось, что пора б уже и разорвать контакт, но вместо этого Людвиг только крепче сжал меня в руках. У меня перед глазами запрыгали воспоминания — его любимый цвет, кстати, синий, а мама правда красивая, и глаза у неё голубые-голубые... Это отвращение, которое он испытывал каждый раз, когда должен был исполнять служебные обязанности.

Последним чувством, захлестнувшим меня, было желание. Людвиг смотрел на кого-то и буквально сгорал от жажды сгрести девушку в охапку, вырвать её из инквизиторских пут и утащить куда подальше. Да, возможно, к себе в логово, в такой себе плен, но вряд ли той девице подобный плен был бы столь неприятен.

А потом она обернулась...

И я с ужасом осознала, что это на меня он так смотрел, когда привязывал меня к лишающему дара креслу. Дрожал от желания прильнуть к моим губам. И сейчас наконец-то смог это желание исполнить.

Я оттолкнула его, даже не понимая, что творю. В эту секунду мне больше всего хотелось ответить взаимностью, но это означало признать свое поражение.

— Даже не надейся, — прошептала я. — Чтобы меня завоевать, тебе придется очень постараться, а не просто обменяться воспоминаниями.

И убежала, искренне рассчитывая на то, что его больно ударило моими воспоминаниями о костре. И что в этот кокон воспоминаний не попало ничего, что обозначало его как мою истинную пару. Не хватало ещё, чтобы он узнал об этом!

Глава восьмая. Людвиг

Перед глазами до сих пор стояла картина, как она отчаянно кривилась от страха и отвращения. Ведьма смотрела на меня полными ужаса глазами, буквально дрожала от ненависти ко мне... И из-за этого было вдвойне стыдно за те чувства, что в тот момент испытывал по отношению к ней я, кажется, толком не сознавая, что они не могут быть

взаимными.

Ненавидеть инквизиторов было очень просто, на самом-то деле. Я тоже их ненавидел. Всем сердцем! Они едва не забрали у меня маму, отец сам себя довел до такого состояния, что ему оставалось либо умереть, либо утащить на тот свет всех, погибнув на костре.

Куда труднее было оставаться одним из инквизиции, не угасив толком в своем сердце это отчаянное отвращение по отношению ко всем инквизиторам. Каждый раз, вспоминая о своей профессии, я мысленно вздрагивал от отвращения, от омерзения, от которого сводило всё тело. За два года воспоминания угасли немного, и я уже почти успокоился, но Гера разбудила во мне старые чувства...

— Эй! — её голос, звонкий, красивый и такой нежный, заставил меня вздрогнуть. — Ты что, уснул, что ли? Нам к гостям выходить надо! А ты стоишь, смотришь в одну точку!

Я повернулся к Гертруде. Она стояла совсем рядом и полной отвращения совершенно не выглядела, так что я уверенно тряхнул головой, отгоняя куда подальше дурацкие мысли о том, что до сих пор ей противен. Был бы противен, целовала бы иначе! И я, собственно говоря, уже давно не мальчик, чтобы позволить таким глупостям встать на пути нашего общего дела.

— Ты права, — я усмехнулся. — Пора нам выйти к гостям. А то они уже явно недоумевают, для чего мы их собрали.

Из дверного проёме было хорошо видно то, во что превратился наш обеденный зал. Заклинания оплели оконные рамы, украшая их зеленой листвой и весенними цветами, простые деревянные стулья теперь тоже обвивали колдовские растения. Во всём зале витали прекрасные ароматы, не оставляя и следа затхлости, которую приносила магия покойного маркиграфа. Мы с Гертрудой неплохо потрудились, и теперь в зале действительно как будто должен состояться праздник.

Место во главе стола всё ещё символически пустовало. Мы оставили там кресло, которое однажды должно было смениться небольшим диванчиком или, возможно, двумя спаренными местами для супруга и супруги. Пока что же мы оба готовились занимать места почти во главе стола, первыми, но всё же не по центру, как будто на собственном празднике сами были гостями.

Что ж, можно сказать, так и есть. Только когда мы наконец-то поженимся, сможем сесть на то почетное место и вести себя, как

полноправные хозяева. А пока что — занимаем места второго плана, поклоняемся человеку, которого и в живых-то больше нет. И магия этого места будет против, если кто-нибудь туда усядется. Ещё я или Гера — ладно, конечно, а если посторонний, могу себе представить, что его ждет!

— Ты так быстро собрала людей, — протянул я. — Есть опыт?

Из присутствующих я знал разве что Барбару и Иоганну, благодаря которым и попал, собственно говоря, в дом собственной дальней родственницы, теперь уже невесты. Остальные женщины и мужчины были мне незнакомы и, скорее всего, принадлежали к ведьминской общине.

— Одно заклинание — и всё готово, — фыркнула Гертруда. — Что тут делать-то... Впрочем, я и забыла. Инквизиторы до сих пор предпочитают пользоваться голубями! Очень сочувствую Берте, ей-то приходилось терпеть этих глупых существ!

Я улыбнулся, нисколько не разозлившись в ответ на это её заявление. Гера, конечно, пыталась уколоть большее, но на самом деле вполне предугадала поведение Берты. Та терпеть не могла голубей и всегда просила у меня разрешения клюнуть хоть одного из них.

Я в этом плане точно не отличался строгостью, потому почтовые птички частенько страдали от моего ворона-феникса.

Берта и Зигфрид, к слову, уже занимали свои места, устроившись на спинках предназначавшихся для нас стульев. Другие ведьмаки и ведьмы — а здесь все были представителями колдовской братии, — тоже пришли со своими фамилиарами. У некоторых были птицы, хотя и куда более обычные, кто-то пришел с кошками, оказалось тут несколько крыс, одна жаба и полевая мышь, крохотная и пугливая, постоянно прятавшаяся у своей хозяйки за пазухой.

Знакомые уже мне Иоганна и Барбара были обладательницами фамилиаров-птиц. И обе — надо же, какое совпадение, — в спутники жизни выбрали себе голубей.

Как будто специально, чтобы моей Берте было веселее, и она с трудом сдерживала себя, чтобы никого из них не заклевать! Эти почтовые птахи и так раздражали бедняжку, а тут ещё и разговаривающие противными человеческими голосами и толком не выговаривающие половину звуков алфавита!

— Ну что, фрейлейн Аденауэр, — протянул я, подавая Гере

руку, — пойдем, расскажем, каков был повод собраться здесь?

— Пойдем, — скривилась Гертруда. — Порадуем народ.

Нельзя сказать, что она очень сильно хотела рассказывать о том, что собиралась за меня замуж, но и не противилась, понимала, насколько важно успеть сделать это быстрее. Чтобы досмотрщику, когда он там прибудет, уже все могли сказать: да, мы жених и невеста.

Решив больше не тянуть, Гертруда, впрочем, безо всяких возражений вложила свою ладонь в мою, как и полагалось по традициям, и мы уверенно направились в обеденный зал.

Остановиться пришлось уже через три шага; остановившись в метре от конца стола, я вдруг осознал, что идти к его голове и там из-за высоченной спинки главенствующего стула будет не лучшей идеей. Гертруда замялась, но, увидев то же, что и я, тоже решительно остановилась и внимательно осмотрела всех присутствующих.

— Добрый день, — поприветствовал я собравшихся, взяв инициативу в свои руки. — Мы с Гертрудой не думали, что будем озвучивать эту новость так быстро, но, поскольку все уже собрались и пока что готовы нас слушать... Мы с фрейлейн Аденауэр, — я заговорил быстрее, как будто опасался, что в последнюю секунду что-то мне помешает, — собираемся пожениться.

В обеденном зале воцарилась гробовая тишина. Все, кто до этого переговаривался, игнорируя наше присутствие, обсуждал тайком, какие из блюд лучше выбрать и хорошая ли кухарка Гера, или, может быть, она пользуется чужими заготовками заклинаний — все эти люди теперь повернулись к нам и, кажется, пытались понять, шутим мы или нет.

А как мило вытянулись лица Иоганны и Барбары! То, как они на нас смотрели, уже само по себе требовало внимания, и я с трудом сдержал улыбку, так и грозившуюся появиться на лице. Они что, в самом деле считали, что уже то, что просто проводили меня к дому Геры, предполагает, что я обязан на них жениться?!

Ах да. Кажется, ведьминская натура не всегда отличается от обыкновенной женской. По крайней мере, этим двоим их дар ума не добавил.

— Но ведь, — первой подала голос Иоганна, потрянув своими тёмными, почти как у меня, волосами, — вы же родственники!

— Кровная родня! — подтвердила Барбара.

Или я их перепутал? Кажется, та, которая ниже ростом, светлее

волосом и, мягко говоря, пухлее, звалась именно Барбарой. А высокая, худая — именно худая, не стройная! — и черноволосая, представлялась Иоганной. Впрочем, для меня эти ведьмы были похожими, как две капли воды, в первую очередь потому, что они обладали практически идентичными аурами. И не сказать, что в их энергетике я увидел что-то очень хорошее.

— Дело в том, — заметив, что я так ничего и не ответил, хотя должен был, заговорила Гера, — мы с Людвигом — очень далекая родня, и было бы сильным преувеличением считать нас братом и сестрой. У нас есть общие предки...

Зал ощутило напрягся.

— В восьмом колене, — дополнил я, и все за исключением Барбары и Иоганны выдохнули с облегчением.

Всё, что дальше пятого колена, для магов не считается и вовсе. Кровь не вода, но такое далекое родство магия растворяет. К тому же, я унаследовал дар больше от рода фон Ройсс, но явно не от покойного магкграфа, слишком рознились наши чары. А Гера, кажется, пошла в свою бабушку, фрау Аденауэр.

Люди же с разным даром, если они не кровные и не двоюродные брат и сестра или что-нибудь столь же близкое по родству, даже не считаются родней. Скорее, одного рода, но кого б то волновало!

— Вот как, — зашипела Барбара — нет, это таки та русая толстушка, которая сейчас сверлит меня взглядом! И давно же вы знакомы, чтобы принять такое скоропалительное решение сочетаться браком.

— Два года, — елеинным голосом ответил я и дополнил: — Мы с Герой решили пожениться уже давно. Именно для того, чтобы заключить официальный брак, я и прибыл сюда.

Судя по всему, Гертруду обязательно ждет допрос с пристрастием в исполнении подруг, как это она посмела ничего не рассказать им о своем романе со мной. Боюсь, дамочки будут сильно разочарованы, потому что подробностей им точно не дождаться.

В первую очередь потому, что их у нас нет.

Тем не менее, тишина, царившая в обеденном зале, становилась всё более напряженной. К счастью, какой-то колдун догадался громко захлопать в ладоши и воскликнул, совершенно не жалея своё горло:

— Ах, не будет больше в наших краях такой завидной невесты!

— Дурак! — расхохоталась его жена, хлопая мужчину по плечу, и все за столом дружно загоготали. Я благодарно взглянул на этого почти незнакомого мне человека — если б не он, пришлось бы выкручиваться как-нибудь иначе, но благодаря ему у меня появилась отличная возможность просто проводить Геру к столу и позабыть о неловкости.

Мы и вправду успели добраться до наших мест под аккомпанемент чужого смеха. Гертруда села напротив своих подружек, предусмотрительно предоставив мне место рядом с ними, и я на всякий случай нацепил на тарелку заклинание-детектор: с этих дамочек станется, они ещё подмешают мне какую-то гадость в еду, а потом только и думай, как дожить до следующего утра и не умереть от всепоглощающей любви к женщинам, на которых в нормальное время и не взглянул бы!

— Угощайтесь! — не то предложила, не то велела своим гостям Гера, призывно указывая рукой на тарелки. — Всё собственноручно приготовлено! Заклинания, основанные на моих долгих трудах и моем опыте!

— Ах, повезло кому-то, — хохотнули на другом конце стола. — Жена — хозяйюшка! Разве найти жену лучше, чем бытовая ведьма!

— Ой, молчи, — ответили мужчине. — У тебя-то боевая! И то, что она до сих пор тебя не прибила, это вопрос времени. Правда ж, Сабина?

Сабина ответила что-то не менее колкое, но за общим гоготом я даже не различил ни слова. Женщина даже открыла рот, чтобы повторить свои слова ещё раз, но — не успела.

Ярко вспыхнула чужая магия, освещающая весь и без того не слишком томный зал и поджигая несколько цветочных венков, а потом — аккуратно на стоявшем во главе стола кресле, ещё и стоя на сидении ногами, — появился неизвестный мне маг, очевидно, господин проверяющий.

И, реагируя на его появление, кресло тут же засветилось черным.

Проверяющий мне не понравился. Совершенно. Притворно молодой, будто ему и двадцати пяти нет, с молочно-белой кожей, светлыми волосами до плеч — довольно широких, словно он сражался с кем-то или просто природа дурной силой наградила, — подтянутый, с неплохой фигурой, но не такой, как у настоящих боевых магов. И глаза эти наивно-голубые, первое же желание — их выколоть! Интересно, сколько ему на самом деле? Ставлю на то, что за сотню перевалило, маг

сильный, а внешность по большей мере наколдованная. Обычно такие слащавые пареньки на самом деле обладатели рыжей козлиной бородки, плечи на затылке и довольно неприметной фигуры.

Но надо же как-то выделиться, да ещё и привлечь внимание прекрасного пола!

Амьенец. Что не наш, не видамский, тоже было написано у него прямо на лбу. И в голове этой явно не чистые помыслы.

Надо же! Ещё не сказал ни слова, а мне уже хочется швырнуть в него настоящим боевым заклинанием и размазать по земле.

Неужели нас навестил сам маг иллюзий? Да ведь не скажет! Будет простеньким заклинателем притворяться, потому что если его раскусят, то уж точно ни единого слова ему не молвят, знают, что с обладателями дара иллюзия лучше не связываться, сами целее будут!

Вот только креслу тоже не понравился наш ведьмак-досмотрщик. Сильно не понравился. Видать, ауры он не видел, иначе мигом слетел бы с этого кресла и по доброй воле даже не подошел бы к нему. Но колдовская сила так и клубилась вокруг незнакомца, стремительно оплетая его путами и готовясь сделать что-то очень плохое.

Народ даже есть перестал от неожиданности.

— День добрый! — поприветствовал нас маг, безошибочно определив среди присутствующих своих главных жертв: меня и Геру. — Меня зовут Казимир Хогберг, и я прибыл сюда с целью... — он ещё раз смерил зал взглядом. — Простите, а что тут происходит?

Ничего не происходит. Но обязательно произойдет, если этот надутый петух немедленно не слезет с кресла! Насколько я знал маркиграфа фон Ройсса, он очень сильно любил это кресло. Настолько, что немалая часть его магии, а именно та, что наполнена силой личности, впиталась именно в этот предмет.

И никому, а уж тем более честолубивому маркиграфу, не нравилось, что по нему самым наглым образом ходили ногами. Сейчас он взбрыкивал, искренне желая высвободиться, столкнуть с себя совсем уж потерявшего всякий страх мужчину, топтавшегося по нему.

Понимал ли это Казимир? Очень сомневаюсь. Как по мне, этот горделивый, лишенный всякой скромности мужчина вообще очень мало что понимал и уж точно не знал границ разумного, необходимых ему, чтобы общаться с такими магическими предметами.

Судя по тому, как щурилась, присматриваясь к креслу, Гертруда,

она тоже прекрасно могла предсказать невеселую судьбу Казимира. Но говорить нашему проверяющему о том, что его ждет, девушка по понятным причинам не спешила.

Что ж, это нам на руку. И если Гере не понравится это смазливое нечто, тем лучше для неё! Потому что я могу себе представить методы этого...

Казика.

Жил у меня сосед Казимир, и вот его мать назвала Казик. Как по мне, очень логичное имечко для этого противного мага. Надо будет сказать Гере, может, хоть повеселю, и она не будет так на меня злиться. Потому что пока что наши отношения далеки от идеальных для жениха и невесты.

— Здесь? — первой подала голос Иоганна, позволив себе немного добавить истеричных ноток в слова. — К нашей Гере...

— Фрейлейн Гертруда Аденауэр, — привстала, представляясь, Гера.

— К нашей Гере, — упрямо повторила Иоганна, — прибыл её родственник в гости!

— Герр Людвиг фон Ройсс, — представился я, пока что не используя статус маркграфа — я им, в конце концов, не являюсь, пока не женюсь на Гертруде.

— Вот как, — ухмыльнулся ведьмак-досмотрщик. — Родственник, значит...

— В восьмом колене! — фыркнул кто-то за столом.

Кажется, это была та самая Сабина, которая боевая ведьма, и я даже проникся по отношению к женщине симпатией. Спасибо, а то пришлось бы самому растолковывать нашему досмотрщику, что наше родство не мешает семейным отношениям.

— И сообщили, — прошипела Барбара с таким видом, словно была готова подавиться собственным змеиным ядом, — что они собираются пожениться!

— После двух лет отношений, — дополнил я, улыбаясь. — К сожалению, мы не могли часто видеться, но расстояние не способно разлучить любящие сердца... Теперь вот решили осесть здесь, проводить всё время вместе. Завтра отправимся с фрейлейн Аденауэр в Дворец Бракосочетаний.

Досмотрщик взглянул на меня так, словно желал, чтобы этот самый

дворец рухнул. Прямо мне на голову.

Интересно, Геру он готов пощадить или нет?

В любом случае, этого мы не узнали. Потому что прежде чем наш прекрасный дознаватель сказал хоть слово, он изволил переступить с ноги на ногу. И наступил туда, куда не следовало.

Так что кресло, всё ещё обладающее духом маркграфа фон Ройсса, не выдержало такого над собой надругательства...

Глава девятая. Гертруда

В тот момент, когда Людвиг уведомил о нашей с ним свадьбе, я поймала себя на мысли, что, кажется, у меня станет на две подружки меньше. По крайней мере, те молнии, которые в меня взглядами метали Барбара и Иоганна, не свидетельствовали ровным счетом ни о чем хорошем. Я едва сдержалась, чтобы не активировать какие-нибудь защитные чары и защититься от проклятья, которым в меня однозначно попытаются швырнуть. Это ж надо, поганка какая, посмела такого идеального жениха прямо из-под носа утащить! Как я вообще могла?

Захотелось рассмеяться, но я спешно закусила губу, не позволяя ни звуку сорваться с моих уст. Не хватало только, чтобы дорогие подружки потом до конца жизни поминали мне то, с каким неуважением я отнеслась к их сердечным порывам! Но надо же, как они смотрят на Людвига! Моего Людвига! Могли бы — съели...

В какое-то мгновение я даже порадовалась, что выхожу за него замуж. Если б меня привязано к нему, как к истинной паре, а он просто оставался бы моим соседом, что тогда делать-то? Я бы смотрела на него и сгорала от ревности, наблюдая за тем, как мои "подружки" крутятся перед ним и пытаются показать, какие они со всех сторон привлекательные и уникальные!

К счастью, продолжить размышлять я не успела — вовремя подоспел ведьмак-досмотрщик. Привлекательный достаточно, только уж больно смазливый. Что-то в нём явно было не так, но я никак не могла понять, что именно. Да и магический фон едва заметно, но изменился, как будто он активировал какое-то заклинание, о существовании которого я даже не догадывалась. Чары оплетали его, и, хотя источник мне был неведом, я всё равно с нескрываемым интересом поглядывала на Хогберга. Ощутила, что магия достигла своего критического предела и вот-вот рванет...

А потом рвануло.

Кресло поднялось на ножках, как будто дикий зверь, всё затряслось в попытке стряхнуть из себя ненужную ношу, взбрыкнуло и с силой швырнуло нашего ведьмака-досмотрщика на стол. Я едва успела взмахнуть руками, чтобы тарелки с едой разлетелись в сторону — жалко же продукты! Мало того, что он решил испортить мне праздник, пусть не слишком натуральный, но всё же, так ещё и хочет испортить блюда, подготовленные для гостей? Может даже не надеяться на то, что ему это удастся.

Хогберг остановился где-то посередине стола. Иоганна даже с интересом поглядывала на него, изучая взглядом одну выдающуюся часть тела, торчавшую сейчас вверх — задницу, если уточнять. Кто-то из соседей-колдунов, явно не оценив появление чужака, тоже заинтересовался и, видать, чтобы проверить на подлинность, потыкал вилкой.

Казимир попытался было подняться, но его попытка не увенчалась успехом. Кресло, так и не простившее такое над ним надругательство, присело на своих деревянных ножках, а потом выпрямилось и подскочило, как будто на пружинках, залетая на стол.

Пятой точкой чувствуя надвигающуюся опасность, Казимир совершил попытку хотя бы отползти в сторону, но не успел. Кресло успешно поймало его за штанину, буквально пригвоздив к столу, а потом задумчиво остановилось, явно продумывая, какую бы это изощренную месть придумать.

— Эй! — не удержалась Барбара. — Что тут происходит?

— Остановите это! — возмутился Хогберг. — Немедленно!

Он попытался швырнуть в кресло заклинанием, но безуспешно. У нападающего предмета мебели загорелась обивка, но черные клубы магии буквально за несколько секунд всё погасили, оставив в качестве напоминания только неприятный запах горелого. Но зато то, насколько разозлилось кресло, было не сравнить с его предыдущим состоянием.

Оно издало звук, больше напоминающий на рев, и стремительно развернулось. Задние ножки с такой силой пнули Хогберга под одно место, что тот долетел до самого конца стола и наконец-то свалился на пол. Кресло же искало себе следующую жертву. Сначала оно повернулось ко мне, дернуло ножками в воздухе, но, очевидно, решило, что жертва не слишком подходящая. Отбрыкается ещё!

Повернулось к Людвигу. Зашевелилось активнее, подобралось к

нему, но в последнее мгновение, стоило каркнуть Берте, притихло, как будто узнало.

Неужели... Неужели это дух маркграфа фон Ройсса? Говорили, при жизни мой дражайший папенька был далеко не лучшим человеком. Это не означало, что его надо было сжигать на костре, но колдуны часто отдавали частичку себя любимым предметом. Я почти не садилась в это кресло, чувствовала, как от него так и веет памятью о покойнике, и Людвиг тоже спокойно отнесся к тому, что ему не предлагают хозяйское место. А Казимир, чужак, ещё и собирающийся отобрать поместье у законных наследников, встал на него ногами!

Все те три грамма симпатии, что ещё были во мне по отношению к незнакомцу, успешно растаяли в воздухе, не оставив ни единого следа своего существования.

Кресло наконец-то определилось с жертвой. Цокая ножками по столу, оно повернулось к очень некстати подвернувшейся под подлокотник — ну не под руку же, их, к счастью, кресло себе не отрастило! — к Барбаре.

— Ой мамочки! — ахнула она, когда чёрный туман оторвался от сидения и потянулся к женщине. — Ох небеса всесильные! Ох, Людвиг!

И бросилась в объятия последнего, почему-то проигнорировав и мамочку, сидевшую чуть поодаль, на той стороне стола, и всесильные небеса, до которых могла бы допрыгнуть, оседлав свою любимую метлу.

Ну если этот мерзопакостный колдун после того, как так меня целовал, попытается спасти Барбару путём объятий, я его!..

Но нет, вероятно, Людвиг примерно представлял, как это будет выглядеть со стороны и какие у его геройства могут быть последствия. Потому, вместо отчаянного спасения Барбары, он только строго отодвинул её в сторону.

— Все назад! — велел мужчина тоном, не знающим возражений. — Быстро! Не заставляйте меня повторять дважды!

Никто и не собирался — все без исключения желали вообще как можно скорее покинуть празднество. Иоганна, рассказывавшая мне таинственные истории о том, как она убила четверых инквизиторов, спасая однажды свою жизнь, вылетела из зала первой, позабыв и подругу, и всех своих родственников, которые тоже присутствовали за столом. Барбара попыталась в последний раз в любовном порыве

спасенной фрейлейн прижаться к Людвигу, но, решив, что это сейчас неуместно, поддалась всеобщей панике и тоже помчалась прочь.

— Ну-ка иди сюда, — обратился к креслу Людвиг. — Иди-иди, ко мне!

Не теряя времени, он с легкостью заскочил на стол и зажег боевой пульсар на ладони. Яркий огонь стремительно расползлся по всему телу мужчины, окружая его колдовским ореолом, но не задевая одежду. Людвиг выглядел сейчас не менее страшно, чем кресло, и я невольно отметила, что природа магии у них была действительно родственная. Я в плане чар пошла в бабушку, от отца впитала только остатки силы, но не её тип. Людвиг же, кажется, унаследовал особенности родовой магии или, по крайней мере, то, как она выглядела.

Воздух вокруг колдуна-инквизитора стремительно накалялся, но стол, к счастью, не загорелся. Мужчина и кресло стояли друг напротив друга, казалось, испытывая взаимное терпение. Ни один не нападал первым.

— Думаешь, — протянул Людвиг, вплетая в обыкновенные слова колдовскую силу, — что ты так долго протянешь? Ты уже отомстил, сбросил того, кто попытался походить по тебе ногами. А теперь что? Считаешь, что получишь шанс жить полноценно? Как бы ни так! Или мы будем делать второй костер?

В этот момент я порадовалась, что большинство гостей уже успело разбежаться. Слова Людвиг выдавали в нём инквизитора.

Восторг, с которым я наблюдала за каждым его движением, погас так же быстро, как и появился. Да, для этого пришлось напомнить себе, с кем я имею дело и за кем сейчас наблюдаю, что этот мужчина сделал... Какую профессию имел, возможно, для того, чтобы спасти собственную шкуру, а может и просто ради наслаждения. Колдун-инквизитор, ха!

И ведь никто ему этого уже не вспомнит.

Вот только кресло, кажется, смутилось. Угроза быть сожженным привела его в чувство, и оно бочком, бочком, стараясь обходить тарелки и не задеть Людвиг, спрыгнуло на землю...

Чтобы уверенно заковылять в угол.

Вот только мужчина так и не погасил огонь. Сила всё ещё пылала вокруг него, словно Людвиг как раз распалился, приготовился к сражению, но сражаться-то уже было не с кем. Он даже как-то особенно

раздосадовано оглянулся и сделал шаг вперед, явно собираясь вместе с креслом выгнать прочь и ведьмака-досмотрщика.

Что? И ради этого я соглашалась выйти за него замуж, позволила огласить об этом публике, готовила целый день, чтобы этот инквизитор, потеряв над собой контроль, выгнал Хогберга прочь и дал ему повод лишить нас наследства и безо всякого подтверждения фиктивности брака? Этого только не хватало!

— Ты совсем сдурел?! — придав голосу как можно больше капризных ноток, воскликнула я. — Немедленно слезай со стола! Вы со своими драками мне уже всю скатерть испоганили, теперь придется отстирывать да покупать новую, праздничную вон во что превратили!

Удивительно, но этот откровенно бабский, визгливый тон почему-то весьма положительно подействовал на Людвига. Тот вздрогнул, оглянулся, посмотрел на меня и растянул губы в довольной улыбке.

— Прости, дорогая, — совершенно неискренне извинился он. — Не подумал...

— Не подумал?! — возмутилась я. — Слезай оттуда немедленно, ну!

Людвиг окинул меня взглядом, который я была готова трактовать как голодный, соблазнительный и немного издевательский, но ни минуты не смущенный или извиняющийся.

Впрочем, ждать раскаянья от инквизитора было бы слишком наивно, правда?

Тем не менее, он всё-таки спрыгнул со стола и крутнулся вокруг своей оси.

— А где гости? — с усмешкой поинтересовался Людвиг.

— Папочка распугал, — я кивнула на кресло, уже даже не сомневаясь, чья именно магия вселилась в предмет. — Вон, один только остался.

И вправду, у другого конца стола стоял, отряхиваясь, герр Хогберг, который, собственно, и спровоцировал весь этот конфликт.

— Какой у вас, однако, драчливый стул, — проронил он, — госпожа молодожены.

— Мы не молодожены, — не удержалась я. — А пока только помолвленные!

Кажется, зря сказала, потому что Казимир расплылся в донельзя довольной улыбке и смерил меня взглядом голодного охотника,

который только что увидел смазливую тупую лань где-то в пределе одного выстрела. Но ничего. Я не настолько наивная, как ему кажется!

Если я сопротивляюсь влечению истинной пары — довольно успешно, между прочим! — то что, я не справлюсь с тем, что мне подмигивает какой-то там белобрысый маг? К тому же, к огромному сожалению, блондины не в моем вкусе. Я выступаю по всяким жгучим надоедливим брюнетистым инквизиторам...

— Надеюсь, — перехватил инициативу Людвиг, — вы убедились в том, что мы с фрейлейн Гертрудой — счастливая пара, которая собирается совсем скоро соединить свои судьбы в браке. Ведь вас прислали сюда именно для того, чтобы проверить это, не так ли, Казик?

Казик? Это такое сокращение от Казимира? Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться вслух. Да, что ж, в фантазии моему "жениху" не откажешь. Не такой у моей магии и плохой вкус. Могла бы выбрать в суженые какого-нибудь совсем глупого. А тут — одаренный, молодой... Так, стоп! Все эти мысли в сторону! Мне нельзя даже задумываться о том, что Людвиг в какой-то мере — привлекательный мужчина, и мы с ним могли бы составить отличную партию. Нет!

Если я позволю своим чувствам разгуляться, то могу смело позабыть о том, что собиралась разорвать узы истинной пары.

И единственным довольным в этой ситуации окажется Зигфрид, который спит и видит, чтобы я замуж вышла за Людвига, и мой фамилиар, наглая птица, получил возможность ухлестывать за понравившейся ему Бертой.

Не дождется!

— Я очень рад, — натянуто улыбнулся Хогберг, — что у вас такие отличные отношения, несмотря ни на что. Фрейлейн Аденауэр ведь знает о том, кем вы работали, герр Людвиг?

Ещё б я не знала! Ты, Казик, понятия не имеешь, насколько близко мы были знакомы до того, как решили вдруг пожениться. Ни с того ни с сего.

— Конечно, знаю, — кивнула я. — У нас друг от друга вообще нет никаких секретов.

Почти. Уверена, что Людвиг тоже сообщил мне далеко не всё, когда целовал, передавая часть своих воспоминаний.

— Как мило, — скривился Казимир.

Ему явно не понравилось, что главный козырь не сработал, но не

сдаваться же из-за этого и не отдавать огромное состояние фон Ройсса его законным наследникам? Нет, конечно, истинные ведьмаки-досмотрщики так не поступают.

— Я бы с удовольствием оставил вас наслаждаться обществом друг друга, — протянул он, явно не стараясь ограничить количество яда в своем голосе. — Но, к сожалению, служебные обязанности не позволяют. Командировка на три недели выписана. А свадьба у вас на когда назначена?

— Завтра собирались сходить во Дворец Бракосочетаний, — усмехнулся Людвиг. — И через четырнадцать дней, на пятнадцатый, сыграем свадьбу.

— Вот как, — кивнул Казимир. — Что ж... Поместье большое, надеюсь, у вас найдется для гостя местечко?

Я никак не ответила. Людвиг же, хотя ему явно хотелось отказать "дорогому гостю" и указать ему на дверь, всё же выдавил из себя улыбку.

— Конечно, найдется, — протянул он. — Прошу следовать за мной. Гера...

— Я, наверное, пойду спать, — я изволила изобразить усталость — единственная правдоподобная эмоция, на которую я вообще была способна. — Завтра предстоит трудный день, хотелось бы лечь пораньше...

Сейчас было часов семь вечера, не больше, и мое желание поскорее уснуть выглядело наверняка очень подозрительно, но Людвиг комментировать никак не стал. Досмотрщик хотел, но всё же по каким-то причинам оставил ядовитые реплики при себе. Я не спешила верить в то, что понравилась ему или вызвала хотя бы немного положительные эмоции, скорее поставлю на то, что этот мужчина не хочет заранее всё ломать и настраивать нас против себя. Ему ведь выгоднее, если его ни в чём подозревать не будут.

Тогда он сможет тайно провернуть все свои дела, какими б они ни были, и, возможно, быстрее подтвердит, что мы с Людвигом чужие друг другу люди.

Надо быть осторожнее...

Я схватила своего фамилиара, надеясь, что феникс не ляпнет случайно лишнего и не разрушит таким образом весь наш продуманный план, но Зигфрид проявил мудрость, достойную какой-нибудь совы, и

предпочитал держать свой клюв на замке.

Когда мы добрались до спальни, он без лишних слов слетел с моей руки и устроился на подоконнике, где частенько любил спать. Да и я ощутила странную усталость. Казалось бы, не случилось ничего сверхъестественного, но всё равно глаза закрывались и больше всего на свете хотелось забраться под одеяло, закрыть глаза и провалиться в сон. Не думала, что меня сморит так легко, но не видела смысла сопротивляться.

Я сняла надоевшее за целый день платье, облачилась в тонкую сорочку, наслаждаясь тем, как прохладный воздух ласкал тело и ощутила себя наконец-то свободной... И действительно жутко уставшей. Завтра предстояло выдержать церемонию в Дворце Бракосочетаний, и я пока что думала об этом с ужасом.

Думала, что прямо сейчас и лягу — но не успела и ступить к кровати. Тихо хлопнула за спиной дверь, и на мою талию легли чужие жаркие руки. Я вздрогнула и стремительно обернулась, готовясь ударить боевым заклинанием. Даже если я и другой специализации, всё равно справлюсь с противником, не такой уж он и сильный, кто б ни был!

Но за спиной моей стоял Людвиг, а не предполагаемый досмотрщик, и я застыла, не зная, что и делать.

— Ты чего здесь? — опешила я.

Мужчина, словно издеваясь, подступил ещё ближе, и между нами и вовсе не осталось пространства. Я чувствовала жар его тела и понимала, что должна немедленно высвободиться из кольца его рук, если желаю остаться в своем уме. Нельзя, ни в коем случае нельзя стоять так близко к своей истинной паре!..

— Пришел к тебе, — прошептал он. — Ведь в гостевой спальне теперь наш драгоценный Казик.

— Казик занял все четыре гостевых спальни, которые есть в этом доме?! — возмутилась я, отчаянно отмахиваясь от желания прильнуть к телу Людвига, поцеловать его...

Нельзя. Это всё магия, играющая в моей крови, это не мои истинные желания.

— Нет, но мы ведь жених и невеста, — дразня, Людвиг придвинулся ко мне ещё ближе. — И я подумал, почему бы нам не убедить нашего драгоценного гостя в том, что это правда? Разве есть

что-то страшное в том, что двое влюбленных проводят ночи вместе, не дожидаясь благословения?

Страшного ничего не было. И Людвиг манил, будто тот магнит. Я привстала на цыпочки, чтобы быть совсем близко к нему и смотреть в глаза, опустила ладони на его широкие плечи и потянулась к мужчине, почти сдаваясь. Пообещала себе, что это будет всего один поцелуй... Только вот после него я не смогу остановиться.

И стоит ли оно того? Рисковать?

Я застыла, чувствуя, как дрожит моя магия. Как желает, чтобы я поддалась... И заглянула ему в глаза, пытаюсь отыскать ответ на свой вопрос.

И понять, посмею ли я рискнуть.

Глава десятая. Людвиг

— Это что? — поинтересовался я, не особенно скрывая звеневшие в голосе раздраженные нотки.

— Дворец Бракосочетаний, — пояснил Зигфрид, устроившийся на моем плече. Вообще-то, фамилиары должны были передвигаться самостоятельно или на своих хозяевах, но из поместья в поселок был не такой уж и близкий путь, запрягать карету мы не стали — потому что у нас не было кареты, а в телеге кататься с досмотрщиком как-то не слишком приятно, — а Гера устала бы, если б эта жирная, разъевшаяся пернатая скотина сидела бы у неё на плече.

Моя Берта, как птица более легкая, тонкокостная, по её собственным словам, устроилась на плече у Гертруды и то и дело поворачивалась к Казимиру, сверкая чёрными глазами-бусинами. Было видно, что особой радости от того, что здесь находится досмотрщик, она не испытывала, но не спорила, не ворчала, вела себя спокойно.

Понимала, какими могут быть последствия, если начнет возмущаться.

Я тоже понимал. Хотя мне лично хотелось сейчас врезать этому Казимиру.

Впрочем, от него была и некая польза. Если б не этот человек, то никогда бы Гертруда не согласилась выйти за меня замуж. А это было нужно... Как мне показалось, нам обоим. Она пока что, правда, отчаянно сопротивлялась этой мысли, но, уверен, рано или поздно даже такие упрямые девицы, как она, сдаются. И она сдастся.

Даром, что выставила меня вчера за дверь, ещё и заклинанием так

приложила, что до сих пор спина болит. Я — не ребенок, ныть не буду.

Хотя желание прижать её где-нибудь к стене и всё-таки сорвать это платье никуда не подевалось. Никогда мне прежде не отказывала ни одна женщина, эта — первая, и кто она мне?!

Родственница!

Невеста!

Проклятая ведьма...

— Это, — язвительно уточнил Казимир, — Дворец Бракосочетаний?! А вы ни с чем не ошиблись в формулировке? Может быть, всё-таки, дом бракосочетаний?

— Скорее уж сарай, — буркнул себе под нос я, но, заработав от Геры тычок под ребра, поспешил исправиться: — Какой есть. Ведь главное не здание, а наша любовь.

Теперь уже пришла очередь Гертруды закатывать глаза. Хорошо, что на словах про любовь её реакцию Хогберг не заметил, слишком он был занят тем, что внимательно осматривал здание, уж точно по какой-то глупой ошибке называвшееся Дворцом Бракосочетаний.

Я привык, как и любой столичный житель, к тому, что дворец — вне зависимости от всех прочих приставок к этому слову, — это что-то красивое, высокое, со шпильями, украшенное каким-нибудь декором... По сути, здание, которое красовалось перед нами сейчас, не соответствовало ни одному из критериев.

Приземистое, серое, какое-то уж очень побитое, с покатой крышей со старой-престарой черепицей, оно ну никак не могло соответствовать высокому статусу дворца. Хотя, что ж это я... Декор в самом деле был. Черепица всё ещё сохранила красноватый оттенок, на крыше птицы активно вили гнезда, а отходы этих птиц украшали крышу крайне разнообразным узором.

Очень мило. В следующий раз, когда мне надо будет навести пример пафосного идиота, я покажу того человека, который назвал это Дворцом Бракосочетаний, а не укажу на нашего главного инквизитора. Тот, между прочим, будет очень рад. Хотя, не исключено, что сей статус этого заброшенного домишки тоже был получен благодаря его стараниям.

С моего начальства станется.

— Ваша любовь, несомненно, осветит даже самое забитое здание, — ухмыльнулся Казимир. — Не так ли, фрейлейн Гертруда?

Должно быть, вам трудно будет подняться по этим ступенькам, возможно, необходима моя помощь?

Гера как-то особенно посмотрела на поданную Хогбергом руку, и я задался вопросом: а вдруг он в самом деле её привлекает? Мало ли. Вчера Гертруда выставила меня, кажется, с трудом сдерживая дрожь отвращения. У меня было два варианта: либо она меня до сих пор искренне ненавидит, желает моей смерти, презирает за то, что я был инквизитором и с удовольствием убила бы меня и отдала бы всё наследство, только бы больше никогда в жизни не видеть...

Либо я угадал с датой истинной пары, и тогда Гертруда просто очень хорошо маскирует свои настоящие чувства за отвращением и злостью. Возможно, второе, и это было бы очень забавно.

— Это очень приятно, — протянул я, — что вы заботитесь о моей невесте, но, я думаю, она охотнее примет мою помощь. Не так ли, Гера?

Теперь ей было предложено уже две руки. Ведьма, судя по всему, сомневалась в том, стоит ли вообще соглашаться на чью-либо помощь, но, смирившись, вложила свою ладонь в мою и даже подарила невыносимо нежную, ласковую, подходящую настоящей невесте улыбку.

— Спасибо, герр Хогберг, но я предпочитаю оставаться верной своему жениху, — проворковала она так ласково, что я в даже подумал: а неплохая актриса!

Надо будет присмотреться к её поведению, может быть, Гера ещё много чем сумеет меня удивить... по крайней мере, пока что с каждым днём я узнаю всё больше и больше нового о ведьме, на которой собрался жениться.

Нельзя сказать, что новости эти неприятные, но хотелось бы быть предупрежденным.

И раньше, чем этот мерзкий Казик во что-то влезет.

— Ну ведь это не предательство, — не унимался Хогберг, — принять помощь...

— Герр Казик, — не удержался я, — принять помощь — конечно, не предательство, и только дурак будет ревновать ведьму к магу с даром иллюзий, но вы бы поправили правую бровь. Сползает.

На самом деле, и с правой, и с левой бровью у Казимира всё было в полном порядке, но рука у него всё равно дернулась. Значит, моё предположение было правильным, и он действительно иллюзионист?

Интересно, как под всем этим он выглядит? Вряд ли хорош собой.

Маги иллюзий не рождаются от природы уродами, нет. Просто они свято полагают, что не должны ничего делать, чтобы держать себя в форме. Зачем тренироваться, изнурять себе, если можно просто изменить внешность, пробормотав несколько заклинаний? Только вот тело — не иллюзия. Если вдруг придется, например, бегать, то ничто не сможет поддержать этого мага и не дать ему свалиться без сил, оказаться в лапах (или руках) врага. Силу надо использовать иначе, а не просто приклеивать себе заклинаниями бицепсы. Всё равно не поможет.

Даже если иллюзия будет невероятно качественной.

Гертруда, кажется, даже не обратила внимания на замечание по поводу внешности Казимира. Вместо этого она первой подскочила к двери в Дворец Бракосочетаний и, не позволяя сбить себя с пути истинного, громко постучалась.

Я не успел даже задаться вопросом, как выглядит местный священнослужитель-регистратор, если в его распоряжении такое дряхлое здание, как дверь открылась, правда, не полностью, а совсем немного, и наружу высунулся невысокий, неприятный на вид мужчина.

Лысый, ростом мне, должно быть, едва по грудь, худощавый, сморщенный и напоминающий крысу, священнослужитель смерил нас злым взглядом, который особенно выразительно смотрелся в исполнении его водянистых, будто рыбьих глаз, и сообщил:

— Разводы по расписанию каждого тринадцатого числа, запись заранее. Детей записывать — в первый и последний день недели. Браки на троих не регистрирую.

И поспешил захлопнуть дверь.

Гера растерянно повернулась ко мне. Нельзя было понять, расстроилась ли она из-за того, что наше бракосочетание пока что откладывалось, но было видно, что сильно растерялась и не знала, что делать.

— Погоди, — покачал головой я. — Одну секунду.

Я подошел к двери поближе, отметил, что она вот-вот рассыплется прахом, и громко постучал.

— Я уже говорил, — раздался оттуда капризный голос священнослужителя. — Браки на троих...

— Инквизиция! — рывкнул я, вспоминая свои прежние привычки. — Нелегальную магию используем, герр...

— Шварц, — подсказала шепотом Гертруда.

— Герр Шварц?!

Прозвучало, видать, очень выразительно, потому что дверь приоткрылась вновь, и священнослужитель высунулся оттуда, поглядывая на меня так, как будто не знал, что делать с таким гостем.

— Герр инквизитор? — опасливо уточнил он.

— Представьтесь, — велел я.

— Антвас, герр инквизитор. Антвас Шварц, — пролепетал мужчина. — Что ж вы меня... в негодном деле подозреваете... В колдовстве паршивом... вот спутница ваша между прочим...

— Невеста моя, — усмехнулся я. — Открывайте дверь.

Антвас повиновался. Поглядывая водянистыми глазками то на меня, то на Геру, он, кажется, пытался определить, как к нам обращаться и что ему делать, чтобы разговор не закончился совсем уж плачевно.

— На троих, — опять заладил он, — не положено...

— Познакомьтесь, — ледяным голосом произнес я, поражаясь тому, какая бурная у старика фантазия. — Это герр Казимир Хогберг, он — ведьмак-досмотрщик. Хочет убедиться в том, что мы с фрейлейн Аденауэр, — я взял Геру за руку, подтягивая её к себе поближе, — в самом деле собираемся скрепить наш союз браком и жить полноценной семьей.

— Так на троих не надо?

— Нет, — ответил я уже мягче. — Вдвоем мы. Хотим повенчаться.

— О процедуре осведомлены? — деловито уточнил Антвас.

— Осведомлены, — подтвердила Гертруда. — Готовы пройти все четырнадцать испытаний, дабы предстать пред священным судом и заключить брак, небесами утвержденный.

Говорила она ладно, хотя её фамилиар, Зигфрид, кажется, с трудом сдерживал желание издать смехоподобный звук. Но, к счастью, он всё ещё держал себя в руках, или, если говорить корректнее, в крыльях, потому никаких комментариев мы не услышали.

Мне же захотелось спросить, о каких четырнадцати испытаниях вообще идет речь, потому что в столице такие традиции давно уже не поддерживались, но я знал: если буду говорить такие глупости, то досмотрщик раскусит меня с такой легкостью, что и говорить не о чем. Наверное, всё как-то само собой произойдет, если Гертруда меня об

этом не уведомила.

И вообще, буду много о подобном думать — точно успеха не ждать. А наследство мне нужно.

И ведьма.

Мне нужна эта ведьма.

— Проходите, — вздохнул священнослужитель. — Да поживей... — он явно намеревался покончить с делом как можно скорее.

Что ж, возможно, наше с ним желание взаимно.

Мы с Гертрудой сделали шаг вперед, протиснувшись кое-как мимо Антваса. Следом потянулся и Казимир, но священнослужитель, даром, что едва доставал Хогбергу до плеча, вырос у него на пути.

— Для двоих, — строго заявил он. — С птичками пообщайтесь, — и кивнул на Зигфрида и Берту, слетевших с наших плеч и устроившихся на старых, трухлявых перилах, а потом уверенно захлопнул перед носом у досмотрщика дверь.

Внутри было темно, душно и пыльно. В целом, то, каким на самом деле оказалось здание, нисколько не отличалось от моего впечатления о его состоянии, составленного ещё снаружи. Не беднее и не богаче, а ровно так, как и предполагалось. Несколько дымных свечей не были способны разогнать густой, будто прилипавший к коже и к волосам мрак, запах же от них стал ещё более отвратительным и настоявшимся.

В том, что священнослужитель практикует какую-то темную магию, я очень сомневался. Скорее всего, он просто терпеть не мог порядок, ненавидел людей и предпочитал наслаждаться таким вот странным уединением. Всё же, пахло здесь не кровью, а грязью, которую давно не выскребали из углов.

— Вы б магией воспользовались, прибрали б здесь, — не удержалась Гера. — Хотите, я вам подарю заклинание? Почисти тут всё?

— При инквизиторе? — насторожился моментально Антвас.

— Магия уже два года как разрешена, — пожал плечами я. — Не вижу никакой проблемы, в том, чтобы вам помочь.

— Вот как, — фыркнул священнослужитель. — А угрожал-то чем, инквизитор?

— Бывший.

— Бывший... — присвистнул мужчина. — Теперь уж и бывшие бывают? Которые на ведьмах женятся?

— Бывают, — подтвердил я.

— Ни за что б не поверил, если б у меня под носом не стояли, — голос священнослужителя был неприятным и напоминал мне почему-то о главном инквизиторе. Интересно, где он сейчас? Что-то я давно его не видел, не слышал о нем. Неужели контроль над магией оказался не таким прибыльным, как попытка её уничтожить?

Но мне уже не было до того никакого дела. К счастью, от инквизиторских дел я отошел окончательно и бесповоротно, а возвращаться ни при каких условиях не планировал. Хватило мне по горло этого добра, чтобы теперь вновь в него влезать.

— Ну что ж... Свадьба на пятнадцатый день, — протянул Антвас. — Сейчас с вас только заявленьице заполнить... Да только браки, которые я заключаю, никогда не распадаются.

— Рука такая хорошая? — хмыкнула Гера.

— Рука? Хорошая, — подтвердил священнослужитель. — Ишь, удумали чего, статистику мне разводами портить! Отказываю я!

— А как же каждое тринадцатое число месяца? — спросил, не удержавшись, я.

— Ай, тринадцатое число, — в полумраке было видно, как скривился Антвас. — А тринадцатое число для моей веры — день выходной, праздник большой. Никого регистрировать нельзя, и браки расторгать нельзя, коль безбожниками прослыть не хотите. Да кто ж в такой день разведется? Я, хе-хе, крепкие браки заключаю! Почти что на небесах регистрирую!

Ну, на небеса это место походило мало, но мы с Герой почему-то не решились спорить.

— Такие крепкие, что никогда не распадаются, — скривился священнослужитель. — Никогда! Но да и испытания у меня серьёзные. Не формальность с четырнадцатью вопросиками, которые коллеги мои проводят! На то я уже на этом свете триста девять... — старик закашлялся. — Тридцать девять лет браки заключаю, чтобы потом люди жили-не тужили.

— А что за испытания? — поинтересовался я.

— Всё тебе скажи, — фыркнул мужчина. — Не говорят так сразу! Коль знать будешь, то как пройдешь их, инквизитор? Как доведешь

небесам, что свою ведьму любишь?

Мне бы в первую очередь это ведьмаку, который снаружи, доказать, а потому же небесам, но говорить об этом вслух — глупость. Гера обидится, кстати. Скажет, что использую её. А потом поди объясни, что это не так!

— Разные испытания. Есть такие, которые только для жениха. Есть, что только для невесты, — протянул Антвас. — Есть, что для жениха только... Есть, где неважно, кто пройдет, абы один из вас сделал. А есть, что вместе пройти надо, в один день! Одно испытание — один день, и как только исполните, поймете, что еще на один шаг к своему браку ближе стали! Но можете и подольше потерпеть... Месяц... Два месяца... Чтобы шансов было больше...

— Долго, — отрезала Гертруда. — Сразу всё пройдем!

— Сразу? Хе-хе, — кажется, священнослужителю понравилось то, что мы спешили. — Ай, не все такие быстрые с первого раза справляются. Но кто справляется, потом уже до гроба не расстанутся, крепко любить друг друга будут! Готовы?

Нельзя сказать, что мы были готовы — точнее, что Гера была готова, — но возражать она не стала. Я уж подавно.

— Тогда давайте запястья, — велел мужчина.

Мы с Герой одновременно протянули руки. Антвас усмехнулся синхронности, но говорить ничего не стал. Сначала коснулся моего запястья, потом — запястья Гертруды, и на наших руках появились браслеты с крупными чёрными бусинами. Замерцали в темноте и исчезли.

— Колдовские. Только вы двое их и увидите, — протянул священнослужитель. Пройдете испытание — бусина белой станет. Не пройдете — исчезнет! Чтоб жениться, четырнадцать белых бусин насобирать надо! Кто боится, сразу пятьдесят, шестьдесят, сто берет, чтобы про запас... А у вас — один провал, одна исчезнувшая бусина — и не будет брака! Согласны? Подписывайте контракт!

И только поставив свою подпись, почувствовав странную боль в руке, я вдруг задумался: а вдруг мы не сможем пройти испытание? Взяли бы больше времени.

Но сказать об этом Гере не успел, потому что она, как девушка рискованная, уже успела поставить свою подпись внизу документа.

Глава одиннадцатая. Гертруда

Браслет как-то странно тяготил руку. Я не могла избавиться от ощущения, что он тянет меня к земле, уговаривает остановиться и ничего не делать. Возможно, конечно, рука так болела потому, что мерзопакостный Зиг всю ночь по ней топтался, а магия в груди бурлила, требовала заглянуть в соседнюю комнату и предложить Людвигу больше не спать в гостевой, но я велела себе об этом даже не задумываться. Нечего мне размышлять об истинной паре, так недолго и решить, что я в самом деле хочу быть вместе с Людвигом.

Наверное, вид у меня был ну уж очень мрачный, потому что, когда я прошла мимо досмотрщика, надеясь, что он не станет со мной заговаривать и не будет ничего спрашивать, он довольно хмыкнул и последовал за мною.

И что собирается смотреть? Будет надеяться на то, что я в еду Людвигу попытаюсь подсыпать крысиный яд? Да я б его одному Казиму подсыпала бы, чтобы не пихал свой нос в чужие дела! А женишок пусть поживет до свадьбы, лучше уж потом стать счастливой и богатой вдовой, чем сейчас бедной, без денег и без свободы, невестой.

— Плохо спалось, фрейлейн Гертруда? — поинтересовался Казимир, заглядывая мне в лицо и то и дело потирая затылок, словно у него там была не пышная белая шевелюра, а обыкновенная лысина. — Волнуетесь перед свадьбой? Боитесь за четырнадцать испытаний?

— Мои четырнадцать испытаний точно пройдут успешно, — усмехнулась я, не став говорить о том, что браслет тянет руку вниз, как каменный. — А что ж вы так переживаете-то за меня? Боитесь, что деньги, которые вы планируете отобрать у законных наследников, всё-таки вам не достанутся?

— Да зачем же так язвить? — вздохнул маг. — Такая молодая, такая привлекательная девушка, а огрызаетесь... У вас же свадьба на носу!

Я прекрасно знала, почему огрызаюсь. Если таким, как Казимир, позволять слишком разгуляться и сунуть свой нос всюду, куда им захочется, то без проблем не обойтись. Но я искренне надеялась, что мы с Людвигом сумеем устоять.

Правда, будет лучше, если этот Казик не станет торчать у меня над головой, когда я готовлю...

— Замуж не только святые выходят, — дернула плечами я. — Вы уверены, что хотите сидеть на кухне?

— Конечно, — усмехнулся Хогберг. — Пока герр Людвиг ещё к нам не присоединился.

— Точно? Я буду лепить пироги.

— Точно, — утвердительно кивнул досмотрщик.

Я с трудом сдержалась, чтобы его не послать. Смотреть будешь? Ну ладно, посмотри!

Я уверенным шагом подошла к шкафу с магическими пузырьками и добыла оттуда зелье для лепки пирогов. Обычно для таких целей я использовала свою собственную магию, потому что готовила куда лучше, чем автор, например, вот этой зеленой булькающей гадости, но ничего, я и без пирогов обойдусь! Надо только Людвига предупредить, чтобы не ел...

И с чего б это я заботилась, впрочем, о своем злейшем враге?

Зелье приготовила Барбара, где-то месяца три назад, и просила, чтобы я вложила в него чуточку своего мастерства, и она потом смогла на его основании переучиться. Руки у меня так и не дошли, к тому же, Барбара была далеко не таким хорошим и талантливым учеником, как она сама о себе думала, и ничем модифицированное зелье бы ей не помогло. Ну, да, один раз приготовило бы хорошие пироги.

А у меня будут, очевидно, плохие. Не может кулинарная магия быть такого болотистого цвета, он для неё просто противоестественный... Но вряд ли об этом знает Казимир.

Я подбросила пузырек в воздухе, пробормотала нужное заклинание-активатор, и стеклянная емкость рассыпалась пылью по поверхности. Зеленая жидкость зависла на мгновение, а потом, решив, что нет никаких причин ставить под сомнения закон земного притяжения, плюхнулась на землю.

Запахло горелым.

Тут же зашевелилась стоявшая на полке мука. Вода в бочке заколыхалась, готовясь выскочить и запрыгнуть в нужную емкость. Правда, первые две попытки были необычными, и на полу появилось несколько лишних пятен, но я проигнорировала их со стойкостью ведьмы-экспериментаторши.

— Присмотрите тут за всем, — велела я Казимиру. — А я пойду Людвига разбужу, хорошо?

Хогберг стоически кивнул. По его внешнему виду было понятно, что с ведьмой-бытовичкой, которая толком ничего не умеет делать, он

никогда прежде не сталкивался, потому был глуп и бесстрашен. Зря, зря! Если б он осознавал, на какой риск идет, бежал бы с кухни... Зигфрид улизнул, когда я только пузырек с полки достала, и правильно сделал! Всё-таки, мой фамилиар бывает мудрым.

Когда ему самому это очень нужно.

— Ты уверена? — поинтересовался он уже снаружи, в коридоре. — Ты же хорошая, талантливая ведьма...

— О чём ему знать совершенно необязательно, — пожала плечами я. — Где инквизитор? Спит ещё?

— У себя, — щелкнул клювом мой фамилиар. — Ты что задумала-то, Гера?

— Я? Я ничего не задумала. Но этот Казик — не только моя проблема, значит, пусть тоже поучаствует, — решительно заявила я. — К тому же, браслет тяжеленный должен быть не только на моем запястье!

Могу себе представить, как страдали те, кто решил повесить себе на шею гору камней, чтобы только запастись временем. Ведь снимать колдовской артефакт нельзя, да и видит его каждый. Меня, например, пугали четырнадцать круглых бусин, страшных, будто излучающих черную магию. А ведь на чужих руках выглядело отнюдь не так впечатляюще.

Решимость на секунду покинула меня, когда я застыла у двери в комнату Людвига и задумалась, будет ли это хоть мало-мальски прилично выглядеть, если я сейчас к нему зайду, но потом махнула рукой и решительно дернула дверную ручку. Жених он мне или кто?

Заглянула в комнату — и тут же пожалела, что вообще решила зайти к нему.

Людвиг уже не спал. Было б, впрочем, очень странно, если б он до сих пор дрых, солнце-то давно поднялось, а у инквизиторов, насколько я знала, был довольно строгий режим. Людвиг стоял у окна и держал что-то в руках, кажется, какую-то довольно тяжелую книгу. Но я не то что не могла рассмотреть, какую — даже не пыталась! В эту секунду меня, к сожалению, куда больше интересовал этот проклятый инквизитор...

Проснувшись, мой дражайший жених не изволил одеться полностью, потому стоял в одних брюках. Босой. Без рубашки. Его темные волосы, ещё толком не расчесанные, торчали в разные стороны,

и Людвиг, отрываясь от книги, изредка проводил по ним ладонью и возвращался к чтению, недовольно хмыкая.

Я же, как бы ни убеждала себя в том, что это обыкновенный мужчина, а мне пора бы выйти из комнаты и даже не смотреть в эту сторону, залюбовалась им. Никогда никто не привлекал меня настолько, как Людвиг. Если б наш досмотрщик, Казимир, изволил без рубашки, да что там, хоть голым бы он прошелся рядом со мной, я б даже не посмотрела в ту сторону, только велела бы ему вспомнить о правилах приличия!

А тут... Я даже не знала, руководила ли мною магия, или мне в самом деле хотелось прижаться к этому мужчине, провести ладонями по сильным широким плечам...

— Гера? Что-то случилось?

Я вздрогнула и быстро заморгала. Людвиг, нисколько не стесняясь того, что был полураздет, повернулся ко мне. Книгу свою захлопнул и оставил на подоконнике, но при всем моем женском любопытстве, я даже не посмотрела в ту сторону. Вместо этого с какого-то перепугу принялась рассматривать его пресс.

Что ж. Возможно, фиктивный брак — не такой уж и плохой вариант. По крайней мере, муж у меня очень привлекательный будет...

Если пройдем четырнадцать испытаний.

Эта мысль и непривычная тяжесть браслета, напомнившая о себе резкой болью в руке, немного отрезвили меня, и я наконец-то изволила посмотреть на Людвига — точнее, на его лицо, а не на то место, на которое я пялилась уже три минуты.

— Я нашла одно хорошее заклинание для уборки. Хочу сходить в Дворец Бракосочетаний, запустить его туда, потому что венчаться в таком свинарнике мне что-то совершенно не по душе, — я виновато улыбнулась, как будто была виновата в том, что Антвас превратил такое прекрасное место в суций кошмар.

— Сходить с тобой? — тут же предложил Людвиг.

Что ж, возможно, я бы и согласилась, но как-то мне не хочется в святое место ходить с мужчиной, пробуждающем в моей голове крамольные мысли. И вообще... Я его искренне ненавижу, он чуть на костре меня не сжег! И теперь мечтать оказаться в его постели? Этого только не хватало! Я — женщина сильная и независимая...

— Нет, я сама, — улыбнулась я. — Если только усилитель мне для

заклинания дашь...

Интересно, станет спорить? Будет рассказывать о том, что с такого рода заклинаниями и самостоятельно можно справиться, а я только зря его беспокою со всеми своими выдумками? Или со всей инквизиторской спесью заявит, что нечего всяким священнослужителям помогать, пусть самостоятельно со своими проблемами в виде бардака справляются?

Но Людвиг, очевидно, решил поступить совсем не так, как я от него ожидала.

— Дам, конечно, — пожал плечами он и, вместо того, чтобы спорить, протянул руку и зажег на ладони уже привычный колдовской пульсар.

Сила отозвалась на зов с удивительной легкостью, и уже через минуты две на его ладони сформировался крохотный камушек, сверкающий, будто драгоценный.

— Сожмешь в руке, и сила перейдет тебе, — с улыбкой пояснил Людвиг. — Используй, как хочешь.

— Остаток вернуть? — уточнила я.

— Зачем? Потом само восстановится.

Я усмехнулась. Щедрый, значит? Или просто не до конца понимает, насколько важна для колдуна его сила? Обычно маги жадные до такой степени, что аж подумать страшно, а тут...

Впрочем, не надо идеализировать женишка. Не такой уж он и хороший, как я могла бы подумать, просто притворяется, да и только! Ему не впервой, был же инквизитором, и ничего страшного, не дергало его от перспективы невиновных женщин и мужчин на костре сжигать!

— Слушай, — решила я, — там Казик присматривает за одним моим кухонным заклинанием... Приглядишь тоже?

— Хорошо, — кивнул Людвиг. — Но у тебя же такие заклинания, что за ними и смотреть не надо...

Он взмахом руки подозвал рубашку, и я, наблюдая за тем, как одевается мой жених, вдруг ощутила укол совести.

— Мы ведь должны быть заодно? — ни с того ни с сего спросила я.

— Ну да, — ухмыльнулся фон Ройсс. — Мы же собираемся не дать этому гаду отобрать наше наследство. Или ты имеешь что-то против нашего брака?

Я-то, конечно, вообще не собиралась замуж, но сейчас, глядя на Людвига, начинала очень сильно в этом сомневаться...

— Это не моё заклинание, — выпалила я, решив действовать быстрее, пока не передумала окончательно.

— А чьё?

— Да Барбары! А она никакая кухарка! В общем, — я спешно щелкнула пальцами и вложила в руку Людвигу тонкую карточку. — Активируй вот это, чтобы потом убраться. И не пробуй те пироги, которые сделал. Казика можешь не спасать. Но к священнослужителю я таки схожу.

Инквизитор охотно взял предложенное заклинание, взглянул на его витиеватую формулу, будто заучивая, чтобы потом активировать без проблем, а потом повернулся ко мне и, явно оправдывая свой статус жениха, поцеловал. В губы.

И вышел из комнаты прежде, чем я определилась, чего хочу больше: ответить на поцелуй или врезать ему посильнее.

— Сволочь, — только и прошипела я ему в спину, впрочем, радуясь, что сам Людвиг этого уже не услышал. Мне очень хотелось, чтобы ненависть, жившая во мне прежде, сейчас полыхала с той же яркостью, но, раз не удавалось, может, не стоит возвращать в себе негативные чувства...

Я ведь всё равно пойду за него замуж, если пройду эти четырнадцать испытаний. Не хочется терять наследство из-за каких-то дурацких правил, придуманных жадными державными мужами, теми самыми, что совсем недавно с радостью казнили ведьм, а теперь придумали новый способ притеснения! И страдать в браке — не лучшая идея. Ждать развода, надеяться потом встретить другого мужчину, обречь себя на бездетность...

Я тряхнула головой и быстро вышла из комнаты. Это всё магия во мне говорит, агитирует не игнорировать свою истинную пару. Нет, не буду слушать! Нельзя позволить силе руководить и разумом, и чувствами, пусть знает своё место!

Вот только, злясь на саму себя, я преодолела дорогу до Дворца Бракосочетаний в два раза быстрее, и даже не заметила, что Зигфрид, который обычно всюду следовал за мной, слетел с моего плеча и умчался куда-то. Наоборот, только почувствовала, что идти могу быстрее, и обрадовалась, что рука не так болит. Обнаружила пропажу лишь у двери, всё такой же пошарпанной, как и вчера.

Стучать не пришлось. Антвас открыл прежде, чем я даже руку

успела поднять, и сверкнул своими водянистыми глазищами, как будто увидел какую-то очень приятную жертву. Мне в какой-то момент захотелось развернуться и броситься прочь, но не может же взрослая самодостаточная ведьма убежать от какого-то священнослужителя, который если и одарен, то не сильно!

— Здравствуй, красавица, — протянул он. — Что, без инквизитора сегодня пришла... Приворот? Отворот? Иль желаем порчу?

— Какую порчу? — заморгала я. — Нет, я...

— О, — он уставился на мою руку. — Болит, видать? Тяжелый? Мои бусины выдерживает только истинная любовь... Однажды пришла пара, которая очень боялась не пройти испытания... Двести штук на нитку нанизали. Думаешь, прошли? Нет! Встать не могли, пока сотня первая в воздухе не растворилась...

Я поежилась. Ну да, такие камни на шее таскать — приятного мало.

— Только истинная любовь перетерпит все испытания... — заворковал старик. — Но, красавица, могу облегчить твои старания, — он протянул свои костлявые пальцы к моему запястью. — Сниму с тебя эти бусы, подделку надену. Будут белеть из дня в день, ежели испытания пройдет твой жених...

Бабушка рассказывала мне о поддельных бусах. И рассказывала, что и любовь такая же выйдет, поддельная. Не то чтобы я в наших "отношениях" с Людвигом какой-то особенной искренности искала, но заведомо обрекать себя на несчастье?

Нет, спасибо. Обойдусь.

— Я не за тем пришла, — решительно заявила я. — Я пришла убрать.

— Что? — ошеломленно заморгал Антвас.

— У вас очень грязно, герр Шварц, — пожала плечами я. — А я — ведьма, специализирующаяся на бытовой магии. Вот жених и усилителем поделился. Пустите? Уберусь у вас, здание, может, немного подлатаю, красивее будет, чище, может, и браки заключаться чаще станут? А то что они все в столицу, за поддельными браслетами шатаются? На четырнадцать вопросов ответили — и счастливы... Разве так можно истинную любовь проверять?

— И что ты за это от меня хочешь, ведьма?

От ласкового голоса, убеждающего меня всё-таки воспользоваться услугами священнослужителя, и следа не осталось. Опять появился тот

мерзкий, расчетливый старик, и я подумала, что могла б найти и получше отмазку, чтобы просто сбежать из дома. А теперь вот буду пожинать плоды собственной глупости. Раз уж пришла убирать, значит, надо убирать, а то мало ли, не обвиняет ещё нас потом, и что? Дом отдавать?

Да и...

Нет, не думать о Людвиге! Мне ни в коем случае нельзя думать о Людвиге! Лучше о свадебном платье... Мне ж надо будет швею пригласить. Не к лицу будущей фрау фон Ройсс носить какие-то лохмотья, а никакого наряда, что передавался бы из поколения в поколение, у нас не было.

Уже не было. С тех пор, как моя маменька его осквернила.

— Ничего не хочу, — улыбнулась я. — Безвозмездно же! Я правда просто помочь хочу.

— Ты? Ведьма? Помочь хочешь? — скривился Антвас. — Ну проходи, проходи. Только знай, что потом предъявить мне счет не получится!

Он наконец-то посторонился, впуская меня в своё мрачное, пыльное жилище.

— Колдуй, — велел, как будто я была его рабыней. — А я понаблюдаю, что ты с этим всем сможешь сделать!

Я оглянулась и подумала, что, наверное, не зря взяла у Людвига усилитель. Добыла его из кошелька, сжала в кулаке, позволяя силе перетечь в уже заготовленное заклинание, и активировала его.

Магия вихрем пролетела по всему зданию. Столбом поднялась пыль, задергались плотные старые шторы, которые защищали Дворец Бракосочетаний от солнечного света. Выскочила из-под пола мышь, одна, вторая, третья... Совсем скоро грызунов было уже целое полчище, и они рванулись к двери, спеша покинуть здание. Я толкнула её, освобождая дорогу для мышей, и с ужасом отметила, что среди вполне живых и милых тут были и скелеты, спешившие тоже покинуть своё прежнее место жительства... Шествие замыкала сова, мертвая уже лет сто, судя по состоянию костей.

— Мамин фамилиар, — с удивлением прошептал Антвас. — Померла, потому что мама девочки по себе не оставила, никому дар не передала... Заболели в один день, в один день и умерли...

Кажется, старик в какое-то мгновение даже растерял всю свою

злобу. Он почти с умилением смотрел на уходящую сову, которая, только попав под солнечные лучи, распалась прахом. Такая же судьба ждала и мертвых мышей; живые же, не видя препятствий, разбежались по улице. На домах в поселке наверняка есть защитные заклинания, так что побегут они прочь отсюда, в поля куда-то, а то и дальше, ведь урожай-то тоже заколдовывали.

Следом за мышами, впрочем, вылетели и шторы, сопровождаемые локальной тучкой. Вода, лившаяся на них с небес, стекала по шторам — и на землю лились уже грязные потёки. Но заклинание универсальной уборки не собиралось останавливаться. Усиленное магией Людвига, удивительно подходившей моей — впрочем, чего поражаться, раз моя сила выбрала его своей истинной парой! — колдовство заглядывало в каждый уголок, вытряхивало пыль, убирало с такой стремительностью, что я даже не сдерживала восторженную улыбку.

А ведь это мой труд!

Отмылись грязные стекла, очистилась от птичьего помета крыша, дверь стала выглядеть куда приличнее. Засверкал свежим лаком пол, стены — выкрасились сами по себе, и шторы, заштопанные и выстиранные, заботливо заскочили обратно на карниз. Подсвечники, аж позеленевшие от возраста, теперь светились чистотой, и небольшой алтарь тоже аж сиял.

Антвас, подозрительно щурясь и потирая вымытую попутно заклинанием лысину, выдавил из себя улыбку.

— Надо же, — протянул он. — И вправду... Хотите, что ли, здесь церемонию провести?

Я окинула обновленный Дворец Бракосочетаний внимательным взглядом и отрицательно покачала головой.

— Лучше выездную. Мы повозку за вами пошлем.

Только сначала её найти надо, повозку эту. Потому что на телеге священнослужителей не возят!

— И, — старик тут же подобрался, — сколько с меня за эти услуги?

— Да нисколько. Говорила же, безвозмездно. Помочь хочу.

— Уверена? А то я могу заплатить, — прищурился Антвас. — Ты ведь если замуж не выйдешь, каждая копейка на счету будет...

Я вздрогнула. Неужели знает? Может, взять-таки деньги? За работу же! Такое заклинание довольно дорого стоит, особенно на подобных масштабах, ещё и с усилителем истинной пары...

— Нет, — решительно отрезала я. — Денег мне не надо. Я пришла помочь, потому что тут грязно, а вы уже старый человек. Считайте это благородным порывом.

— Благородным порывом, говоришь? — хмыкнул мужчина. — Эти благородные порывы далеко не у каждого случаются, деточка, знаешь?

Я пожала плечами.

— У меня вот случился.

— Кто-то, — прошептал Антвас, — четырнадцатого дня ждет, чтобы все испытания пройти... Не знает, что если день даром прошел, то исчезнет одна бусина, и всё, как не было её! Не подаст копейку старику, думая, что потом тысячу отдаст сиротке, а потом уж поздно...

— О чём это вы? — удивилась я.

— А ты на запястье посмотри своё, — велел мужчина.

Я удивленно покосилась на браслет. Пока колдовала, и думать о нём забыла, подумала — да какое мне до него дело? Тут абы работу закончить... А теперь обнаружила, что он стал гораздо легче. Всё ещё тянул руку вниз, но уже не так сильно.

Ровно на одну четырнадцатую меньше.

Потому что самая первая бусина теперь сверкала белым. Была она намного краше, чем те черные, каменные, прежде тяготившие мне руку, и больше походила на жемчужину.

— Поздравляю, — усмехнулся священнослужитель. — Испытание на бескорыстие пройдено.

— Неужели...

— Осталось тринадцать, — кивнул он. — Но только ты смотри. Не все из них только невесте выполнять. Хочешь, совет дам? Хороший!

— Давайте, — согласилась я.

Нельзя сказать, что Антвас вызывал у меня какие-то очень теплые чувства, но почему-то показалось, что этот совет может пригодиться. И поможет пройти ещё несколько испытаний, какими б они ни были.

— Ты платье у фрау Эдвины пошей. Позови её к себе... На днях. И чтоб жених рядом был! А подруг, коль в гости придут, не гони, с какой бы мыслью не пришли. Они тебе, может, помогут. А коль не помогут, так будешь знать, что всё равно не смогли бы вы четырнадцать испытаний пройти.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

И вправду, испытала какую-то странную благодарность по отношению к этому священнослужителю. И домой возвращалась, чувствуя удивительную легкость в теле.

Глава двенадцатая. Людвиг

— Как-то медленно вы продвигаетесь, — ядовито отметил за столом Казимир, опять устроившийся на месте маркграфа, во главе стола — благо, уже не на его стуле, а на другом, очевидно, принесенным из комнаты. — Всего одна бусина...

— Один день — одна бусина, — пожал плечами я. — Не наблюдаю никакой медлительности. Наш священнослужитель желает подтвердить нашу истинную любовь, а не начисляет один плюсик уже за то, что жених знает имя невесты.

На самом деле, даже эта первая бусина значила очень много. Когда Гера, прибежав вчера домой, с восторгом в глазах рассказывала о том, насколько ей стало легче, и она ведь даже подумать не могла, что первое испытание будет заключаться в том, чтобы убраться в доме у какого-то священнослужителя...

Что ж, то, как она буквально светилась изнутри, уже было приятно. Я никогда не считал себя большим романтиком, но Гера счастливой становилась ещё красивее. И, кажется, стала ненавидеть меня чуточку меньше. По крайней мере, теперь, сталкиваясь с нею в доме, я не чувствовал, что мне вот-вот полетит в спину нож. И улыбалась ведьма чаще.

Авось, и привыкнет когда-то ко мне. А то очень мало приятного жениться на такой красотке, а любоваться на неё за завтраком да обедом, ну, и там, где надо сыграть счастливую семейную пару.

У меня, правда, был другой вариант завоевания сердца невесты: сказать ей правду. Точнее, полноценную правду, а не тот огрызок, что я ей сообщил. Но, боюсь, моя правда ей даром не сдалась, пошлет куда подальше, заявит, что выдумываю всё.

Ну да и плевать. Поссоримся потом. Когда все бусины будут белыми.

...В обеденный зал Гертруда пришла в окружении великолепных ароматов — и тарелок, которые висели в воздухе вокруг неё. Вчера, поскольку девушке было точно не до того, всё, что я съел — это кусок хлеба да оставшееся после помолвки холодное мясо, вспоминая маму,

твердившую, что надо уметь хоть что-то готовить!

Мое что-то ограничивалось нарезкой.

А вот Казик, доверившись тому, как я отчаянно хвалил кулинарные способности невесты, отведал пироги, испеченные с помощью заклинания Барбары. И, кажется, ночью очень дурно спал. Наши комнаты были не так далеко друг от друга, и я имел счастье наблюдать, как Казимир бегают туда-сюда по коридору в поиску уборной.

Казалось бы, что её искать? Гостевые комнаты в доме маркграфа предусматривали персональные ванные комнаты для каждого гостя, внутренняя дверь, хорошо спрятанная в стене и реагирующая на прикосновение руки хозяина. Зачем были такие меры по сокрытию дверей, я понятия не имел, предполагаю, маркграф просто тренировался, хотел проверить, насколько универсальна его магия.

Магия была просто отличная! Если не показать гостю, где уборная, вовек не найдет!

Именно потому Казик, гость не слишком желанный, свято полагал, что уборная у нас в доме только одна — и бегал на этаж для слуг. Ещё б не матерился, пока пробегал под дверью, было бы вообще отлично! Конечно, будь он магом-бытовиком, догадался бы как-нибудь упростить себе жизнь, но ни бытовая, ни боевая магия ему, очевидно, не поддавались — или поддавались не так хорошо, как он надеялся.

Тарелки с яствами, позвякивая, заняли положенные места за столом. Гертруда села, благодарно улыбнувшись в ответ на то, что я магией отодвинул ей стул, и хитро покосилась на Казимира. Очевидно, и она вчера слышала, как он бегал-туда сюда. И нельзя сказать, что была тем шибко недовольна.

— Угощайтесь, — проворковала девушка, поглядывая с интересом на нашего досмотрщика. — Чего ж вы? Людвиг?

— Конечно. Спасибо, дорогая, — елеиным голосом отозвался я, уверенно потянувшись за пирогом, на сей раз румяным и красивым.

Казимир сглотнул. Есть ему, очевидно, хотелось, если после вчерашнего, конечно, уже не тошнит, но своё здоровье было гораздо дороже.

...Готовила Гера потрясающе. Даже Берта, всегда предпочитающая есть отловленных в поле мышей или что-то вроде этого, устроилась на столе и клевала выделенный ей кусочек пирога, довольно щелкая клювом. Фениксы по своей природе вообще всеядны, мне иногда

казалось, что Берта может и яд склевать и не подавиться, но то, с какой охотой она ела приготовленные Гертрудой яства!

Да и я сам так увлекся содержимым тарелки, что даже забыл о Казимире, сидевшем во главе стола. Гертруда тоже принялась за еду, но минуты через три, не удержавшись, поинтересовалась:

— Герр Хогберг, чего ж вы не едите? Я для вас старалась, готовила...

— Да как же, — сквозь зубы прошипел Казимир. — Вы и вчера для меня старались, и сегодня... Да только вот незадача, на диете я.

— На диете? — удивилась Гертруда. — И что ж? Может, вам какое-то специфическое питание нужно? Так я всё сделаю!

— Спасибо! — немного истерично воскликнул Казик. — Но не нужно! У меня... — он запнулся. — Разгрузочный день у меня. Точнее, — он перевел взгляд с Гертруды на меня и скривился. — Разгрузочная неделя. Две.

— Две разгрузочные недели? — на всякий случай уточнил я. — Вы уверены, герр Хогберг, что за это время с вами не случится ничего дурного? Заворот кишок? Язва?

Да хоть в гроб сыграй, только уберись из нашего дома!

— Нет-нет. Я буду питаться небесным светом, — усмехнулся Казимир. — Солнечными лучами... Пойду-ка... Поем.

И он вскочил из-за стола с такой решимостью, как будто намеревался немедленно обеспечить себе что-нибудь вкусенькое в виде какой-нибудь травы и вылетел из обеденного зала.

— Видать, пироги пробрали, — усмехнулась Гера.

Я кивнул.

— Не знаю, зачем он их ел. Они так подгорели, что там уже не пирог был, а какой-то активированный уголь. Он что, свято верил в то, что это поможет ему без последствий всё остальное съесть? — протянула Гертруда. — Теперь будет от моей еды две недели отпрыгивать...

— Не сказать, что ты выглядишь очень расстроенной по этому поводу.

— Ну так чего печалиться-то? — ухмыльнулась Гера. — Мне сытые досмотрщики ни к чему... Кстати, — на её губах заиграла хитрая улыбка. — Я заказала швею.

— Швею? — удивился я.

- Ну да. Для свадебного платья, — кивнула Гертруда. Улыбка её стала ещё шире, и я подозрительно изогнул брови, рассматривая девушку.

Не то чтобы свадебное платье — это очень необычное желание невесты. Конечно, брак у нас вроде как по планам фиктивный, хотя лично я совсем не против изменить положение, но это не отменяет, что надо обставить дело как можно натуральнее.

— Хорошо, — кивнул я.

— Я позвала фрау Эдвину. Это лучшая швея в округе! — дополнила Гертруда.

— Ладно, — пожал плечами я.

— И у нас принято... — она заморгала, — чтобы жених...

— Оплатить платье надо? Хорошо.

— Нет, ну не только, — Гертруда коварно усмехнулась. — Мне бы хотелось, чтобы ты поучаствовал в выборе платья. Посмотрел, как мне в нем будет.

Я удивленно взглянул на неё. Серьёзно? Она бы действительно этого хотела? Что-то как-то не верится... Но Гертруда улыбалась, смотрела на меня с такой искренностью, как будто вдруг обрадовалась нашей перспективе заключить брак. Уточнять, в своем ли она уме, я, понятное дело, не стал. Ещё не хватало рассориться окончательно, чтобы на меня потом не смотрели даже.

— Как скажешь, — усмехнулся я, кусая язык, чтобы не ляпнуть, что на неё без платья посмотрел бы куда охотнее. Впрочем, Гера и так дразнила, выбирая из своего гардероба приталенные платья с глубокими соблазнительными вырезами.

И если б только я обращал на это внимание! Так Казик, которому и так хотелось врезать или, что ещё лучше, поджечь его магическим огнем, тоже на неё заглядывался, разве что не облизывался только, но скоро и до того дойдет.

Ревность — разрушающее чувство, частенько напоминал нам инквизитор, но она — моя невеста. И если какая-то скотина попытается тронуть её хоть пальцем, да даже посмотрит в сторону Геры, я...

— Людвиг, — звонкий голос ведьмы заставил меня поднять голову. — Людвиг, с тобой всё в порядке? Ты как-то странно выглядишь. Я что, пироги Барбары тоже подала?

— А? — вздрогнул я. — Нет, Гера. Всё в порядке, — надо сказать

ей, чтобы надела другое платье. Я ещё с головой насмотрюсь за годы семейной жизни, ведьмы, как и колдуны, стареют долго, и моя Гертруда будет такой не год и не два.

Впрочем, если я озвучу при ней это моя, то, скорее всего, буду изгнан из дома куда-нибудь в хлев.

В это мгновение я больше всего ненавидел магию, бурлившую в крови. Если с чувствами ещё что-то можно было сделать, хотя я как бы не очень пытался, то когда сила пыталась руководить мною, единственным сознательным желанием было сгрести Гертруду в охапку, запереться с нею в спальне и не выбираться оттуда ближайшие несколько недель.

Может, если б я сразу рассказал Гере всю правду, нам было бы проще. Но тогда она точно меня выгонит. Скажет, что я пытаюсь удовлетворить свои потребности за её счет и, в принципе, частично будет права. Главное, чтобы не проболталась Берта, а то с неё станется поделиться с кем-то "незначительным секретиком".

— Я пойду проветрюсь, — я наконец-то поднялся. — Прослежу за Казиком, мало ли, что этот придурок успеет сделать, пока шастает по нашей территории.

Дальше уборной вряд ли зайдет, учитывая то, что он съел, но мне и самому сейчас надо быть подальше от Гертруды...

— Людвиг, точно всё в порядке?

— Точно, — кивнул я.

— Ну ладно, — пожала плечами Гера. — Возвращайся, если что.

— Обязательно.

Её голос звучал как-то подозрительно мягко, а ведь совсем недавно Гертруда прибить меня была готова. Конечно, может, и привыкла уже, и поняла, что нам целесообразнее быть вместе, но моя магия, имеющая привычку вести себя неадекватно, так и подталкивала задать вопрос. Я смерил Гертруду взглядом, а потом, не удержавшись, подошел ближе.

— Ты же собирался идти к Казику? — удивленно спросила она. — Чтобы он никуда не заглянул...

— Он никуда не заглянет, — ответил я с такой уверенностью, что Гера, кажется, с трудом сдержала недовольное фырканье. — Он дальше уборной не зайдет. Отравился так, что едва на ногах держится.

— О, — девушка улыбнулась. — Вот оно что. А я думаю, чего он так на еду мою смотрит... А оно, оказывается, действенная штука —

кулинария Барбары...

— Да, — кивнул я. — Действенная.

Гера поежилась.

— Людвиг, что не так?

— Скажи-ка, — прищурившись, поинтересовался я, — куда, моя дорогая, подевалась твоя ненависть?

— О чем ты?

Вопрос прозвучал достаточно естественно, и если б я был в состоянии здраво думать, то, наверное, уже оставил бы Гертруду в покое и пошел искать нашего досмотрщика. Но магия вытесняла все адекватные мысли из головы, и, хоть я и продолжал чувствовать себя последним идиотом, всё равно невольно потянулся к Гере. Конечно, где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что если я сейчас что-то сделаю, то могу напрочь забыть и о наследстве, и о Гертруде тоже.

— В первые дни ты была готова меня убить, — протянул я, рассматривая ведьму. — Теперь улыбаешься и ведешь себя, как нормальная невеста.

Гертруда опасливо оглянулась, словно опасаясь, что вдруг из-за угла выскочит какой-то Казик. Но я, очевидно, оказался прав насчет нашего досмотрщика.

— Я хорошо играю свою роль, — протянула она, впрочем, выглядя не слишком убедительно при этом. — Не понимаю, что тебя смущает. Мы ведь договаривались, что будем вести себя максимально естественно. Ты тоже не отпрыгиваешь от меня, как от прокаженной, надо сказать. Хотя вроде как должен. Ты же инквизитор. Много на твоей совести мертвых невинных ведьм? Ты же и меня хотел убить...

— Я не хотел тебя убивать, — покачал головой я.

Да-да, самое время моей магии окончательно выйти из-под контроля. Мало того, что Гера и так ни единому слову не верит, так я ещё и устрою сейчас цирк со своими неуместными, несвоевременными признаниями и заработаю себе приговор в её глазах.

— Ты поджег дрова под моими ногами, — обвинительно заявила Гертруда, распаляясь. — Ты хочешь сказать, что ты желал мне добра? Очистить эту ведьму через пламя, и душа её обязательно попадет в лучший мир! А моя душа, между прочим, ещё пожить хотела!

От лживого образа счастливой невесты не осталось ни следа. Гертруда вновь стала собой, пылкой, разъяренной ведьмой, безумно

красивой в своем гневе. В глазах её полыхал самый настоящий огонь, и она смотрела на меня так, словно собиралась уничтожить прямо сейчас и полагала, что имеет на это полное право.

— Я тоже не хотел погибнуть, — прорычал я. — Ты думаешь, я от большого желания очистить мир от магии пошел в инквизиторы? Да среди нас полно колдунов, которые прячутся от властей таким образом! А если бы было иначе, погибло бы намного больше ведьм. Мы делаем всё, чтобы не трогали безвинных.

— А я что наделала? Кого я убила? Кого заколдовала? На кого наложила порчу?!

— Ты — никого, — мотнул головой я. Осторожность, Людвиг, осторожность! Следи за языком! Хотя... — Но фон Ройсс, этот придурковатый маркграф, на смертном одре сдал всех, кого мог. Он даже координаты назвал твои и твоей бабушки, мол, на казни женщин лучше смотрят, так его отпустите, а вас сожгите! Всей семьей! Это чудо, что поймали только тебя! Ты думаешь, я мог сделать больше? Или считаешь, я был не в курсе, что ты ни в чём не виновата?!

— Так что меня, невинную, привязали к этому проклятому столбу, ещё и дров поближе подложили, видать, чтобы горела хорошо! Ты и подложил!

Подложил, конечно же! Если б я те дрова к её ногам не подложил, она бы сгорела, прежде чем пришла новость.

— Да я специально тянул время, — прошипел я, напрочь забыв обо всякой осторожности. — Берта уже принесла на хвосте новость о том, что Амьен завоевал Видам. Но надо было дождаться глашатая. Я столько заклинаний навешал на те дрова, что думал, меня рядом с тем столбом поставят и будут ждать, пока мы друженько сгорим. Спасибо, новость всё-таки доставили!

— Раз ты так боялся за свою шкуру, — не унималась Гертруда, — так чего же ты никак не мог решиться? Сжег бы и меня напоследок, ничего страшного. Зато потом говорил бы своим потомкам, что ты делал всё, что мог, чтобы уберечь ваш славный магический род! Неужто из большой любви к невинным ведьмам решил пощадить?

— Почему? — окончательно плюнул на все свои правила я. Хочет правду? Будет ей правда. — Да потому что...

— Что, потому что? Ну? Хотел лишнюю медаль на грудь повесить, за то, что ведьму спас?!

— Потому что ты — моя истинная пара, — выпалил я прежде, чем успел включить мозги и немного профильтровать речь. — Потому что рейд у нас был как раз в мою дату, и когда я тебя увидел, то сразу понял, что все, конец. Да мне хотелось там на месте всех перебить и тебя куда-то уволочь, но ты хоть понимаешь, чем бы это закончилось?!

Тем, что нас обоих убили бы, и я точно ничем не смог бы помочь Гере.

Она смотрела на меня, как на сумасшедшего, широко распахнутыми от шока глазами, и я всё ждал, пока Гера сделает хоть что-то. Ударит, оттолкнет, пошлет, в конце концов. Скажет, что не верит в истинные пары. Но она молчала, кусала губы и, кажется, пыталась понять, как вообще реагировать на услышанное. И всё никак не могла определиться.

— Ну же? — осторожно произнес я. — Чего ты молчишь?

Вместо ответа Гертруда медленно подняла руку с браслетом вверх, и я с удивлением увидел, что на её запястье сверкала уже вторая белая бусина. Взглянул даже на свой браслет, пытаюсь удостовериться в том, что второе испытание было пройдено, и да, в самом деле, легкая белая бусина вместо каменной черной подтверждала этот факт.

А потом Гера, словно осознав, что я только что сказал, попятилась, отступила на шаг, два, три, потом повернулась ко мне спиной и побежала прочь. И у меня возникло сомнение, что после этой бусины, данной, очевидно, за честность, нас ждет ещё хотя бы одна. Потому что, возможно, моя невеста вообще пожелает отменить свадьбу.

Глава тринадцатая. Гертруда

Фрау Эдвина оказалась довольно молодой на вид ведьмой, не старше тридцати пяти. Я подозревала, что ей в два, а то и в три раза больше на самом деле, но, по крайней мере, не чувствовала себя молоденькой дурочкой на её фоне. Женщина же, кажется, была настроена сделать мне платье, достойное самой королевы, потому что количество привезенных с собой тканей, эскизов, журналов и фурнитуры просто поражало. Сама она была невысокая, пухлая и очень-очень милая на вид, а меня окинула профессиональным взглядом и сразу же с порога вынесла приговор:

— Никаких монашеских штор делать не буду! Такую красоту надо показывать! К тому же, будущая маркграфиня фон Ройсс должна выглядеть просто потрясающе...

— С чего вы взяли, — улыбнулась я, — что я — будущая маркизья?

— Ну а кто ты? Прислуга? И обратилась к самой фрау Эдвине? Ни в жизнь не поверю! Как вышла-то на меня? — поинтересовалась женщина, взмахом руки разгоняя по огромному залу все свои коробки.

Надо сказать, что, хоть я и выбрала в качестве примерочной центральный зал, где в хорошие времена проводили разные балы, даже здесь все вещи фрау Эдвины занимали приличную часть пространства. Одно окно напрочь скрылось за бесчисленными тканями разнообразных оттенков, от белого до бордового и темно-фиолетового. Стеллажи с фурнитурой, выскочившие из крохотного на вид чемодана, в который были упакованы, разумеется, с помощью магии, угрожающе кренились набок от тяжести взваленных на них вещей. Я пораженно покачала головой. Зачем же столько всего? Никогда не считала себя придирчивой в плане нарядов и не представляла, как должна буду задействовать всё это... И что со мной будут делать, пока выберут это платье?

— Священнослужитель, герр Антвас Шварц, посоветовал обратиться к вашим услугам, — пожала плечами я.

— А! — хмыкнула Эдвина. — Вот оно что... Вижу, у вас две бусины белые... И всего четырнадцать. Так долго первое испытание не поддавалось или всего четырнадцать взяли?

— Всего четырнадцать, — улыбнулась я.

— А жених где? — спросила женщина. — Придет же? Или мы платье только для платья выбирает? А... Антвас не сказал! Или сказал?

— Сказал, — ответила я, хотя толком не понимала, о чем идет речь. — Он... Он придет, наверное.

Людвига я не видела со вчерашнего дня, когда убежала вместо того, чтобы рассказать ему о том, что и сама считаю его своей истинной парой. И до сих пор корила себя за это. Вот что мешало признаться? Впрочем, я не могла быть уверенной в том, что Людвиг сказал тогда правдой. Может, он придумал всё это про истинную пару, чтобы оказаться ближе ко мне, я б сказала, даже непозволительно близко. И я не просто так убежала, а чтобы себя обезопасить.

Не просто так он мне на глаза не показывается.

— Давайте начнём без него, — приняла решение я, повторяя про себя, что пора давно уже понять, что от Людвига не надо ждать ничего хорошего.

Он — обманщик. Инквизитор. Расчетливая тварь, которая...

Мои размышления и попытки возненавидеть Людвига повторно не сложились, потому как в дверь осторожно постучались. Я дернулась, искренне надеясь на то, что там, снаружи, стоит не какой-нибудь мерзкий Казимир. И что это не Зигфрид или Берта, целый день летающие в саду, решили наведаться ко мне и оказать свою неоценимую помощь по выбору платья.

— Можно? — раздался из-за двери голос, и я поймала себя на том, что невольно расплылась в улыбке.

Людвиг!

Казалось, чего радоваться-то? Но я всё равно не могла сдержаться. Хорошо, что он всё-таки пришел. Неужели действительно говорил правду, когда рассказывал о том, что почувствовал во мне свою истинную пару? Если так, то...

Я застыла, закусив губу, и даже забыла, что забыла ответить. Если у нас в самом деле вот так всё совпало, и мы чувствуем друг в друге истинную пару, то почему б не объединиться, не позволить любить друг друга? Я уже почти не чувствовала себя его несостоявшейся жертвой! Только вот ключевым словом в этом случае было именно это капризное "почти", и каждый раз, когда я задумывалась о том, что будет после, неуловимо вздрагивала.

Вдруг он солгал? Или истинная пара — это просто влечение друг к другу, и ничего больше? Вдруг мы так и не сможем познать счастье, как бы ни старались? И он так и останется для меня чудовищем, а не просто любимым мужем, который когда-то был... Не таким, как мне бы хотелось?

Я решительно потрянула головой. Прочь эти дурацкие философские размышления! У нас зачем эти четырнадцать испытаний, чтобы мы в потолок плевали и смотрели друг на друга? Вот если пройдем их, наверняка же поймем, кто мы друг для друга!

Стук повторился, напоминая мне о том, что Людвиг всё ещё ждет снаружи, топчется на пороге, и я бросилась открывать дверь, даже мысленно отругала себя за то, что так долго мялась. Так можно и до ссоры довести.

Мужчина стоял на пороге, немного пристыженный.

— Берта сказала мне, фрау Эдвина прибыла. Ты вчера предлагала мне поприсутствовать, помочь с выбором платья. Не передумала?

— Не передумала, — кивнула я, не позволив тишине заполнить вновь затянувшуюся паузу. — Проходи. Мы ещё не начали! Думаю, ты, как жених, просто обязан помочь с решением!

— Хорошо, — кивнул Людвиг, улыбаясь. — Как скажешь.

Я посторонилась, пропуская его в зал, но Людвиг, проходя мимо, всё равно будто случайно задел мою руку своей. Браслеты соприкоснулись и едва слышно звякнули, напоминая о ставшей привычной за эти три дня тяжести. Я не ожидала, что так быстро втянусь, да и вес браслета больше не казался таким ужасающим, как тогда, когда все его бусины были черными. Может быть, роль играло так же беспокойство, что мы не сможем пройти ни единого испытания, тем более, понятия не имея, в чём они на самом деле заключаются?

Должно быть, именно так.

Сейчас думать об этом мне не хотелось совершенно. Вместо того, чтобы смотреть на белые бусины и считать, сколько там осталось ещё испытаний, я повернулась к фрау Эдвине и улыбнулась ей.

— Наверное, можем начинать? — уточнила скорее для проформы, чем потому, что сомневалась в том, что пора б нам уже и взяться за это платье.

— Да, милочка, — улыбнулась женщина. — Приступим, приступим... Идите сюда, снимем мерки, — я послушно подошла поближе, вставая на предложенный ведьмой-швеей невысокий табурет.

Она скептически окинула меня взглядом... А потом вдруг взмахнула рукой, и тонкая сантиметровая лента закрутилась вокруг меня. Казалось, этой женщине даже не надо было уговаривать меня снимать платье, колдовской предмет справлялся со всеми заданиями и так — но в какое-то мгновение я поняла, что пуговицы моего наряда расстегиваются сами по себе.

— Прикладывать-то мы к этому не будем, — пояснила с усмешкой ведьма. — А жених пусть посидит, посмотрит, какая у него красавица невеста! Хорошо, у нас нет дурацких традиций, что жениху нельзя видеть, как его невеста прекрасная выглядит!

— Но...

— И не вздумай протестовать! — велела мне замолчать фрау Эдвина. — Я уж вот сколько невест одела, сколько платьев ищила, сколько раз руки об иглы колола, пока эти заклинания плела, я точно знаю, что я делаю! Жених, которому невеста на себя в сорочке

полюбоваться не дает, потом и в постели только с выключенным светом сможет!

Я покраснела, а вот Людвиг, зараза эдакая, громко расхохотался. Мне даже захотелось бросить в него какой-нибудь шпилькой и желательно попасть ею в глаз, но это опять-таки было отнюдь не лучшей идеей. Покалечу ещё, и за кого я потом замуж пойду? И наследство кому достанется? Казику?

Ну уж нет! Потерплю лучше своего инквизитора, он, по крайней мере, мне совершенно точно нравится...

К тому же, Людвиг и вправду смотрел на меня с каким-то плохо скрываемым восторгом, пока фрау Эдвина прикладывала одну ткань за другой... Как будто я действительно очень нравилась ему как женщина, и плевать на то, что нас с ним связывало море всевозможных обязательств.

В какое-то мгновение я даже расслабилась и позволила себе просто наслаждаться выбором тканей. Реагировала на них, правда, без особого восторга, пока фрау Эдвина не приложила ко мне нежно-голубого оттенка простую ткань, безо всяких узоров и вывертов... Но мои пальцы невольно уцепились в отрез, как будто я собиралась замотаться в него и помчаться под венец прямо сейчас.

— Амьенский шелк! — гордо сообщила Эдвина и повернулась к Людвигу. — Берем?

Мой взгляд скользнул по ценнику, висевшему на ткани, и я присвистнула.

— Берем, — кажется, не замечая того, что ткань стоит как годовая инквизиторская зарплата, заявил Людвиг.

— Так дорого же... — попыталась протестовать я, но мужчина только отмахнулся.

— Оплачу. Тебе она к лицу, — протянул Людвиг.

Судя по его внешнему виду, он либо очень хорошо притворялся, либо в самом деле сейчас представлял, как мне будет в этом платье. Но... Разве мужчин вообще такое интересует? Или ему куда больше нравилось, как я выгляжу в белье?

И вообще, мне б застесняться...

— Не надо с женихом спорить, — покачала головой фрау Эдвина и тут же поманила пальцем коробку со всяким декором. — Сейчас будем выбирать, чем украсить... И модель заодно посмотрим, — махнула

рукой, заставляя эскизы выстроиться в ряд. — Ну, что тебе понравится, красotka?

Я заворожено окинула взглядом все удивительное разнообразие платьев и даже спрыгнула с табуретки, поплотнее заворачиваясь в отрез ткани, который всё ещё прижимала к груди. Все они без исключения были красивыми, но я даже не представляла, как тут можно что-нибудь выбрать. Платья будто готовились для каких-то других невест, точно не для меня. Мне хотелось чего-то простого, но чтобы оно не выглядело банальным, чего-то удивительного, но не такого, как у богачек, которые не умеют считать деньги и вывешивают на себя бесконечное количество драгоценностей...

Взгляд зацепился за эскиз, который висел дальше всего от меня. Мне пришлось даже сделать несколько шагов вперед, приблизиться к Людвигу — а вот этого я точно не планировала! — но ради платья мечты, наверное, я была готова и не на такое.

Стоило только дотронуться до листа бумаги, как в голове моментально вспыхнул образ... Я представляла себе, как захожу в этот самый зал, иду в этом нежном платье... Нет, лучше провести церемонию на улице! Тогда я буду отлично смотреться на фоне сочной, весенней зелени, буду казаться такой яркой, такой свежей и такой счастливой...

— Эта, — прошептала я. — Эту хочу.

— Эту? — уточнила фрау Эдвина. — Уверена?

Я кивнула.

— Ну раз невеста уверена, — женщина расплылась в улыбке. — То жениху только достаточно будет подтвердить её выбор... Нет, молодой человек, на обороте смотрите! Магия уже всё подсчитала! Отличный выбор, между прочим!

Я краем глаза заметила число, написанное сзади, и обомлела. И это столько будет стоить мое платье? Но ведь... Конечно, полноправные наследники маркграфа фон Ройсса могли позволить себе и что-нибудь подороже, но ведь не факт, что мы с Людвигом ими станем! Да и вообще, немыслимая цена для простой ведьмы и инквизитора.

Но почему-то Людвиг даже не дрогнул, когда ему продемонстрировали цену.

— Я оплачу, — улыбнулся он. — Если моя невеста будет счастлива в этом платье, это даже дешево.

— Конечно, будет, — проворковала фрау Эдвина. — Разве какой-то невесте может быть неприятно, что её жених щедр?

— Даже расточителен, — хмурясь, прошептала я.

— У меня есть сбережения, — хмыкнул Людвиг. — И кое-какое наследство от родителей. Можешь не переживать, будет тебе платье.

Я могла бы сказать, что у меня самой есть нужная сумма, чтобы приобрести себе любой наряд, который мне будет угодно, но почему-то промолчала. Может, потому, что мне просто было приятно получить такой от него подарок и чувствовать на себе восторженный мужской взгляд.

— Ну так что? — уточнила фрау Эдвина. — Берете?

— Берем, — подтвердил Людвиг. — Уверен, моя Гера будет в этом платье просто великолепна.

Он произнес это вроде как искренне, и я позволила себе улыбнуться. В какой-то момент мне даже показалось, что Людвиг не лгал, когда говорил о своих чувствах, о влечении истинной пары. И вновь возникло дурацкое желание тоже признаться ему во всём, быть честной до предела. Вот только я не могла позволить себе такой риск, и моя магия пока что вела себя прилично. Наверное, если пройдет ещё несколько дней, то тоже будет тянуть признаться ему во всем...

— Как мило, — заулыбалась Эдвина, — когда жених так ценит свою невесту... И делает ей такие приятные подарки. Цени, деточка! Ну а я, пожалуй, пойду? Заказ получен, платье будет к сроку!

Я заикнулась было, что мы же сроки-то и не оговорили, но Эдвина только подмигнула мне и взмахнула руками. Все её стеллажи, ткани, чемоданы — всё в один миг поднялось в воздух и закрутилось в вихре, стремительно упаковываясь, уменьшаясь в размерах, сбиваясь в плотные стопки.

Не прошло и нескольких секунд, как фрау Эдвина уже властно махнула рукой.

— Счет пришлю, — усмехнулась она Людвигу. — Деточка, удачных испытаний! — это уже обращалось именно ко мне, и я перехватила её ласковый, почти материнский взгляд, как будто эта швея беспокоилась за каждую невесту, которой шила платье, и желала ей всего самого наилучшего уже заранее, до покупки платья.

Но фрау Эдвина быстро отвернулась, а я потянулась за своим нарядом, вспомнив вдруг, что стояла перед Людвигом полураздетой.

— Помочь? — в голосе жениха послышался смешок, но я вполне серьезно кивнула.

— Помогай, — согласилась, прекрасно зная, что без магии все эти крючочки-пуговицы застегивать буду очень долго.

Мне показалось, что фрау Эдвина издала смешок, забавляясь нашим с Людвигом поведением, но не обратила на это никакого внимания. Пусть... Ведь это в первую очередь наше с ним дело, как вести себя друг с другом. Может, мы любим друг друга безумно и!..

— Куда это?! — возмущенным голосом фрау Эдвины звучал совершенно иначе, чем когда она была в благожелательном настроении. — Нельзя! Не мешай молодым.

— Казик, — шепнул Людвиг. — Слушай, может, мне дверь заклинанием захлопнуть? Чтоб не влез?

Последний чемодан фрау Эдвины как раз вылетел из зала, и я кивнула. Людвиг щелкнул пальцами, и дверь с таким громким стуком закрылась прямо перед носом у Казимира, что до нас даже донесся полный недовольства и злости стон.

Людвиг же, как ни в чём ни бывало, вернулся к моему платью, бережно застегивая крючки. Я втянула живот, зная, что так застегивать будет намного легче, и старалась не вздрагивать каждый раз, когда он случайно прикасался к моей обнаженной коже.

— Всё, — как-то слишком рано прошептал Людвиг, обнимая меня за талию и притягивая к себе. Он всё ещё стоял у меня за спиной, и жар его ладони, лежавшей на моем животе, распространялся по всему телу. Я чувствовала, что мужчина уткнулся носом мне в затылок, и задавалась вопросом — неужели в самом деле ему приятно просто стоять так? Если я — действительно его истинная пара, то да, даже сомневаться не стоит. Мне и самой хотелось насладиться его теплом, его прикосновениями, и о былой ненависти даже напоминать было как-то...

Неохотно.

Я опустила взгляд, почему-то не в силах преодолеть смущение, и коснулась браслета.

Бусина под моими пальцами стремительно белела и становилась легче. Аналогично вел себя и браслет Людвига.

— Интересно, — прошептала я, — это было испытание на что? На щедрость?

— Может быть, — пожал плечами Людвиг. — Или на какое-нибудь

сближение. Но ведь мы его прошли?

Он осторожно коснулся губами моей шеи, и я вздрогнула. Ещё вчера оттолкнула бы безо всяких сомнений, а сейчас вот задумалась — может быть, не стоит?

— Ты правда заклинал те дрова?

— Да, — кивнул Людвиг, кажется, поняв, о чем речь. — Конечно же, заклинал. Чтобы были отсыревшими и плохо горели, но дыма не было, ещё не хватало, чтобы ты задохнулась.

— И про истинную пару...

— Тоже правда, — подтвердил он, проигнорировав мою попытку быть осторожной в высказываниях.

— Нам пригласительные написать надо... — запнулась я, пытаюсь увести разговор в другое русло. — А то моя бабушка даже не знает, что я замуж выхожу. Текст бы придумать.

— Придумаем, — пообещал Людвиг. — Сядем вместе и придумаем.

И опять поцеловал в шею.

Ну что ж, подумала я, пусть целует. В конце концов, иногда можно...

Глава четырнадцатая. Людвиг

— Ну что? — заинтересованно спросила Берта. — Как она на тебя реагирует? Всё хорошо? Не шипит? Не отплевывается?

— Отстань, Берта, — я вновь открыл книгу. — Я занят.

— Ты не занят! Ты хочешь побыть наедине с собой и наслаждаться воспоминаниями о вашем времяпровождении! — заявила фамилиар, переминаясь с лапы на лапу. — Зигфрид мне рассказывал о том, что она то и дело вздыхала ночью, твоё имя всё шептала... Ну так перебрались бы в одну спальню да признавались бы друг другу в любви! А то этот тут охает да ахает, невесту всё свою вспоминает, да никак не решится быть хоть немножечко активнее!

Я взглянул на Берту так, что она, щелкнув клювом, наконец-то замолчала. Очевидно, поняла, что что-то пошло не так. Вряд ли заподозрила, впрочем, что её гениальный метод по соблазнению девушек, который, как считала Берта, должен действовать абсолютно на всех, просто-таки без исключения, дал сбой.

Вот уж, что называется, с кем поведешься... Это она за долгие годы при маркграфе успела для себя определить главные методы соблазнения

женщин?

Я почему-то был уверен, что, если воспользуюсь хоть одним из них, когда попытаюсь проявить своё внимание к Гертруде, буду изгнан прочь. И хорошо, если за наглость меня проклянут так, что останусь жив. Последствия общения с ведьмами: легких путей не найдешь! Зато и кровь в жилах кипит, и к избраннице влечет долгие годы, а не до первого сеновала...

— Слушай, если ты так уверена в том, что "активность" — отличный способ, где птенцы? — не удержался я, когда Берта в очередной раз громко вздохнула. — Вы ж уже целых пять дней знакомы, почему до сих пор до дела не дошли? Фениксы — вид редкий... Чего клюешься?!

Берта и вправду наступала на меня с таким гневным видом, угрожающе встопорщив перья, словно собиралась заклевать до смерти. Клюв у неё был, надо сказать, тяжелый, если ущипнет, потом ещё долго придется заклинаниями рану залечивать да мазями замазывать, а я — такой себе лекарь, чтобы не сказать больше. И иллюзии накладывать не слишком хорошо умею, а на свадьбе никому побитый, исклеванный собственным фамилиаром жених не нужен.

Пришлось сдаться: поставить книжку прямо перед Бертой и встать со своего места.

— Ты б полетала, вместо меня лечить, — предложил я, прекрасно зная, что фамилиар мен проигнорирует.

Как и обычно, в общем-то. Очень удобно быть грозным колдуном-инквизитором, когда твой фамилиар считает, что всё знает лучше всех и имеет право распоряжаться чужой жизнью. А потом ещё будет спрашивать, чего это на неё обижаются, она ж добра хотела!

— Чего мне летать? — проворчала Берта. — Я ещё налетаюсь! А ты бы...

Оставшееся ворчание я уже не услышал: высунулся из окна, прислушиваясь к разговору. Мужской голос определенно принадлежал Казимиру, и ничего хорошего ждать от него не следовало. Конечно, пироги в исполнении Барбары, точнее, сделанные с помощью её заклинания, отбросили его на несколько шагов назад в своём расследовании и дали возможности нам с Герой немного сблизиться и пройти целых три испытания, но это отнюдь не означало, что Казимир успокоился.

Теперь, когда живот у него уже так не болел, и он даже позволял себе отступать от "диеты" и иногда пробовать что-нибудь из приготовленного Гертрудой, у досмотрщика появилось время вредить и делать всё, чтобы наследство досталось государству.

А ему — какие-то приятные бонусы. Уверен, что делает это герр Хогберг не за "спасибо".

— Ох, — а вот женский голос точно был не Геры. — Ну да, конечно, два года! Мы этого жениха и не видали никогда прежде. И Гера мне, своей лучшей подруге, ни разу не говорила о том, что у неё любимый есть! Наоборот! Конечно, и никого из местных к себе не подпускала... Мы вообще уверены были, что Геру это совершенно не волнует!

Это явно была одна из тех двух женщин, что провожали меня к дому маркграфа.

Я поспешно захлопнул окно и, проигнорировав удивленный оклик Берты, выскочил из комнаты. Ещё не хватало, чтобы ведьмы поделились своим мнением по поводу нашего с Герой брака с ведьмаком. Он потом будет на все сто процентов уверен в том, что мы — не то что жених и невеста, а вообще едва ли не кровные брат и сестра.

Или ещё какую-то гадость приплетут.

...Успел вовремя. Рядом с Казиком, опершимся спиной о цветущую яблоню и упорно дергавшим одну из веток, вероятно, исключительно ради того, чтобы урожай вообще никому не достался, переминалась с ноги на ногу пухлощекая Барбара.

К её лицу будто намертво приклеилась неестественная ласковая улыбка. В руках была корзинка, и запахи, которые источало её содержимое, напомнили мне о тех самых горевших пирогах, которыми уже однажды отравился Казимир.

— О, Людвиг! — улыбка Барбары стала ещё шире. А я уж думал, что это невозможно. Надо же, какие неожиданные у некоторых ведьм бывают таланты... — Герр Казимир сказал, что у вас с Герой свадьба меньше чем через две недели! Я вот решила прийти, поинтересоваться, не подсобить бы чем-то... Но не рано ли? Герр Казимир говорит, что у вас давно чувства, но ты ж впервые приехал только неделю назад! И, кажется, Гера была не слишком рада тебя видеть...

Главное, что меня её подруги были страшно рады видеть, пока не

узнали, что я чей-то жених!

— Мы с герой по большей мере переписывались, — усмехнулся я. — И Гертруда просто ревновала. Зачем пожаловала, Барбара?

Вообще-то, полагалось обращаться к ней, используя противную приставку "фрейлейн", но я и так с трудом сдерживался, чтобы не говорить ей "эй, ведьма". Всё же, инквизиторские привычки тоже не так легко забываются, и на языке так и крутился десяток неприятных обращений, которые мы всегда использовали на работе, нарочно показывая ведьмам, что надо бы вести себя поспокойнее и скрыться куда-нибудь.

Многие понимали и убегали, даже оставляли обжитые дома в попытке спасти себе жизнь. Другие же, как тот же маркграф, намеков не понимали — и иногда платили за это жизнью.

— Да вот помочь решила! Гере сейчас наверняка не до готовки, так я пирогов принесла, чтоб вам было что есть... — Барбара сдернула платок, укрывавший корзинку, и продемонстрировала мне несколько пирожков.

На вид они были довольно румяные, симпатичные, но... Что-то не так. Магия буквально вопила о тревоге, хотя, казалось бы, еда как еда.

Нет уж, спасибо. Гертруда всё равно лучше готовит.

— Спасибо, — усмехнулся я, — но я сыт.

Барбара наивно захлопала глазами.

— Но я же старалась... Готовила...

— И мы тебе за это очень благодарны, — мой тон всё больше напоминал тот, инквизиторский, который обычно вгонял ведьм в состояние ужаса.

Но Барбара в своей жизни, очевидно, знала очень мало инквизиторов. Возможно, вообще ни одного. Местность здесь была спокойная, вполне возможно, женщина даже не сталкивалась с нашей братией. Другого объяснения я не видел. Гертруда на такой тон реагировала подсознательно, потом, правда, расслаблялась и начинала смеяться. В последний раз, когда это произошло за завтраком, Казик даже записал в свой блокнот, что фрейлейн Аденауэр, возможно, немного не в себе.

То-то он удивится, когда его блокнот окажется внутри совершенно чистым! Кто же записывает ведьминские имена, не спросив саму ведьму об этом? Они все заговаривают официальные обращения. Иной раз пока

приговор запишешь, ведьма уже тридцать раз сбежать успеет!

— А я бы, пожалуй, попробовал, — влез вдруг Казимир. — Такие вкусные пирожки! Пальчики оближешь! А то у фрейлейн Гертруды такие не получаются...

Он схватил из корзины один, а потом и второй пирожок и, не сомневаясь в их пригодности, тут же откусил. Скривился едва заметно, недоуменно взглянул на пирожки, но жевать продолжил.

— Ох, — заулыбалась Барбара ещё более неискренно, чем прежде. — Это беда в доме, когда мужчины голодные! Что ж Гертруда-то так не заботится о вас! — женщина сделала шаг ко мне и ласково погладила по плечу. — Кормить же мужчин надо!

— Ну так мужчина и накормлен, — хмыкнул я. — А что герр Хогберг так боится блюд моей невесты, так он, видать, этому статусу не до конца и соответствует...

Казимир вскинул голову, реагируя на оскорбление, но принял решение, что еда ему важнее, и продолжил жевать пирожок.

— Удивительно, что Гера растеряла свой талант, — продолжила Барбара. — Она раньше была отличным кулинаром... Или, может, по старой памяти бабушка давала ей свои кулинарные заклинания? А ведь так можно и красоту растерять, и всё на свете... Хорошо, когда есть всё натуральное! — и она будто нарочно дернула плечом так, чтобы платье чуть сползло с плеч, ещё больше обнажая её грудь.

Я с трудом сдержался, чтобы не скривиться. Это она сейчас сравнивает себя с Гертрудой? У моей Геры, конечно, есть недостатки в виде вредного характера, но так это всем ведьмам характерно! Только талия у неё тонкая, как у осы, лицо чистое и красивое, в глазах горит ведьмин огонь, а сила буквально пляшет на пальцах.

У Барбары талия не осиная, а скорее пчелиная, во взгляде — болото болотом, а пальцы, кажется, в жиру. Она руки, что ли, не могла помыть? И по плечу так гладит, что мужчину послабее случайно пришибить бы могла. Силу же рассчитывать надо!

Я на всякий случай отступил ещё на полшага. Барбара ступила следом и ещё раз дернула платье, кажется, надеясь, что оно сейчас порвется, и она предстанет передо мной во всей своей красе.

— Скажи, Людвиг, — проворковала она, — а как ты принял такое важное решение — жениться? Мужчине ведь надо нагуляться в первую очередь... Многие женятся ближе к шестидесяти...

Спасибо, мне ещё не хватало только тридцать лет за своей истинной парой бегать, чтобы потом уже ничего не хотелось, ни любви, ни ласки, ни потомства, ни наследства.

— Возможно, — тут же вмешался Казимир, — в корыстных целях?

— Ну что вы, — ухмыльнулся я. — Любовь — она всегда захлестывает с головой. Покоряет себе людей любого возраста! Даже если б я очень хотел оставаться холостяком до шестидесяти лет, чувства просто не оставили мне шансов.

Барбара вздохнула.

— А мне казалось, все колдуны мечтают встретить своих истинных...

— И никогда не делятся этой информацией с посторонними, — ответил я таким же елейным голосом. — Потому что тайна истинной пары — священна, и раскрывать её посторонним нельзя ни при каких условиях.

Женщина скривилась. Кажется, моя священная тайна истинной пары её очень даже волновала. Ну конечно же! Ни один колдун в своем уме не откажется от истинной пары. А если просто влюблен, то его можно попытаться соблазнить...

Я хмыкнул. Что ж, возможно, она уже попыталась. А то что-то её духи как-то знакомо воняют. И Казик тянется уже за пятым пирожком...

Корзинка стремительно пустела. Казимир смотрел на Барбару воистину влюбленными глазами и, кажется, даже пролепетал что-то о том, что таких вкусных пирожков никогда в жизни не пробовал. Я с трудом сдержался, чтобы не сказать, что именно такие пирожки, с точно такими же вкусовыми качествами, он уже вкушал однажды утром, и это плохо закончилось, но решил не слишком расстраивать Казика.

Барбара даже совершила слабую попытку отобрать корзинку, прикрыть оставшиеся пирожки салфеткой и не дать Казимиру подписать себе смертный договор — она-то наверняка знала, что готовит не слишком хорошо! — но мужчина проявил силу воли и с такой силой уцепился в плетеную ручку, что Барбара вынуждена была передать ему свою тяжелую ношу и сделала шаг ко мне.

— Ох, Людвиг, — проворковала она. — Казимир рассказал мне о том, что вы с Гертрудой претендуете на одно и то же имущество...

— Надо же, какой он болтливый, — скривился я. — Да, мы с Герой познакомились, когда в прошлый раз выясняли этот вопрос.

Не совсем правда, но да ладно.

— Вот как, — заулыбалась Барбара. — Но ведь деньги так портят людей... у меня есть опасения, что Гертруда откажется от этого брака. Она просто влюбит в себя тебя, заставит поверить в искренность собственных чувств, а потом грубо, бесчестно разобьет тебе сердце! Уже есть предпосылки для этого!

Ох как интересно...

— И какие? — ласково поинтересовался я.

— Что — какие? — поразилась Барбара.

— Предпосылки, спрашиваю, какие, — я на всякий случай отступил ещё на полшага — вспомнил, чем именно воняли духи.

...Варить зелья — это всё равно что готовить. Конечно, надо вкладывать ещё и свою магию, чтобы ингредиенты вступили во взаимодействие друг с другом, но если ведьма или колдун не способны правильно порезать мышинные хвосты или в нужную сторону помешать жидкость, то их точно не ждет успех. Гертруда наверняка готовила зелья просто великолепно, раз она с обычной кулинарией справлялась с такой легкостью. Я не считал себя мастером, но знал, что смогу выполнить нужные действия, если проявлю внимательность в должной мере.

А вот Барбара и так запомнилась своими кулинарными шедеврами, и меня почему-то не покидали подозрения, что и в зельеварении она такая же.

Зелье же, приготовленное плохо, распадалось на составные части. Вот и выходило, что любовное зелье, которое должно было пахнуть какими-то цветами, воняло кровью или крысиным пометом, в зависимости от рецептуры.

А уж если выбрать какой-то неправильный рецепт!

С каждой секундой магия покидала духи Барбары, и я, признаться, с трудом мог находиться рядом с нею. Странно только, что Казимир ничего не замечал. Он ведь тоже маг, должен ощутить, что эта ведьма перебрала с любовным зельем! Может, она и в пирожки его подсыпала? Но нет, вряд ли...

— Ах, предпосылки! — проворковала Барбара. — Ну есть много разных... Очень разных... — она совершила попытку прижаться к моему плечу, но я на всякий случай отступил на полшага назад и скривился.

— Фрейлейн Барбара, — произнес максимально официально, — вы с какой целью посетили наш с Гертрудой дом? Желаете рассказать мне о предпосылках? О том, что наш брак распадется, не успев состояться? От вас зельем тянет на половину поселка!

— Что? — всполошилась Барбара. — Не тянет никаким зельем...

— Я чувствую аромат пионов! — заявил Казимир, делая шаг к женщине. — Такой сладкий и такой великолепный! Вы благоухаете для меня ландышами...

Протухшим яйцом...

— Сиренью...

Несвежей крысятиной...

— Розами!

И слежавшимся сеном.

Я, конечно, не озвучил этого вслух, но никакого особого удовольствия от пребывания рядом с Барбарой не испытывал. И вместо того, чтобы броситься в её широко распахнутые объятия, нехотя произнес:

— Мы с Гертрудой прекрасно справляемся со всем сами. Так что, фрейлейн Барбара, обойдемся без посторонней помощи. Спасибо за участливость.

Барбара не ответила. Она надулась, как тот сыч, мрачно воззрилась на меня, а потом повернулась спиной и бросилась прочь. Выглядела женщина достаточно обиженной, но я подозревал, что это очередной магический прием.

— Ах, какая женщина! — пробормотал стоявший рядом Казимир. — Пойду-ка я её догоню!

Я подозрительно взглянул на досмотрщика. Зрачки расширенные, глаза безумные... И вправду, что ли, зелье подействовало? Говорили, любовные зелья не способны разрушить истинную любовь, но могут зацепить тех, кто рядом. Только вот я очень сомневался, что истинная любовь и истинная пара — это слова синонимы.

Признаться самому себе, что кого-то полюбил? Этого ещё только не хватало! Меня и так Гера с ума сводит одним своим присутствием!..

Казик томно вздохнул, выдергивая меня из печальных размышлений, махнул рукой с таким видом, словно прощался со всем живым, и направился следом за Барбарой. Я вспомнил о том, сколько он съел её "качественных" пирожков и усмехнулся: ненадолго ему это

счастье. Как только в животе закрутит, мигом позабудет о навеянной любви. А мне бы вернуться в дом да предупредить Гертруду о том, что у её подруг что-то не то на уме.

Я вскинул руку, чтобы на всякий случай зафиксировать магический фон зелья, и с удивлением заметил, что побелела четвертая бусина, и мы с Герой стали на один день ближе к наследству.... А на одно испытание — друг к другу.

Что ж, может, не такой уж он и противный, этот Антвас.

Глава пятнадцатая. Гертруда

Откуда-то из коридора донесся полый досады стон. Седьмой за последние полчаса.

Я открыла глаза и едва сдержалась, чтобы не зарычать. Ну кто там такой неугомонный? Далеко за полночь, а он никак не уляжется! И что это должно произойти, чтобы бегать туда-сюда по коридору и стонать? И кто там никак не может сдержать свои физические порывы и так страдает? Неужели Людвиг?

— Зиг, — позвала я феникса. — Зиг, можешь слетать, посмотреть, что там происходит? Если Людвиг, то, наверное, помочь как-то надо.

Ещё пару дней назад я б с удовольствием пожелала бы смерти и ему, и Казику, чтобы в моей жизни не было больше ни жениха, ни какого-то паршивого досмотрщика, но теперь вот задумалась. Ведь Людвиг, скорее всего, говорил правду, когда рассказывал о том, что я — его истинная пара. И моя магия с такой охотой отзывалась на эти слова, что трудно было противиться дурацкому желанию поскорее оказаться рядом с ним, отбросить в сторону все условности...

Стон повторился, но из спальни определить, кто именно там страдал, было невозможно. Я вспомнила о том, что иногда достаточно неплохо исцеляла, прислушалась к звукам, доносившимся из коридора, и приняла решение всё-таки выглянуть наружу. Мало ли, вдруг моя помощь может действительно пригодиться. Вроде как нехорошо бросать человека на произвол судьбы, если ему так плохо.

Из коридора теперь донесся уже не стон, а настоящий вой. Зиг поддержал незнакомого страдальца нарочитым храпом. Обычно мой феникс спал очень тихо, так что я не верила во все эти его демонстративные попытки уснуть. Скорее всего, просто пытается таким образом доказать мне, что он никак не может помочь, потому как занят — спит.

Вот же гад ленивый! Всё делай самой!

Я нехотя выбралась из постели, завернувшись поплотнее в вязанную шаль и выглянула из комнаты.

В коридоре оказались оба. Людвиг стоял в дверном проеме, опершись плечом о дверную косяк, и равнодушно наблюдал за Казимиром. Ведьмак-дознаватель, надо сказать, выглядел отнюдь не так отстраненно. Он сидел на полу и тихонько подвывал.

— Не могу-у-у! — завывал он. — Живо-о-от! Будь проклято ваше наследство, ваше поместье и этот дурацкий маркграф! За какие грехи меня вообще сюда послали! У-у-у!

— А я предупреждал, — пожал плечами Людвиг. — Ты что, маленький ребенок, тянуть в рот всё, что плохо лежит? Ты зачем её пироги брал? Первого рада мало было?

— Первый раз были пироги этой твоей мерзкой ведьмы-ы-ы-а-а-а-а-у-у!

Последнее слово перетекло в очередной вой. Казимир разлегся прямо в коридоре и теперь смотрел в потолок, кажется, в ожидании очередного приступа. Я с подозрением посмотрела на него, потом перевела взгляд на Людвига, всё ещё не замечавшего меня.

— Это были пироги не моей ведьмы, а той же Барбары, — холодно отметил Людвиг. — И, между прочим, никто не говорил, что это безопасно — хватать пироги, которые настолько подгорели, что аж почернели! Но что ты сказал? Что желудки у ведьмаков железные, а ты и не такое ел. И как? Вкусно было?

— Невкусно! — буркнул Казимир. — Но как это могли быть пироги Барбары?

— Это было её зелье для приготовления, — пожал плечами Людвиг. — Ты не знал? Ведьмы иногда помогают друг другу, корректируют формулы. А ты мало того, что сожрал все экспериментальные образцы и обижаешь мою невесту, ещё и спать никому не даешь, шастаешь сюда-туда по коридору!

Казимир ответил тихим хныканьем. Что ж, я могла себе представить его ощущения, если он в очередной раз отведал стряпню Барбары. Казалось, моя соседка с каждым разом готовила всё хуже и хуже. Почему-то то, что позволяло всем остальным научиться кулинарному ремеслу, только делало её ещё более уверенной в гениальности собственных кулинарных творений.

Подруга просто-таки с поразительным упрямством игнорировала то, что её еда опасна для здоровья. Причём вне зависимости от того, кто будет её пробовать. Пострадают в любом случае все, без исключения!

— Что тут происходит? — наконец-то подала голос я, выйдя всё-таки из комнаты. — Ночь на дворе, что вы спать не даете! Мне завтра меню к свадебному столу прорабатывать!

Я уже предупреждала Людвиг, что весь завтрашний — точнее, уже сегодняшней, — день проведу, заготавливая нужные заклинания, чтобы в день свадьбы их можно было только активировать, и у нас в распоряжении оказался полный яств стол. И пригласительными нам надо бы заняться...

Всё-таки, фиктивная это свадьба или нет, а подготовиться к ней надо.

— Да вот, — Людвиг тряхнул рукой, и браслет, на котором красовались уже четыре белых бусины, — наш дознаватель решил повторный подвиг совершить. Помнишь, я говорил тебе, что Барбара в гости приходила? Так она пирожки с собой принесла. А этот умник изволил их отведать. Целую корзину съел. Тут даже от хорошей еды может стать плохо, в таком-то количестве.

Я присвистнула. Ну да, конечно. А учитывая то, что стряпня Барбары и "хорошая еда" — это диаметрально противоположные понятия, то понятно, почему Казимиру сейчас было, мягко говоря, не весело. Ему, видать, от боли вообще хоть на стену лезь, и даже не пожалуешься толком, потому что сам себе виноват. Впрочем, с каких это пор всякие ведьмаки признают свою вину?

Нет, куда проще обвинить в этом ближайшую ведьму.

Меня, например.

— И что, Барбара для герра Хогберга принесла пироги? — уточнила я несколько недоверчиво, зная, что подругу-то толком не заставишь готовить.

— Нет, — усмехнулся Людвиг. — Зачем для герра Хогберга? Для меня.

— Чтоб ты ими подавился! — прорычал досмотрщик. — Чтоб тебе они колом поперек горла встали, что их я ел, а не ты! Чтоб!..

— Поосторожнее с проклятиями, — остановил его Людвиг. — Я, может быть, и не целитель, а вот боевую магию изучал. И могу воспользоваться кое-какими заклинаниями, если кто-то будет

зарываться и требовать, чтобы его сию секунду поставили на место.

Голос Людвиг прозвучал как-то отстраненно. Мне вообще в какое-то мгновение показалось, что я прислушиваюсь к шуму, а не слышу, что он говорит на самом деле. Магия вскипела от моего внутреннего возмущения и отчаянно рвалась на свободу, желая пролиться настоящей бурлящей лавой.

И эта женщина смела ещё величать себя моей подругой! Можно подумать, я не знала, зачем ей вдруг понадобилось приносить все эти пирожки моему жениху!

Увести хочет. Глаз свой на него положила!

Я закусила губу, с трудом сдерживаясь, чтобы не выпалить несколько проклятий. Скорее всего, до Барбары они просто не долетят, а вот Людвиг и Казимир могут получить за чужие грехи.

Надо успокоиться. В конце концов, я же сама себе говорила, что это будет фиктивный брак. В нормальном фиктивном браке мужчина и женщина совершенно свободны, они никак не ограничивают свои отношения с другими. А если он не будет фиктивным, то и от меня требуется взаимность...

Проклятье, я до сих пор чувствовала, что способна эту взаимность обеспечить. И никуда не сбежишь ведь от дурацких ощущений! И от мыслей, так и бурлящих в голове...

Зачем оно мне случилось? Что за гадость? Это всё магия подстроила, это она требует от меня поскорее подойти к Людвигу, поцеловать в губы, убедить в собственной любви...

Я тряхнула головой. Нельзя. По крайней мере, до свадьбы я этого делать не стану.

— Надо будет сказать Барбаре, чтобы больше с едой ко мне не приходила, — выдавила я из себя наконец-то. — А то так она ещё кого-нибудь в этом доме накормит, а мне потом отвечай... Я знаю несколько заклинаний, которые помогут исцелиться. Могу попытаться что-то сделать.

На самом деле, куда более здраво было оставить Казика умирать. Скорее всего, ничего ему не будет, так, покрутится немного, ну, стонать будет, возможно, а потом пойдет к себе в комнату спать. Вряд ли там такое уж критическое отравление.

Если Барбара, конечно, не готовила никакие приворотные зелья.

Она ж отвратительный зельевар! И если зелье уже в желудке

несчастливого Казимира растеряло остатки волшебных свойств...

А ведь он не кажется сейчас влюбленным!

— Будь проклята эта ведьма! — вот, наоборот, шипит, проклиная, кажется, и весь свет ему не мил, и никакая Барбара не нужна. Значит, я права, и зелье уже в желудке распалось на ядовитые ингредиенты и причиняет ему такую боль. — Зачем я вообще в эту глушь поперся?! Инквизитор и ведьма, говорили они! Как кошка с собакой, обещали они! Ты расколешь их за считанные секунды! Да кого тут раскалывать, если они, гады такие, одно задание за дру-у-у-а-а-а!

Нет, довольно. Надо помочь человеку, не виновен он в том, что по долгу службы должен сделать нам пакость. Ничего хорошего, конечно, в этом Казимире нет, он меня страшно раздражает, если честно, но просто так оставить человека на произвол судьбы — не в моих правилах.

Правда, мой избранный-инквизитор продолжал подпирать плечом дверной косяк и даже не сдвинулся с места, совершенно не собираясь проявлять милосердие, но это не означало, что я буду такой же. Может, я и ошиблась, когда поверила в то, что от этого мужчины можно ждать что-нибудь положительное, но... А вдруг нет? Вдруг он в самом деле нормальный, а я только зря придумала для себя, что вижу какого-то демона во плоти? Вдруг всё рассказанное им об инквизиции — чистая правда?

Тогда он тоже жертва системы. Да, немного более находчивая жертва, чем я или чем излишне болтливый маркграф фон Ройсс, но мне всё равно не стоит на него злиться. Ведь если б не Людвиг, то я бы сгорела на том костре, не успев вырваться из плена инквизиции и не дождавшись глашатая, который объявил бы о законности магии...

Решившись, я захлопнула за собой дверь в спальню, отсекая все пути к отступлению, пересекла коридор и опустилась на колени рядом с тихо поскуливающим Казиком. Возможно, прежде это было просто показательное выступление, но сейчас я почему-то не сомневалась в том, что мужчине в самом деле очень плохо. Он побледнел, на лбу выступила испарина, светлые волосы как-то неестественно торчали в разные стороны, как будто они пропитались магией сверх меры. Казимир выглядел, если честно, очень ненатурально, будто оживленная восковая кукла, но я отбросила в сторону все дурацкие мысли.

Первым делом мне надо оказать ему экстренную помощь, а потом

уже думать о том, что с нашим досмотрщиком не так!

— Поможешь? — взглянула я на Людвига с надеждой, что он всё-таки окажется чуточку добрее, чем мне казалось, и не будет всё так же равнодушно стоять у двери и смотреть, как страдает другой человек.

Людвиг подозрительно покосился на Казимира, потом взглянул на меня и поинтересовался, правда, без особого восторга в голосе:

— Что надо делать?

Я не сдержала улыбку. Значит, Людвиг всё-таки согласен действовать со мной заодно и не бросит, когда будет нужна помощь. И в его сердце есть немного милосердия, хотя, разумеется, нам определенно не за что любить Казимира и каким-либо образом ему помогать. Но пусть... По крайней мере, совесть будет чиста, и ни я, и фон Ройсс не посчитаем себя виновными в каких-то увечьях этого мага.

— Всё очень просто, — пояснила я, вспоминая, как бабушка лечила приходивших к ней больных. — Тебе надо опустить руку мне на плечо и открыть доступ к колдовской силе. Я воспользуюсь ею сама, и если ты в достаточной мере мне доверяешь, то я смогу активировать заклинание и полностью деактивировать яд, который его мучит. Сама, увы, вряд ли такое проверну, тут профессиональный целитель нужен.

Людвиг тоже опустил на колени и скептически взглянул на Казимира, а потом протянул мне руку.

— Делай всё, что будет нужно.

— И тыпустишь меня в свой резерв?

— Да, — легко ответил он. — Я тебе доверяю.

Прозвучало как-то неожиданно. Вряд ли в мире было слишком много инквизиторов, которые в самом деле полноценно доверяли ведьмам. Я вообще не была уверена в том, что хоть кто-нибудь из них решился бы так легко открыться, дать мне полный доступ к собственной силе... Если она у других инквизиторов в самом деле была.

Тем не менее, я решительно вложила свою ладонь в его. Лгал Людвиг или нет, а мы нужны друг другу. Возможно, только для того, чтобы в самом деле получить деньги. А может, нас в самом деле связывает магия, сильная, древняя, способная руководить судьбами людей не хуже, чем корысть или теплые чувства друг к другу.

Я ощутила его силу в ту же секунду, как наши руки соприкоснулись — и с удивлением обнаружила, как стремительно белеет пятая бусина на моем запястье. Я не знала, какое именно только

что мы прошли испытание, но это и не имело никакого значения. Важным было то самое чувство поразительного единения, того, как соприкоснулся наш дар. В эту секунду я ощущала себя с Людвигом единым целым, и, кажется, он тоже так думал. В его глазах, по крайней мере, в эту секунду, я видела только отражение собственного пламени.

Ужасное желание поцеловать мужчину, подарить ему хоть какое-то подтверждение собственной взаимности оказалось отогнать от себя не так уж и просто, но — я справилась, разумеется, силой воли велев себе даже не помышлять ни о каких глупостях. Если мы не исцелим Казимира, то ни о каком единении даже и речи быть не может. Пришлют нового досмотрщика, но гибель этого будет наверняка на нашей совести.

Второй, свободной рукой я сжала запястье Казимира и попыталась вдохнуть в него силу. Магия герра Хогберга была странной: слоистой, старой, как будто пытающейся воспротивиться новому силовому потоку, но в тот же момент удивительно слабой и хрупкой. Я даже испытала странное отвращение, когда вынуждена была пробираться сквозь толщу его магии к физической оболочке.

У меня уже не впервые возникло ощущение, что этот мужчина сплошь искусственный, сделанный из какого-то другого, чужеродного материала. Он был каким-то липким, мерзким, и, пробиваясь сквозь этот колдовской панцирь, я испытывала одно только отвращение.

Герр Казимир Хогберг, по крайней мере, в том его проявлении, с которым мы с Людвигом сталкивались каждый день, будто и не существовал даже. Он был выцветшей белобрысой оболочкой, прятанной внутри, под слоем магии, что-то отвратительное и довольно старое.

Тем не менее, я не сдавалась. Магия исцеления, моя и Людвига, с удивительным упорством преодолевала преграды и наконец-то добралась до цели.

Мда, интересно, каким местом думала Барбара, когда использовала такие чары? Уж точно не головой.

Использованные ею ингредиенты не могли породить ни любовь, ни даже физическую страсть. Мне казалось, что, выпив такое, мужчина вообще будет способен исключительно на отвращение, возможно, даже ко всему женскому полу. Или Барбара так с отворотом постаралась?

В таком случае, отвернула она только от себя. И Казика, который,

впрочем, и не претендовал даже, и Людвига, и так смотревшего на неё без восторга, и заодно меня — потому что назвать эту женщину подругой я больше точно не смогу. Не после такого.

Её магия, мерзкой змеей скрутившаяся в животе Казимира, рассыпалась, как пыль. Я будто видела те мелкие пепелинки, которые медленно таяли в его теле, впитываясь в ауру и становясь её частицей. Силы постепенно возвращались, магия растекалась по телу по восстановленным каналам, и её целостность больше не была нарушена.

Я осознала, что почти не дышала в эти секунды. Только сейчас сумела выдохнуть с облегчением и почти рухнула в объятия Людвига.

Он, придерживая меня за талию, осторожно помог подняться и привлек к себе. Я ткнулась носом ему в плечо, вдыхая запах трав и пламени — так пахла его магия. Боевой маг, в самом деле?

Теперь я почему-то не сомневалась: Людвиг не лгал насчет истинной пары. Ни один другой колдун никогда не сумел бы настолько легко отдавать свою магию. Только вот знать бы, истинная пара — что это? Это влечение друг к другу или всё-таки приговор, чувства, которые мы обязаны друг к другу испытывать?

— Уже не болит, — подал голос Казимир, но мы даже не повернулись к нему, слишком увлеченные друг другом. — Ой, а что это такое? У вас ещё одна бусина побелела!

Я хотела сказать, что мы и так давно это заметили, наверное, магия отреагировала на единение, но, опустив взгляд на свое запястье, с удивлением обнаружила, что белых бусин было уже шесть.

Хотели мы того или нет, а магия Антваса принимала нас и наше единение.

— Нет, ну, это просто невыносимо! — возмутился Казимир. — Я против! Я... Я требую провести детальный допрос!

— Мне сегодня готовить, — усмехнулась я.

— А завтра, — поддержал Людвиг, — нам заниматься пригласительными. Так что...

— Как-нибудь потом, — закончила я, прекрасно зная, что мужчина собирался сказать именно это.

И сегодня, в эту конкретную секунду, я в самом деле хотела выйти за него замуж.

Глава шестнадцатая. Людвиг

Я неуверенно провернул браслет на запястье, удивляясь тому,

каким он был легким. Наверное, Гере было тяжело носить эту гадость на своей руке, прежде чем побелела почти половина бусин. Даже я замечал его тяжесть, хотя, наверное, больше на моральном уровне, чем физически — всё же, довольно странно взрослому мужчине страдать от веса четырнадцати камушков на его запястье.

— Как думаешь, — протянул я, обращаясь к Гере, — какими были эти два испытания, которые мы прошли вчера?

Мы сидели вместе в её спальне по одной очень простой причине: после исцеления Казимир твердо решил больше не есть ничего, приготовленного ведьмами, готовил сам, восстановил за вчерашний день потерянные силы и теперь был уверен в том, что просто-таки обязан подловить нас, допросить и добиться своего — подтвердить, что наш союз был заключен из-за желания заполучить наследство.

Почему-то Казик никак не хотел верить в то, что можно сочетать желание быть вместе и одержать наследство. Я же с каждым днем всё больше приходил к выводу, что эта неумная ведьма — не просто неплохое сопровождение денег маркграфа, а скорее даже главный приз.

И я не сомневался почему-то, что моя магия не ошиблась, когда выбирала Гертруду.

По крайней мере, шесть белых бусин это подтверждали.

— Не знаю, — пожала плечами девушка, поудобнее устроиваясь на краю кровати. — Наверное, мы получили свой приз за то, что были милосердными? В конце концов, Казимир нам не друг, не родственник...

— Враг скорее, — усмехнулся я.

Конечно, не настолько враг, чтобы желать ему смерти, но я в самом деле никак не мог избавиться от дикого желания приложить Казимира чем-нибудь тяжелым по голове. Герр Хогберг не вызывал у меня ровным счетом никаких положительных эмоций, а вот мечтать о том, чтобы придушить его за постоянное вмешательство в чужую личную жизнь, получалось очень легко.

— Может быть, — подала голос Гертруда, — мы всё-таки напишем те пригласительные? Ну что времени зря пропадать. Мои родственники так и не уведомлены о том, что у меня свадьба. Бабушка, мама, все бесчисленные внуки... Ну, мои братья и сестры.

Судя по тому, как Гера скривилась, вспоминая о своей родне, она не то чтобы горела желанием с ними всеми встретиться — но прекрасно

понимала, что просто так проигнорировать всё свое семейство не сможет.

— Да, — кивнул я. — Скорее всего, и мне придется связаться со своей родней. Мама, наверно, захочет поприсутствовать на свадьбе...

— Какая она у тебя?

Гертруда заинтересованно подалась вперед и изучала меня взглядом, как будто ждала, что более-менее откровенный рассказ о матери заставит меня поделиться какими-то умопомрачительными подробностями.

Я только пожал плечами. Мы с матерью не виделись уже тьма знает сколько лет, и я, если честно, не особенно стремился повторить встречу. В воспоминаниях осталось только то, что мать была не настолько милой и доброй, насколько пыталась притвориться.

Наблюдая за личными отношениями моих родителей, я раз и навсегда запомнил: если ведьма живет в деревне, а её колдовство заключается в сборе травок, не считай, что она безобидная! Вполне возможно, характер у неё почище, чем у той, которая использует боевую магию и одним своим пульсаром способна пришибить троих инквизиторов, когда оставшиеся четыре члена отряда, роняя челюсть, любуются на её великолепную фигуру.

Очень, между прочим, удачный метод. Отлично помогает выбить из колеи святую инквизицию. Даже стариков!

Особенно стариков...

— А сколько у тебя братьев и сестер? — попытался я уйти от темы своей матери. — Я один в семье. К счастью. Иначе мои родители убили бы друг друга куда раньше, чем до них успела бы добраться инквизиция. Гремело бы на весь Видам!

— О, — хмыкнула Гера. — Много! Когда в последний раз бабушка делилась со мной общей численностью нашего семейства, у моей матушки было целых одиннадцать детей! Я — самая старшая. И никем из них не занимается родная мать! Да и хоть бы один родной отец, кроме моего, хоть покосился на своего ребенка, хоть боком глянул... Многие даже не знают, что у них вообще есть те дети. Мама моя — ветреная женщина. И знаешь что? Вот её мы точно на свадьбу приглашать не будем. Этого только не хватало, чтобы она какого-нибудь бывшего инквизитора из твоих друзей соблазняла!

Если мать Гертруды хоть в половину такая же красивая, как и её

дочь, то я ни на минуту не сомневаюсь, что кавалеров она себе найдет с легкостью и огромное количество.

— Но кто тебе сказал, — не удержавшись, поинтересовался я, — что я стану приглашать своих друзей-инквизиторов? Мы, мягко говоря, не слишком дружный орден!

Трудно дружить, когда вы на самом деле все должны бы сгореть на костре! Тут никому не доверишь свой секрет, потому что чем меньшему количеству людей известно о том, что ты — маг, тем меньше шансов в самом деле загреметь на костер.

А то из застенков нашей дражайшей инквизиции мало кто выбирается живым. А уж предателя то не просто сожгут, а ещё перед этим четвертуют.

И кто-то из "разрешенных" магов обязательно сделает так, чтобы ты не умер в процессе...

— Нет, — вздохнул я. — Я из гостей согласен звать только мать.

Гера нахмурилась.

— Ну, я тоже не в восторге от перспективы притащить сюда кучу своей родни! — заявила она. — Мой "достойнейший род Аденауэр" — это бабушка, маменька да огромное количество ребятни, а всех остальных я приглашать не стану. Даже не надейся. Да я даже попрошу бабушку, чтобы она детей на кого-то другого оставила...

— Зачем впадать в такие крайности? — удивился я. — Это ведь твои братья и сестры.

— Можно подумать, мне есть какой-то толк с этих братьев и сестер, кроме того, что их всех должен кто-то кормить и одевать! — фыркнула Гера. — И вот только не говори, что осуждаешь такой подход. Отцы у нас разные, мама нами никогда не занималась, а бабушке я помогала как могла — да только она сама против, чтобы я жила с ними. Говорит, что наследнице маркграфа фон Ройсса надо устраивать личную жизнь, а не прозябать с родственниками в болоте...

— Знаешь, — оборвал я её, — а ведь когда мы обменивались воспоминаниями, ты об этом ничего не говорила. Даже не упоминала о своем отношении к родне.

Гертруда нахмурилась и потрянула головой. Её локоны, становившиеся медно-рыжими в ярких лучах солнца, пробивавшихся в спальню сквозь окна, засияли, будто в них были вплетены драгоценные камни, и магия во мне в очередной раз изволила напомнить о себе.

Пришлось отвернуться — рассматривать Гертруду, смотревшую бы соблазнительно даже в серой монашеской рясе, не то что в этом облегающем платье с довольно глубоким вырезом, было опасно. Она ведь к себе не подпустит, наоборот, разобидится, а потом попробуй помирись.

— Не нравлюсь? — фыркнула девушка, как всегда, расшифровав действие по-своему.

— Нравишься, — возразил я. — Даже слишком. Не хочу случайно ослепнуть.

— Вот как, — сверкнула глазами она, слезая с кровати, и подошла ко мне. Опустила руки на плечи, будто дразня, провела ладонями вдоль воротника рубашки, наклонилась ближе, так, чтобы я чувствовал её шумное дыхание, мог слышать, как гулко стучит в груди сердце. Соблазняет, ведьма! Знает же, что я, ведомый влечением истинной пары, сейчас хочу только одного: сгрести её в охапку, посадить себе на колени и целовать, пока она сама не будет умолять остановиться...

Гера же, словно издеваясь, коснулась стула, на котором я сидел, магией расширяя его, делая пригодным для двоих, и устроилась рядом со мной. Мы сидели довольно далеко от стола, но одного щелчка пальцев хватило, чтобы в воздухе прямо перед нами появилась столешница.

Да, конечно, ведьма, обладающая бытовой магией, незаменима в хозяйстве. Даже целая орава слуг не сможет сделать того, что Гера творит щелчком пальцев.

Ещё б она не придвигалась настолько близко!

— Так что, — дразня, прошептала она, — будем писать пригласительные?

Пригласительные? Да хоть письмо императору! Только бы перестать думать о стройном девичьем теле, скрывающемся под этим платьем...

— Будем, — согласился я, рассчитывая на то, что голос звучит поинквизиторски терпеливо. — На какой бумаге?

— Мне бы хотелось на цветной, — проворковала Гертруда. — Но я не умею наколдовывать такую. У меня нет опыта пребывания при дворе... Я там не жила. А ты жил.

— В столице, не при дворе.

— Это почти одно и то же.

Я кивнул. Зачем кивнул — это, конечно, очень интересный вопрос, учитывая тот факт, что, проживая в столице, я был обладателем шикарных апартаментов под названием "келья обыкновенная подземная" в инквизиторском монастыре, королевский двор в глаза не видел, а на свадьбы инквизиторов вообще достаточно редко приглашали, если не сказать, никогда... Но Гера смотрела на меня такими глазами, словно эти пригласительные для неё значили невероятно много.

— Понимаешь, — протянула она, — это только кажется, что пригласительные — это ерунда. Но если моя бабушка увидит, что они какие-то неискренние, с неё станется пересказать Казимиру, что у нас с тобой фиктивный брак. И о наследстве мы с тобой можем забыть!

— Ага, — крайне осознанно кивнул я.

Попытка отвести взгляд от выреза её платья не возымела успеха.

— Она когда-то гадала по пригласительным, влюблен ли жених в невесту...

Да тут и гадать нечего.

— Нравится ли она ему...

Очень.

— Хочет ли он её...

— Хочет.

— Людвиг!

Томный женский голос вмиг куда-то исчез, удлинённый стул в очередной раз изменился, на сей раз став совершенно обычным, нормального размера, и я попросту свалился на пол.

— Ты что, совсем с ума сошел?! — возмущенно поинтересовалась Гера. — Какое хочет? Мы о пригласительных говорим, а ты смотришь на меня, как Зиг на Берту!

Я сказал это вслух? Дурак! Дурак набитый! Теперь, если Гера укажет мне на дверь и скажет, что никакой свадьбы не будет, это окажется совершенно неудивительно. И надо как-нибудь выкрутиться. Чем скорее, тем лучше.

— Что значит, — взревел я, — Зиг смотрит на Берту?!

Гера ошеломленно заморгала.

— Я думала, — прошептала она, — ты знаешь...

— Знаю что?! — мой вопрос прозвучал так требовательно, что девушка, кажется, окончательно растерялась и не знала, как

реагировать. Образ томной соблазнительный куда-то подевался, и теперь она выглядела очень естественно.

И очень мило.

— Ну, — Гера смутилась. — Я думала, что ты знаешь, что наши с тобой фамилиары проявляют друг к другу интерес.

Конечно, знаю. Трудно не знать, если Берта кудахчет мне об этом фениксе, как последняя курица, целыми сутками.

— Откуда мне должно быть это известно?! — возмутился я. — Что твой феникс тянет свои грязные обгорелые перья к моей... К моей Берте!

Ещё кто к кому тянет перья, конечно, учитывая то, что Берта давно требовала найти ей достойную пару, потому что у неё период гнездования и всё такое. Надеюсь, они не успели отложить там яйца где-нибудь на моей подушке, пока мы здесь с Герой прячемся от Казика и пытаемся даже сделать что-то вроде пригласительных на свадьбу?

— Ну зачем так радикально, — вздохнула девушка. — Птицы проявляют друг к другу естественный интерес. Мне кажется, это нормально...

— Не во всех случаях, — возмущенно возразил я. — Они разных видов.

— Одного они вида!

Прозвучало неубедительно. Было видно, что Гера сама теряет терпение, и ещё несколько таких моих коварных вопросов, и она самолично отправится выщипывать своему Зигфриду хвост.

— Гера, — угрожающе протянул я, напоминая себе, что лучше смотреть ведьме в глаза, чем ведьме в вырез, безопаснее будет. — Это все секреты, которые ты забыла мне раскрыть?

Щеки девушки запунцовели. Я был готов поставить всё наследство маркиграфа фон Ройсса и Берту в придачу, что Гера ещё довольно многое скрывала, но девушка с максимально искренним видом, от того вызывающим ещё меньше доверия, отрицательно замотала головой.

— Больше никаких потрясений! — пообещала она. — Мы же должны быть честными друг перед другом. Потому что если Казимир всё-таки изволит устроить нам допрос, то неправильные ответы будут поводом задуматься насчет честности наших отношений!

— Да, — кивнул я. — Ну, я-то от тебя ничего не скрываю.

Почти. Впрочем, Гере незачем знать о моих сомнениях. Возможно,

для них нет никаких оснований, а она только расстроится лишний раз, обидится и потом будет смотреть, как на врага. Ни о каких отношениях тогда можно будет даже и не заговаривать, меня попросту выставят за порог. Нельзя сомневаться в таком. Тем более, когда девушка сама в тебе не уверена.

— Тогда делаем пригласительные? — наконец-то поинтересовалась Гера. В её голосе теперь звенели виноватые нотки, и, когда я кивнул, поднимаясь с пола, она аж расцвела от счастья. Второй стул появился буквально из воздуха, настолько Гера надеялась на то, что работа над приглашениями отвлечет нас от всяких лишних размышлений о будущем.

— Делаем, — согласился я, занимая второй стул. — Рассказывай, какими, по-твоему, должны быть пригласительные твоей мечты.

— Ну... — Гера зажмурилась. — Я представляла, что они будут нежно-голубого оттенка, такого, как моё платье, которое шьет фрау Эдвина. Чтобы весенние нотки были во всем, даже в бумаге. И мне бы хотелось, чтобы заполнялись они не от руки. Не от моей руки, потому что у меня не самый лучший на свете почерк...

— У меня хороший, — пожал плечами я. — Инквизиторов учат писать красиво.

Потому что приговор должен быть зачитан без ошибок. И только правильно записанное имя ведьмы, в котором учтены все нюансы правописания и которое выглядит именно так, как ей нравится, не может исчезнуть с бумаги. Ещё одна инквизиторская уловка, которую я терпеть не мог и старался всегда допустить крошечную ошибку в завитке, чтобы ведьмино имя всё-таки исчезло с бумаги, и инквизитор вынужден был продолжать свои исследовательские работы по определению идеальной формулы.

— И чтобы с тиснением! — закончила Гертруда и ещё раз мечтательно улыбнулась. — И чтобы они разлетелись, ведомые магией...

— Глянь, такие?

Она открыла глаза и уставилась на стопку бумаги — с тиснением, с гербом маркграфа фон Ройсса, нежно-голубого цвета. Рядом уже красовалась чернильница и перо, предназначавшиеся, очевидно, для меня.

— Да! — радостно воскликнула она. — Теперь остается только их

заполнить! Ты можешь придумать какой-нибудь красивый текст?

— Могу, — вздохнул я, надеясь, что правильно переделаю любовное заклинание, которое где-то вычитал. Ну а если нет, то гости придут на свадьбу чуточку более... одухотворенные.

Если можно так выразиться.

— Ну и отлично! Ты напиши первое своей маме, а я пока подготовлю список всех, кого надо пригласить! — Гера схватила за второе перо, возникшее буквально из воздуха, и с упоением принялась составлять список.

Я усмехнулся и взялся выводить нужные слова на бумаге. Буквы ложились привычно красиво, без лишних завитков, складывались в слова и в фразы, и витиеватое приглашение на свадьбу "горячо любящих друг друга Людвига и Гертруды" вскоре лежало на столе.

— Смотри! — радостный голос Геры заставил меня вздрогнуть. — Бусина белеет! А я список сделала.

Седьмая бусина и в самом деле едва заметно посерела, меняя оттенок на более светлый. Вот только до желанного белого было ещё очень много оттенков.

Я взял из рук Геры список, пробежался по нему взглядом и усмехнулся.

Ну что ж. Да, правда, много оттенков.

Примерно сто.

И это испытание, кажется, проходить нам придется не один день.

Глава семнадцатая. Гертруда

Седьмая белая бусина, стоившая нам два дня и едва не свернутое запястье правой руки, красовалась на запястье. Приглашительные одно за другим вылетали в окно, и я провожала их взглядом, как будто это были живые птицы, оставлявшие о себе в качестве воспоминания ещё один вычеркнутый пункт в списке.

Я смотрела на пергамент и искренне поражалась — зачем столько всего написала? Зачем мне нужны были все эти люди?! Я же никогда не любила масштабные празднества, терпеть не могла шумиху. Привыкла к тишине леса, окружавшего бабушкин дом, всегда сбегала туда от постоянных криков детей, которых у нас не бывало мало... Наслаждалась два года тем, что в моем доме было тихо и спокойно. Ни слуг, ни посторонних, ни особых гостей. Только изредка Барбара и Иоганна заглянут на огонек, да и те никогда особенно не

задерживались. Наши отношения основывались на том, чтобы сильно не раздражать друг друга своим длительным присутствием. Ходили друг к другу в гости, правда, по большей мере они ко мне, потому что я лучше готовила, отдыхали, говорили, а потом разбегались каждая к себе.

Ну, они-то, наверное, вели более активный образ жизни, но мне было уютно в моем крохотном мирке, в который никто не имел права вторгаться, разве что самые родные и близкие. Зиг, например, тоже умел надолго замолкать, а сейчас вот скачет с ветки на ветку, хвост распушил! Ну что за брачные танцы? Не стыдно разве?

Я вздохнула. Конечно, можно было его одернуть, велеть вести себя прилично, но я знала, что этого делать не стану. Пусть наслаждается жизнью, коль ему так хочется. Зачем ломать чужое счастье, даже если он всего лишь птица? Да, птица, но моя, родная...

— Фрейлейн Гертруда, чего грустите, — вкрадчивый, противный голос Казика раздался прямо у меня над ухом. — Разве это прилично — молодой невесте стоять, опустив голову, хмуриться...

— Вы что-то хотели? — я стремительно обернулась. — И как ваше здоровье, герр Хогберг? Хорошо себя чувствуете? Живот не болит? Может быть, пирогов вам напечь?

При упоминании пирогов Казимир заметно так дернулся и скривился.

— Спасибо, — пробормотал он, — не нужно. Я на правильном питании.

— Так я могу приготовить диетические пироги. Я ведь не Барбара, приворотные зелья туда не подсыпаю, и есть их можно, не боясь отравиться.

Мужчину заметно перекосило. О подвиге Барбары на поприще разлучения меня и Людвига он до сих пор вспоминал с ужасом, наверное, настолько сильно испугался, что умрет от отравы, оказавшейся плохо сваренным любовным зельем, что никак отойти не бог. Барбара же, явно дома узрев остатки начинки, точнее, то, во что они превратились, была в ужасе и осознала, что натворила, потому что и носа в моем доме не показывала. Иоганна тоже не приходила, наверное, утешала подругу и пыталась убедить её вести себя, как ни в чём ни бывало.

Зря! Я ведь сильная ведьма, могу, если понадобится, и проклясть достаточно серьезно. Хорошо, что мне это не нужно...

— Не стоит, — прошипел Казимир. — Вы лучше расскажите мне, Гертруда, приятно ли это — целовать собственного палача?

Вопрос прозвучал очень коварно. Я бы даже сказала, слишком коварно. Мы с Людвигом, понятное дело, не особенно афишировали то, при каких условиях познакомились, но государственному досмотрщику, само собой, было все известно, ведь именно фон Ройсс был записан в моем личном деле ведущим инквизитором. Я до сих пор вспоминала о тех часах, проведенных в ведьминской тюрьме, с содроганием. Огонь не успел до меня добраться, и Людвиг убеждал, что не позволил бы случиться ничему плохому, но он не мог... Просто не мог отпустить меня. Это означало бы смерть для двоих.

Я пыталась ему верить. В конце концов, я была не единственной ведьмой, которую сняли прямо с костра, уверена, нас по всей стране довольно много. И некоторые мои сестрицы по несчастью, загнанные к столбу гораздо позже меня и получившие восточку о свободе в ту же секунду, что и я, обгорели куда сильнее, и их приходилось исцелять.

— Мы с Людвигом, — я надеялась, что моя улыбка, натянутая и холодная, покажется Казимиру хоть немножечко естественной, — давно уже обсудили между собой этот вопрос и пришли к решению, которое устраивает нас обоих. Мы просто не вспоминаем о том, что было... Возможно, и напоминать не стоит?

— Я пытаюсь уберечь вас, фрейлейн Гертруда, — Казимир придвинулся ко мне ещё ближе, настолько, что я даже могла чувствовать его дыхание на своей щеке. — Вы — наследница огромных земель... Вы могли бы выбрать себе в супруги кого угодно! Тем не менее, вы предпочли остановить свой выбор на инквизиторе, который привязал вас к столбу, подбрасывал дрова к вашим прекрасным стройным ногам! Будь вы толстой, страшной, прыщавой... Понятно, что вы были бы рады и такому предложению...

Он всерьез рассчитывает, что Людвиг, прибыв сюда в корыстных целях, не сообщил мне, что наше расставание грозит потерей наследства не только ему, но и мне?

— Не сомневаюсь, — Казимир взял меня за руку, поднес мои пальцы к своим губам и приговаривал между беглыми поцелуями, — что, стоит вам только избавиться от этой обузы в виде инквизитора, тут моментально выстроится очередь из мужчин...

Даже знаю, кто в этой очереди будет первым.

— Не надо меня слюнявить, — я раздраженно вырвала руку из его цепкой хватки. — Вот не надо! Мы с Людвигом любим друг друга, — не скрывая своё раздражение, я бросилась к бочке с водой, зачерпнула немного и поспешила к рукомойнику, смыть даже воспоминание о поцелуях. Они, вопреки тому, что внешне Казимир казался приятным мужчиной, выдавались мне мерзкими и липкими. — И именно потому мы вместе!

— Любите? Почему же ведьма любит инквизитора, который её едва ли не убил? Погубить мог?

Я едва не зашипела от досады и выдала самую правдивую версию из всех, на которые только могла решиться:

— Потому что он — моя истинная пара!

— Да неужели, — усмехнулся Казимир.

Кажется, такая версия развития событий его неслабо заинтересовала. Он оперся спиной о столешницу, и я мысленно отметила, что надо будет хорошенько отмыть кухню, прежде чем ещё что-нибудь готовить, а то этот досмотрщик набросает тут грязи... Это ж надо догадаться, пристроить свой зад там, где потом мне придется нарезать овощи и фрукты или месить тесто!

— А Людвиг тогда за что полюбил вас, фрейлейн Гертруда? — продолжил он. — Неужели потому, что и вы для него — истинная пара.

— Именно так.

Я вздрогнула и повернулась на знакомый и упорно вызывающий у меня мурашки по телу голос.

Не знаю, сколько времени Людвиг стоял здесь, слушая наш разговор, но почему-то даже сомнений не возникало: именно благодаря тому, что он пришел, Казимир и решил устроить это представление с расцеловыванием рук. Вот уж скотина! И не страшно ему, не боится, что получит по заслугам? Ведь Людвиг может и швырнуть в него каким-нибудь боевым пульсаром!

Удивительно, но инквизитор оставался предельно спокойным. А я вот вдруг осознала: ведь он всё слышал! Слышал, что я сказала про истинную пару.

Только не это...

Несмотря на признание Людвига, я всё ещё надеялась оставить свое влечение к нему в секрете. Мне ужасно не хотелось стать пленницей собственной магии. Я даже не знала, что на самом деле такое истинная

пара. Может быть, это так небеса определяют нашу будущую любовь? А если нет? Если весь этот романтический бред — полная ерунда, и на самом деле истинная пара — это просто влечение магии к чему-то, что ей очень подходит?

Такой вариант развития событий был не слишком приятен мне, как жертве колдовской связи, но... Но он был логичен! Если предположить, что Людвиг со мной искренен, силы, связывающие нас, дадут нам возможность стать родителями потрясающе сильных детей. Но будем ли мы счастливы в этом браке? Это очень большой вопрос.

— Неужели? — не унимался Казимир, кажется, даже не заметив, что я тонула в собственных размышлениях. — Так я — свидетель уникального явления! В самом деле? Передо мною первые за несколько десятков, если не сотен лет мужчина и женщина, которые связаны узами истинной пары друг с другом? Вот как. В таком случае, вы просто обязаны в целях обогащения магического фонда страны стать родителями не меньше десятка детей!

Людвиг наконец-то оторвался от дверного косяка, который до того подпирал плечом, лениво пересек кухню, встал рядом со мной и похозяйски обнял за талию, таким образом обозначая свои права на меня.

— В самом деле? — улыбаясь, поинтересовался он. — В таком случае, Гера, не понимаю, зачем мы вообще спасали этого паршивца? Магические потери возместили бы потом, детьми...

— Я — важный ведьмак-досмотрщик! — отметил герр Хогберг.

— Невероятно важный, — поддержала Людвига я, прижимаясь к нему крепче и позволяя своей магии заурчать в теле, словно довольной кошке, которую погладили именно так, как ей хотелось. — Ведь разве это не важно — попытаться разлучить истинную пару, чтобы отвоевать для государства и в первую очередь для себя эти жалкие гроши, оставшиеся от наследства маркграфа фон Ройсса?

— Жалкие гроши?

Я почему-то совершенно не удивилась, что Казимир услышал именно это словосочетание из всего того, что я сказала?

— Ну а как же, — ухмыльнулась я. — В конце концов, я уже почти два года пользуюсь этим наследством... Руководить делами я не умею...

Что есть правда, но для того ведь существует помощник! Подворовывает, вне всяких сомнений, но не настолько же сильно, чтобы

прямо разорить меня.

— А сама по себе транжира, — продолжила я.

— О да, — голос Людвига тоже звучал слаще меда. — Одно платье от фрау Эдвины чего стоит! А ведь у моей прекрасной невесты их целый гардероб!

Я отлично помнила, сколько стоило платье от фрау Эдвины, и могла поклясться, что весь мой оставшийся гардероб вместе взятый обошелся бы Людвигу куда дешевле, но в его голосе вроде бы не звучали возмущенные нотки.

— Я читал ваши расчетные книги, — нахмурился Казимир. — Я уверен в том, что у вас всё в порядке с финансовым положением...

— А чего ж оно вас так сильно волнует? — усмехнулась я. — Мы всё равно с Людвигом поженимся. Как бы мало ни было того наследства...

— Всё останется нам, — закончил, усмехаясь, фон Ройсс. — Герр Хогберг, может быть, вы желаете съездить куда-нибудь в столицу, проверить, всё ли в порядке? Узнать, стоит ли это дело тех затрат, которые у вас уже были. А ещё сколько будут!

— Ну да, — подтвердила я в унисон, — у меня ведь не одна подруга! Иоганна, например, делает отличные булочки с маком...

Судя по всему, только что герр Хогберг пообещал себе больше никогда не покупать булочки с маком. Иоганна на самом деле ими никого особо и не угощала, съедала сама — и никогда не поправлялась, наследственность хорошая. Или не слишком хорошая, потому что если булочек становилось немного меньше, ведьма становилась ещё более худой и, надо сказать, ещё более злой, чем в своем обычном состоянии.

— Протокол, — запротестовал наконец-то Казимир, — требует того, чтобы вы ответили на ряд вопросов...

— Ну так мы готовы, — улыбнулся Людвиг. — Задавайте свои вопросы. Ведь люди, связанные узами истинной пары, совершенно точно знают друг о друге всё на свете.

Я вдруг заволновалась. Мы с Людвигом так умело скрыли друг от друга, что являемся истинной парой, так нелепо потом в этом признались... Интересно, сколько ещё важных фактов было скрыто при том поцелуе? Мало ли, что вздумается спросить Казимиру! Не просто так мы бегали от этого допроса, сколько могли, притворялись, что пишем пригласительные с особенным усердием и не можем отвлечься...

— Готовы? В самом деле? — нехорошо ухмыльнулся герр Хогберг. — Мои вопросы — это отнюдь не самое простое воспоминание для семейной па...

Он не договорил. Не потому, что вдруг проснулась совесть — я о-о-очень сомневалась в том, что у Казимира она вообще была, — не потому, что он внезапно что-то заметил, а потому, что в раскрытое окно вдруг влетело пригласительное письмо, то самое, из наших.

По форме оно всё так же напоминало птичку — ведь должны же были мы как-то разослать эти письма, ну не самим же кататься по всему поселку, а потом ещё заглядывать к родственникам в глушь, где они живут! — только теперь у птички был подожженный хвост.

Ну, бабушка. Я даже не сомневалась, от кого прибыла эта птица!

— Я приеду! — мелодичным голосом бабушки, успешно перебив Казика, пропела птичка. — Ждите на днях, хочу увидеть мою прекрасную юную невесту! Рада, что ты приняла правильное решение.

— Какое реше... — начал было Казимир, поняв, что у него появилась новая возможность зацепиться за слова, раз не мои, так птичкины, но — закончить не успел.

Очевидно, бабушка всё так же не любила, когда её перебивают, а в письмо вложила чуть больше своей магии, чем намеревалась. Потому что бумажная птица, разогнавшись, влетела Казимиру прямо в рот.

Конечно, ради этого ей пришлось пожертвовать собой, и я аж вздрогнула, увидев, как зубы досмотрщика смыкаются на голубых бумажных крыльях, но оно того стоило.

Казик закашлялся. Задергался. Попытался поймать птицу за крыло и вытащить изо рта, но та оказалась упорной и не позволяла ему проронить ни единого слова.

Я в порыве милосердия уж было потянулась к мужчине, чтобы спасти его в очередной раз и не позволить птице перекрыть дыхательные пути, но вспомнила, что предыдущая благотворительность ничем хорошим для нас с Людвигом не закончилась, только устали, как собаки, да спали до полудня, пытаясь прийти в себя, и потому приняла решение не дергаться.

— Хр-р-р-р! — возмущенно сообщил Казимир. — Хр-р-р-р!

— Это он пытается уведомить вас о том, что не может извлечь меня изо рта, — птичка, не особенно пострадав, вывернулась во рту Казимира и высунула свою бумажную голову наружу. — Потому я буду

транслировать его слова, пока этот умный мужчина не догадается, как можно избавиться от кляпа!

— Хр-р-р-р! — запротестовал Казимир, но кто б его стал слушать!

— Герр Хогберг, — пропела бабушкиным голосом птичка, — сообщает, что допрос официально окончен! Вы его прошли и можете быть свободны! Когда он подпишет официальный протокол, так уж и быть, сможет говорить нормально, а я растворюсь в воздухе!

Казимир замахал руками, попытался совершить ещё одну коварную попытку спастись от птицы, не жертвуя своими служебными обязанностями, но — тщетно. Это сражение он заведомо проиграл.

Моя бабушка была слишком сильной, слишком опытной ведьмой, чтобы с её заклинанием, даже с заклинанием отложенного действия, справился какой-то паршивенький маг!

Продолжая хрюкать и всячески выражать собственное возмущение, Хогберг стремительно повернулся к нам спиной и бросился вон из кухни.

Как я понимала, подписывать протокол о прохождении допроса.

Я же застыла, ожидая, что Людвиг спросит о том, правда ли мои слова про истинную пару. Действительно ли...

Но он молчал. Стоял, приобняв меня за талию, уткнулся носом в мои волосы и как будто продолжал изображать идеального жениха.

— И ты ничего не хочешь у меня спросить? — тихо произнесла я.

— Нет, — пожал плечами мужчина. — Не хочу.

— А почему?

— Ну ты ведь всё равно не ответишь. Зачем всё портить?

— Спасибо, — я повернулась к нему и заглянула в тёмные, почти черные глаза, пытаюсь отыскать в них хоть какие-то эмоции.

Нашла. Обнаружила понимание, какую-то странную ласку во взгляде, даже влюбленность. Лгал Людвиг или нет, но смотреть ему в глаза было определено очень приятно.

— За понимание, — дополнила я, поняв, что он даже толком не понимает, за что я его благодарю.

— Обращайся, — улыбнулся Людвиг и склонился ко мне, кажется, чтобы поцеловать.

Я вздрогнула от того, как резко кольнуло запястье, и невольно вскинула руку с извечным браслетом, который за прошедшее время ужасно мне надоел.

Восьмая белая бусина казалась такой же, как и все остальные, но сколько на самом деле она означала для нас двоих!

— Осталось шесть, — Людвиг обнял меня крепче, привлекая к своей груди. — И ты станешь моей женой.

И наследство будет наше.

Вот только не мало ли мне будет шести дней, чтобы понять, что я к нему чувствую? Любовь? Влечение? И что всё-таки определяет мои чувства к Людвигу, разум, сердце или...

Магия?

Глава восемнадцатая. Людвиг

Судя по тому, как сверкали глаза Берты, а ещё по тому, что она прилетела далеко за полночь, отношения с фениксом Геры у неё складывались просто отлично. В обычное время я, наверное, отчитал бы её за такое своеволие и потребовал бы сидеть завтра под замком — Зигфрид не вызывал у меня никаких положительных эмоций. Петух как петух... Ну, хвост горит.

Но сегодня — и Берта это явно заметила, — я даже не оторвал взгляда от книги. Не знаю, что надеялся вычитать в этих колдовских строках, в пятнадцатый раз пробегая по ним глазами. Предыдущие четырнадцать итераций не принесли ни малейшей пользы, разве что оставили по себе осадок в виде раздражения и моего личного недовольства.

Два года подряд рыться в этой теме и так ничего и не узнать! Миллионы способов всё разрушить и ни одного толкового, помогающего сделать всё правильно. И хоть бы кто объяснил, что на самом деле...

— Ты опять? — Берта пристроилась у меня на плече и легонько ущипнула за ухо, привлекая к себе внимание. — Вроде же всё было хорошо. Почему ты опять это читаешь?

— Гера сказала Казимиру, что я для неё — истинная пара, — скривился я.

— И что тебя опять не устраивает? Что, она, по-твоему, ведет себя как-то не так? Или...

— Или солгала, — прервал я Берту. — Возможно, просто для того, чтобы он отстал. Но ты же понимаешь, что это важно.

— Ты надеешься стать отцом самых могущественных детей на свете? — хохотнула Берта. — Думаешь, действительно...

— Прекрати, — мой голос прозвучал достаточно строго, чтобы она всё-таки умолкла. — Ты прекрасно знаешь, на что я надеюсь. И знаешь, что мне не нравится в этой ситуации.

— Людвиг, ты параноик, — спустя две или три минуты произнесла она. — Ну, допустим, связаны вы этой самой нерушимой нитью. Ну так что мешает вам в самом деле пожениться и счастливо жить себе? Она вроде уже не дергается, её перестало смущать то, что ты инквизитор и вроде как должен был её убить. Всё нормально. Она кажется мне нормальной, приятной девушкой...

О да. Мне она тоже казалась нормальной, приятной девушкой, но Гера до сих пор сомневалась. Если б я смог найти доказательства того, что истинная пара — это про чувства, а не про влечение из-за собственной магии! Но я сам не был уверен в том, что сила, немыслимо тянувшая меня к Гере, имела что-нибудь общее с моими чувствами или хотя бы разумом. С самой юности всех колдунов и ведьм учили тому, что истинная пара — это то, что в первую очередь может разрушить их жизнь.

Почему-то вчера, когда Гера, поднимая на меня взгляд, будто умоляла, чтобы я не спрашивал её об истинной паре, я поверил её словам. Был уверен в том, что наша связь всё-таки существует. Но мне было бы куда проще считать, что Гера до сих пор так и не встретила своего истинного.

Тогда она меньше боялась бы. И не списывала все чувства, которые возникали между нами, на дурацкое, предопределённое чарами влечение.

— Ну так поговори с ней об этом! — не удержалась Берта. — Расскажи ей о последствиях. И тогда она точно не совершит никакую глупость!

Я скривился. Не совершит никакую глупость? Как раз наоборот.

Когда-то, когда маркграф фон Ройсс пытался убедить нас, инквизиторов, в том, что его стоит пощадить, он разбрасывался пророчествами направо и налево. Не факт, что он опознал во мне своего дальнего родственника, но я никогда не забуду, как он сжимал моё запястье и смотрел в глаза. Его магия, клубами вившаяся вокруг, была черной, маслянистой и дурманящей, и я тогда ещё пожалел всех женщин, которым приходилось иметь с ним дело.

Фон Ройсс будто отравлял их изнутри. Сколько несчастных после

того, как связались с ним, больше не смогли встретить свою любовь? Маркграф будто привязывал их к себе, а потом вместе с этими путами выдирает и всякую способность любить. Мать Геры вот так и не встретила своего возлюбленного, продолжила шататься по миру.

Может, я зря винил в этом маркграфа, она и сама могла быть далеко не большим подарком судьбы, но факт оставался фактом. Я впервые был настолько впечатленным чужой магией, впервые чувствовал, что меня завороживала неведомая прежде сила.

И я отлично, слово в слово, помнил пророчество маркграфа.

Чем сильнее связь истинной пары, тем хуже её разрывать. Чем взаимнее ваше притяжение, тем труднее понять, что чувства, а что просто зов магии. Если вы боитесь стать пленниками своих чар, вы никогда не будете вместе. Если вы не будете вместе, она останется пустой, как иссушенная земля, а твоя магия, как моя, будет оставлять чернильные следы на каждой из женщин, к которой ты прикоснешься. Если не встретишь её, останешься одиноким, если столкнетесь и разбежитесь, будете ядовитыми, как я, оба...

Я много читал об этом. Пророчество маркграфа больше походило на проклятье, и я понимал: чем сильнее между мною и моей избранницей будет связь, тем сильнее последствия, если мы вдруг разойдемся. Если Гертруда говорила правду, и наша связь взаимна, у пророчества фон Ройсса есть все шансы исполниться.

А у нас — все шансы превратиться в ядовитых чудовищ вроде фон Ройсса.

Интересно, он понимал, что проклинает собственных наследников? Родную дочь и того, кто унаследует его титул? Вряд ли. Ему просто хотелось расплескать свою темную магию, передать её кому-то. Я не сказал об этом Гере, не желая связывать её ещё большими обязательствами, а теперь жалел о том, что был не до конца искренен — наверное, потому, что сам сделал себе только хуже.

Раздался тихий стук в дверь, и я, вздрогнув, поспешил захлопнуть книгу и спрятать её в ящик стола. Ещё не хватало, чтобы кто-то увидел, что я читаю. Гера и так сомневается в каждом слове, а теперь что? Решит, что обязательств станет ещё больше, и просто убежит?

— Открыто, — окликнул я, взмахом руки приотворяя дверь, и в комнату заглянула Гертруда.

— Можно? — поинтересовалась она, несмело улыбаясь. — А то у

меня маленькая проблема.

— Заходи, конечно, — я поднялся со своего стула и шагнул Гере навстречу. — Что случилось?

Она уже явно спала — или пыталась уснуть. Каштаново-медные волосы спутанными волнами спадали на плечи, взгляд был сонным и уставшим, да и сама девушка была одета во всё ту же тонкую ночную сорочку, только набросила на плечи теплую шаль, пытаясь то ли согреться, то ли прикрыться от посторонних взглядов.

— А ты выгляни, — усмехнулась она. — Сам посмотри... Спать мне не дает!

Я высунулся из комнаты и с удивлением обнаружил в коридоре Зигфрида. Тот весь буквально светился изнутри, каждое перо его горело, как и полагалось фениксу в брачный период.

— Он не спит. Вообще не спит, — сообщила Гера. — Прилетел вот ко мне, спрашивал, как соблазнять твою Берту. Говорил, что хочет позвать её замуж и пройти четырнадцать испытаний. А потом вообще как будто одурел. Курлычет, кудахчет, на человеческую речь не реагирует...

Я повернулся к столу. Берта устроилась на нем и безо всякой задней мысли спала прямо на оставшихся после написания пригласительных бумагах. На феникса в брачный период походила она крайне мало, но я предполагал, что дело как раз в том, что она — девочка. Обязана же продемонстрировать, что она гордая и независимая.

— Ну, она к нему сегодня не пойдет, — протянул я. — Моя Берта сначала будет три дня доказывать, что она не такая, и потом, возможно, смилостивится. Но это не точно.

— Я там просто не усну, — пожаловалась Гертруда. — Он меня буквально преследует. Только сюда вряд ли решится войти, чтобы не побеспокоить возлюбленную! Кошмар какой-то!

Я вот очень сомневался в том, что сон и спокойствие Берты остановят Зигфрида, потому что слишком уж он уверенно направлялся к моей комнате. Пришлось срочно захлопнуть комнату и навесить на дверь ещё и боевое заклинание, которое отпугивало бы всех посторонних.

Например, феникса.

Или Казика, если ему вдруг дико захочется о чем-то пообщаться и

заглянуть ко мне на огонек.

— Ему надо побыть одному, — повернулся я к Гертруде. — Пусть погуляет в коридоре. Хочешь, ложись ко мне в кровать? Она широкая, поместимся.

Даже в полумраке комнаты, освещаемой только несколькими допотопными свечами, стоявшими у окна, можно было заметить, как порозовели её щеки.

— Да неловко как-то, — переступая с ноги на ногу, пробормотала она. — Я думала, ты просто подскажешь мне, что с ним делать. Заклинание какое-нибудь применить или что-то вроде того. А ты вот так сразу...

— Гера, ну какое заклинание? — вздохнул я. — Это брачующийся феникс! Я даже прикоснуться к нему не смогу, у него перья разве что камни не плавят!

Гертруда скривилась.

— Ты меня уговариваешь растоптать мою девичью честь!

— Я тебя уговариваю, — я подступил к ней вплотную, с трудом сдерживаясь, чтобы не сгрести в охапку и не повалить на эту самую кровать, — лечь спать в постели собственного жениха. Если ты не забыла, через несколько дней мы повенчаемся, и тогда нас всё равно ждет одна постель.

Если Гертруда, конечно, не настоит на том, чтобы брак был фиктивным, и мы продолжали общаться друг с другом, как совершенно чужие люди.

Я вздохнул. Этого, конечно, мне совершенно не хотелось, и я искренне рассчитывал на то, что ненависть в душе Гертруды погасла окончательно, но какие гарантии? И как вообще рядом с ней думать головой, а не...

Излишне активно реагирующим на неё местом.

— Хорошо, — сдалась Гера. — Потому что если я сегодня ещё раз не выплюсь, я просто с ума сойду. Он уже третью ночь курлычет, только сегодня ещё хуже, чем в прошлые разы!

Я усмехнулся. Да, не было никаких сомнений в том, что этот феникс умеет быть назойливым. И Берта совсем забыла хотя бы маскировки ради потом поправлять перья... Не знаю, как сложится у нас с Гертрудой, но даже не сомневаюсь в том, что у этих двоих будет достаточное количество птенцов.

Как раз на всё запланированное Казиком для нас с Герой потомство.

Девушка об этом явно не задумывалась. Судя по тому, как она спешно забралась под одеяло, оставив свою шаль на спинке стула, и как прижалась к подушке, после проведенного с Зигфридом времени она вообще мечтала только об одном — поскорее уснуть, чтобы никакая птица не мешала ей спать.

Моя магия, наплевав на все ограничения, прописываемые уже почти на уровне подсознания, моментально всколыхнулась, реагируя на девушку. Больше всего мне хотелось сейчас лечь рядом с нею, накрыть её губы поцелуем и...

Я велел себе включить голову и отключить фантазию. После этого "и" не было ничего такого, что имеет право позволять себе жених до свадьбы. А если буду зарываться, то только увеличу вероятность того, что Гера попросту сбежит, испугавшись.

Вместо того, чтобы лечь в кровать, я подошел к окну, распахнул его и втянул свежий ночной воздух. Он всегда действовал успокаивающе, и мне нравилось наслаждаться странной свободой, которую даровало такое минутное единение с природой, позволявшее чувствовать себя чище и лучше.

Вот только длилось это недолго. Не прошло и минуты, как раздался тихий, вкрадчивый голос Гертруды:

— Может, ляжешь со мной?

— Да, уже иду, — отозвался я.

Вот честное слово, сегодняшнюю ночь мне было бы лучше провести где-нибудь на стуле, от греха подальше. Но соблазнительная улыбка Геры так и подталкивала лечь рядом с нею, прижать её к себе...

— Ты что, собираешься ложиться в одежде?

— Нет, — вынужденно улыбнулся я. — Конечно же нет.

— Ну хорошо.

Гера повернулась ко мне спиной и, кажется, задремала. Я снял рубашку, повесив её на тот же стул, рядом с шалью, избавился от брюк и, незлым тихим поминая паскудного фамилиара, кудахтанье которого можно было услышать даже сквозь дверь, прилег рядом с Гертрудой.

Магия отозвалась примерно теми же звуками, которые доносились из-за двери.

— Чего он так громко? — пробормотала Гера. — Спать не дает...

Это, к сожалению, не он так громко... И что делать? Сила бурлит с такой силой, что я даже не знаю, как на неё толком повлиять.

— Спи, — прошептал я. — Сейчас затихнет.

Сказать своей магии "фу" было не так уж и просто. Над головой уже сформировалась силовая туча, и мне пришлось поймать её рукой и скомкать колдовство в кулаке, вынуждая его вернуться обратно в тело. Всё-таки, два года находиться на огромном расстоянии от истинной пары было куда проще, чем две недели — рядом с нею, но не имея права действовать достаточно активно, потому что девушка может испугаться, отказаться от идеи выйти за меня замуж, попросту сбежать.

Я скривился.

Ненавижу маркграфа фон Ройсса. Искренне ненавижу. Если б мог, оживил бы его и воскресил ещё раз. На второй же день после нашей с Герой свадьбы я возьму то дурацкое кресло и изрублю его на крохотные щепки, чтобы ему, паскуднику дощатому, больше даже в голову не пришло вмешиваться в чью-либо личную жизнь! Особенно если речь идет о жизни его дочери...

Сила, кажется, впечатлившись моим настроением, изволила притихнуть, и я перевернулся на спину и закрыл глаза. Было бы очень неплохо сейчас в самом деле уснуть, чтобы завтра не выглядеть злым призраком, обязательно привлекающим внимание Казика... Другое дело, что мне не спалось от слова "совсем", ещё и Берта вздумала ни с того ни с сего храпеть, хотя за нею этого прежде никогда не водилось.

— О! — раздалось вдруг тихое под дверью. — О, моя Берта, нас ждет с тобой блаженство! Ты есть сплошное совершенство!

Эта общипанная курица ещё вздумала петь?!

— Моя любовь границ не знает, — тиха песенка Зигфрида резала мне слух. — Тебя согласен вечность воспевать! И чувство наше у небес летает!..

Я уже почти встал, намереваясь оторвать хвост этому надоедливому фениксу и выбросить немного магии, которая и так кипела в жилах, но не успела. Гертруда ни с того ни с сего перевернулась на бок, поймала меня за руку и устроила голову на моем плече. Я скосил на неё взгляд и с удивлением понял, что девушка спит.

— Людвиг, — позвала она сквозь сон. — Людвиг...

И, придвинувшись ко мне вплотную, закинула свою ногу мне на бедро.

Этого ещё только не хватало!

Я вздрогнул. Лежать бревном, когда к тебе прижимается ведьма, которая и без всякой истинной пары способна разбудить в мужчине самые нескромные желания, отнюдь не просто. Единственным разумным порывом сейчас было просто приобнять её за талию, позволяя устроиться поудобнее. Все остальные я забраковал как животные.

Ничего. До свадьбы осталось меньше недели. Если я не сделаю никакой глупости, и Гертруда никуда не убежит, мы будем вместе, и никакое проклятье маркграфа фон Ройсса больше не встанет на нашем пути. А если сделаю, то останется разве что пойти повеситься на ближайшем суку.

Нет, сначала сжечь всё, что хранит в себе магию фон Ройсса, а тогда и вешаться можно. И Казика подвесить на соседнюю ветку. И этого гадского фамилиара, который своим воем не дает мне уснуть.

Впрочем, через несколько секунд я забыл и Казике, и о Зигфриде, который перешел ко второй части своей оперной арии и теперь был о том, что ему разбили сердце, и даже о Берте, демонстративно храпевшей на столе. Правда, забыть о Гертруде не удавалось совершенно, она и так занимала все мои мысли, вытесняя оттуда остаток благоразумия.

Стараясь не испытывать судьбу, я закрыл глаза и притворился, что сплю. Не сказать, что это очень помогло, ко всему набору приятных и не очень ощущений добавилось ещё и покалывание в запястье, но я даже не открыл глаза. Надо проявить терпение, не реагировать на внешние раздражители, ни за что... И даже если очень хочется — это исключительно мои проблемы, чего мне там хочется. Я должен думать головой! Взрослый мужчина, в конце концов, а не маленький ребенок, который не способен совладать над собственными желаниями.

Только... Нет, я завтра определенно обдеру хвост этой паршивой птице. А если он ещё и в нашу первую брачную дочь вздумает серенады под дверью петь, то вообще сварю в котле. Или скормлю ему пироги Барбары!..

Глава девятнадцатая. Гертруда

Тесто выпрыгнуло из бочки, как будто его кто-то выпихнул оттуда, и, перекатываясь в воздухе, залетело прямоиком под скалку. Я только спокойно устроилась на стуле, наблюдая за тем, как будущий

сегодняшний завтрак готовил себя сам. Несколько заклинаний, зависших в воздухе, наполнялись колдовством — это уже были заготовки на предстоящую свадьбу, чтобы я не тратила силы в тот день, а просто щелкнула пальцами, запуская чары, и могла заниматься делами, более достойными невесты.

Этот способ подсказала ещё бабушка. Правда, она пыталась втолковать его маме, а я слышала случайно... Но мама так замуж и не вышла. Все её романы заканчивались детьми и расставаниями. Как будто проклял кто. Может, это у маркиграфа фон Ройсса была такая рука плохая? Ну, или не рука, а другое место.

Я невольно бросила взгляд на свой брачный браслет. Тот продолжал сверкать девятью белыми бусинами, и я с особенной любовью прикоснулась к последней и с трудом сдержала улыбку. Людвиг так и не рассказал, что такого случилось ночью, что она побелела, и сколько б я ни расспрашивала, всё говорил, что это ему за терпение, что не убил поющего серенады под дверь Зигфрида.

Но мне почему-то казалось, что Людвиг немного приврал. Я хоть и прежде не имела отношений с мужчинами, всё равно примерно понимала, что такого трудного может быть для жениха в ночи, проведенной в обнимку с невестой.

Тоже бабушка просветила.

Зиг, правда, выглядел довольно плачевно. Его перья уже не пылали, а из хвоста было выдрано аж три штуки.

— Твой жених — изувер! — сообщил он таким тоном, словно мне предлагалось от ужаса потерять сознание, потом вскочить и броситься к Людвигу разрывать всякие отношения. — Он мне просто отвратителен! Эта скотина... Эта скотина просто издевается надо мной! Он вчера выдрал мне перья из хвоста! Просто так вот взял и выдрал!

— Да что ты говоришь? Вот просто так поймал тебя и выдрал тебе перья? — протянула я недоверчиво. — А не потому ли, что ты Берте всю ночь серенады пел под нашей дверь?

— Я оберегал твою честь!

— От кого оберегал? От человека, который мне истинная пара? От мужчины, за которого я собираюсь замуж?

— Ты так легко об этом говоришь! — фыркнул Зигфрид. — А ведь недавно ты его проклинала, терпеть его не могла, боялась до ужаса, говорила, что ни за что за своего возможного убийцу замуж не

пойдешь! Неужели уже передумала? Это всё потому, что он тебе удобен!

Я бы с удовольствием кивнула, если б удобство Людвига было единственной причиной, по которой я собиралась выйти за него замуж. Но, к сожалению или к счастью, причина была в другом. Я в самом деле испытывала к Людвигу то ли чувства, то ли обыкновенное ведьминское влечение — но куда более сильное, чем то, с которым можно так просто справиться. Ночью, засыпая в его объятиях, думала, что хотела бы провести с этим мужчиной долгие годы в счастливом браке, а потом, утром, когда магия немного притихала и вновь позволяла думать головой, корила себя за то, что так легко предаю принципы и не задумываюсь о последствиях собственных поступков.

Возможно, я в него влюбилась. Людвиг был хорошим, хоть это и странно звучало по отношению к инквизитору. Но вдруг это не чувства, а всего лишь притяжение истинной пары? И я закрываю глаза на все недостатки, потому что моя магия хочет слиться с его магией?

Кабы кто ответил мне на этот вопрос!

Но, увы, сколько б я книг не перерыла, сколько б не изучила ведьминских записей, никто не рассказывал о том, что же на самом деле истинная пара. И вряд ли существовали в мире люди, способные дать мне ответ на вопрос.

— А ты так говоришь о нем, потому что он едва не оторвал тебе хвост, — пожалала плечами я, возвращаясь к Зигфриду. — Потому что ты никак не можешь добраться до его Берты!

— Она сама за мной бежит!

— Так чего ж перья у тебя искрятся, а не у неё?

— Я теперь бесхвостый! — капризно заявил Зиг. — Мне опять придется сгорать, чтобы новые перья быстро отрасли! Или просить у Людвига те, которые он отобрал, и веревкой к хвосту своему приматывать! И всё почему? Потому что кто-то догадался забраться к мужчине в постель, а удовлетворить его естественные по... а-а-а-а! Ты что творишь, Гера?!

Тесто, ощутив мой гнев, выскочило из-под скалки и бросилось на Зигфрида, собираясь заставить его заплатить за произнесенную похабщину. Зиг задержался, пытаясь избавиться от сдерживающего его липкого теста, но выбраться из него не мог.

Вопли стали тише, потом птица и вовсе умолкла — очевидно, это

он так пытался притвориться мертвым и заставить себя его пожалеть. Но я прекрасно знала, что убить феникса тестом невозможно, как ни старайся, и со спокойной улыбкой на устах наблюдала за тем, как Зиг, подергавшись, затих.

Запахло паленым — сгорает! Что ж, значит, мой расчет был верным!

Через несколько минут, когда тесто подрумянилось и собиралось уже подгореть, я взяла скалку и осторожно ударила по фигурке птицы, полностью скованной тестом. То расколосось на мелкие кусочки и осыпалось на стол вполне пригодным, хоть и бесформенным печеньем, а Зигфрид, полностью обновленный и уже с полноценным хвостом, взмыл под потолок.

— Издеваешься, ведьмачка! — возмутился он. — Вот так всегда! Заколдуют, надругаются, а потом ещё...

Очевидно, я узнала бы о себе ещё очень много нового, но Зигфрида прервал громкий стук в дверь. Во входную, между прочим.

Это ж как надо стучать, чтобы я аж с кухни услышала?

Гостей мы с Людвигом сегодня точно не ждали, но я теперь уже не боялась открывать дверь — во-первых, не седьмое число, а во-вторых, мой суженый давно уже при мне. Не сказать, что он так уж меня полностью устраивает, но ничего. Бывает и гораздо хуже. Этот молод, привлекателен, связан со мной теми же узами, что и я с ним.

И фамилиар его моему приглянулся.

Отряхнув платье от муки, пачкавшей всё вокруг даже тогда, когда тесто месило заклинание, а не я своими руками, я отправилась открывать дверь. Стук повторился, до того громкий, что мне аж захотелось зажать уши руками, и я взмахнула рукой, впуская неведомого гостя в дом.

Дверь распахнулась настежь, и Иоганна — а стучала именно она, — попала кулаком по пустому воздуху и завалилась внутрь, едва не зарыв носом.

— Ты? — удивилась я, глядя на подругу. Вот уж кого не ждала, так это её!

Иоганна и Барбара всегда были очень близки друг с другом. Я же для них — всё равно чужачка, хоть и жившая здесь уже неполные два года. А поскольку Барбара уже совершила неудачную попытку соблазнения моего жениха, ждать от Иоганны ничего хорошего не

приходилось.

Вот и сейчас, чувствуя на себе пристальный, внимательный взгляд ведьмы, я с трудом заставила себя взглянуть на неё с улыбкой и скрестить руки на груди.

— Что привело тебя в мой дом? Ты получила приглашение на свадьбу? — довольно мягко поинтересовалась я, надеясь на то, что звучит не слишком язвительно как для приветствия.

Иоганна выпрямилась, будто пытаюсь напомнить о том, что ей и физической силы не занимать, хрустнула пальцами и приветливо мне улыбнулась. В её темных глазах плескалось что-то среднее между недовольством и сочувствием.

— Ох, сестренка, — не в меру горестно произнесла Иоганна, словно забыв о том, что тема братьев и сестер для меня несколько болезненная. — Да, приглашение на свадьбу я получила, но, к сожалению, не оно, а печальная весть заставила меня прийти к тебе в дом.

Я насторожилась. Пафосные речи были совершенно нехарактерны моим подругам, и то, что Иоганна так выражалась, ни о чем хорошем не свидетельствовало.

— А поконкретнее?

— Ты же знаешь, — провозгласила Иоганна таким голосом, как будто собиралась сообщить мне о предстоящих смертях всей родни, о которой я знаю, да и о которой я слыхом не слыхивала. — Ты же знаешь, что я нахожусь в дружеских отношениях с нашим почтальоном...

— Знаю, — кивнула я.

Он её замуж уже три раза звал, да только она так и не приняла это не в меру щедрое предложение. Говорила, что заслуживает кого получше, а точнее, побогаче и породовитее.

Наш почтальон, обладатель фамилиара-голубя, был мужчиной средних лет, крепким, довольно неглупым и обладающим довольно сильной родовой магией. Почему он решил применять её именно для рассылки писем по всей стране, я понятия не имела, но знала, что деньги он получал не такие уж и плохие за срочную доставку корреспонденции.

По крайней мере, его письма никогда не блудили.

По нашему поселку он любил разносить всё самостоятельно.

Заходил в гости, чай пил... Начиная, разумеется, с Иоганны. Изредка, раз в месяца полтора, добирался и до моего поместья, рассказывал о том, что при маркграфе ему жилось не очень. Писем мне почти никто никогда не писал, а если и писали, то приходили благодаря почтальону слишком поздно.

— Так вот, когда он отдавал мне письма, — торжественно вздохнула Иоганна, — я увидела среди них одно, предназначающееся тебе! На адрес поместья отправленное. И предложила ему отдать мне письмецо...

— Зачем? — уточнила я.

— Чтобы передать тебе быстрее, конечно же! — тут же нашла благоприятный повод Иоганна. — Потому что тебе надо узнавать обо всех новостях пораньше. Тем более, о таких!

— Ты письмо открывала? — тут же нахмурилась я.

— Нет, разумеется, нет! — заверила меня Иоганна.

— Да? И откуда тогда ты знаешь, что там плохие новости?

Иоганна закусила губу.

— Так ведь отправитель — женщина.

— И что с того?

— А письмо на имя Людвига.

Я взглянула на конверт в её руках. И вправду, Людвигу фон Ройссу от некой Эдиты фон Грайс. Интересно, и что же там внутри? Вообще-то открывать было неприлично, но меня как будто что-то подталкивало вскрыть этот конверт. Как будто кто-то на ухо шептал — и шептал почему-то голосом Казимира, — "открой, открой, проверь, что у тебя за женишок".

Я решительно развернула лист бумаги и, пробежавшись по нему глазами, стремительно помрачнела.

— Что там, что там? — подалась вперед любопытная Иоганна, но мне в эту секунду не хотелось даже рот открыть, чтобы объяснить ей, что я увидела внутри.

Поддавшись внутреннему порыву, я аж отступила на несколько шагов назад, чтобы Иоганна не смогла заглянуть в письмо, и принялась читать внимательнее.

"Любимый Лю! — писала фрейлейн Эдита. — Мне очень жаль, что тебе приходится тратить столько времени на эту ведьму! Но ты должен понимать, что оно того стоит. Да, пусть тебе придется притворяться, что

ты до смерти влюблен в эту женщину, разыгрывать страсть перед нею, ты должен помнить: после мучений, когда все утрясется, ты сможешь её бросить, и мы наконец-то воссоединимся, но не будем уже испытывать той нужды.

Порой мне, впрочем, хочется умолять тебя вернуться, забыв о деньгах. Когда я представляю, что ты целуешь эту мерзкую женщину, обнимаешь её, прижимаешь к своему сердцу, мне хочется уничтожить весь этот мир. Да, я знаю, что ты такая же жертва обстоятельств, как и я, но я согласна жить даже в нищете, лишь бы ты вновь был рядом со мной.

Всё же, очень рада, что ты проявляешь благоразумие. Нашей доченьке очень нужны эти деньги. Без них она не выживет... Увы, но в тот день, когда инквизиция перестала существовать, как класс, а ты впал в немилость, едва не разрушилась и наша счастливая семья.

Но я свято верю: всё ещё пойдет на лад!

Ах, как бы мне хотелось сжечь твою ведьму! Быть вместо неё рядом с тобой. Касаться твоих плеч ладонями, целовать твои губы, всматриваться в твои черные глаза, наслаждаться твоей ироничной ухмылкой. Я бы стала твоей летней лесной прохладой в жаркий день, весенними цветами, которые ты так любишь, золотой листвой и свежим снегом, дуновением ветра — всем, чем угодно, лишь бы только никто не смел нас разлучить.

Уверена, воссоединившись, мы больше не расстанемся с тобой ни на один день, ни на час, ни на минуту, ни на секунду! Мы будем дышать с тобой одним воздухом..."

— Даже в уборной ты будешь дышать с ним одним воздухом?! — прошипела я, напроочь забыв о том, что рядом со мной всё ещё стояла Иоганна и смотрела на меня так странно, как будто я с небес свалилась минуту назад.

— Что там? — прошептала участливо она.

Потом, будто пытаюсь придать мне хоть немного уверенности, передать свои силы, ласково погладила по плечу, почти копируя движение Людвига, и мне от этого стало ещё противнее. Захотелось швырнуть этот конверт на землю, потоптаться по нему ногами, плевать ядом, проклинать вслух весь этот мир. Ненавидеть ярко, шумно, с силой!..

— Не твоё дело, — огрызнулась я, не в силах сдерживаться.

Не тогда, когда прочитала такое!

В письме было ещё что-то, но я не могла заставить себя раскрыть его и прочитать дальше. Мне хотелось уничтожить эту мерзкую бумажонку, а вместе с нею растоптать и Людвига.

Дочь! У него есть маленькая дочь! И какая-то Эдита, мать этого ребенка и его то ли любовница, то ли жена, только не законная, а названная. И этот мужчина смел обнимать меня ночью, смел целовать, смел говорить, что я его истинная пара, и если б не он, то я сгорела бы на костре инквизиции ещё до того, как приехал глашатай и велел всем остановиться?! Да ведь он всё это время зло лгал мне, топтал мою жизнь, размазывал меня...

— Порви! — прошептала Иоганна. — Порви это письмо! Тебе станет намного легче, если ты избавишься от него!

Я вскинула свободную руку — во второй всё ещё держала письмо, — зажгла на ладони пульсар и хотела поднести его к бумаге, но в последнее мгновение остановилась.

Ведь я поверила Людвигу. Когда он смотрел на меня, когда признавался в любви, мне казалось, он был совершенно искренен. Неужели в самом деле всё время лгал? Но это не было на него похоже.

Людвиг не казался мне расчетливой тварью. Я ведь даже простила его, позабыла о том, что он едва не сжег меня на костре. Неужели у него в самом деле была женщина с ребенком? Да ну.

Не хотелось в это верить.

Ужасно не хотелось.

Я закусила губу и шумно втянула носом воздух. Может быть, я сумею успокоиться и мыслить более ясно? Сейчас перечитаю это письмо ещё раз. Мало ли в мире Людвигов! И мне казалось, что на письме сначала не было имен и фамилий, только адрес, а потом, когда я присмотрелась, они появились.

Но я не успела взяться за дочитывание письма.

— Казимир, вам не рассказывали, что прятаться за шторами — не слишком достойное для мужчины занятие? — голос Людвига заставил меня вздрогнуть и обернуться. Ненависть всколыхнулась во мне, хотелось сию же секунду впиться ему ногтями в глаза, но я изо всех сил сдерживала себя, убеждала, что не буду так реагировать. Не стану делать глупостей.

По крайней мере, если мы с Людвигом и не будем счастливы

вместе, то я хоть деньги свои получу, когда выйду за него замуж! И бусина чего-то белеет, хотя мне сейчас совсем не до неё.

— Что тут происходит? — Людвиг выдернул Хогберга из-за шторы. — Гера, что это у тебя?

— Письмо, — тихо ответила я.

— Какое?

— Твое письмо, — прошипела, не в силах сдерживать эмоции. — Любовное! Вот, полюбуйся!

И протянула ему лист бумаги, упорно реагируя повисшую на мне Иоганну.

Глава двадцатая. Людвиг

То, с каким видом Гертруда смотрела на меня, пока я брал в руки письмо, настораживало. Я понятия не имел, что там могло быть такого, чтобы она аж позеленела, но уже подозревал, что ничего хорошего. Тем более, Казик, которого я вытащил из-за шторы, как-то так противненько улыбался, и Иоганна тоже очень странно косилась на Геру.

Однако, в тот миг, когда я пробежался взглядом по строкам письма, понял, что больше всего на свете мне хочется активировать какое-нибудь боевое заклинание и уничтожить тут всех.

Геру. Иоганну. Этого мерзопакостного досмотрщика.

"Любимая Герушка! Пишет тебе твой Эдуард... Как жаль, что ты вынуждена терпеть рядом с собой этого инквизитора! Но ты должна помнить: оно того стоит. Пусть тебе придется притворяться, что ты до смерти влюблена в этого мужчину, разыгрывать страсть перед ним, ты должна помнить: после мучений, когда все утрясется, ты сможешь его бросить, и мы наконец-то воссоединимся, но не будем уже страх, что утеряем наследство.

Порой мне, впрочем, хочется умолять тебя вернуться, забыв о деньгах. Когда я представляю, что ты целуешь этого мерзкого мужчину, обнимаешь его, позволяешь ласкать себя, мне хочется уничтожить весь этот мир. Да, я знаю, что ты такая же жертва обстоятельств, как и я, но я согласен жить даже в нищете, лишь бы ты вновь была рядом со мной.

Всё же, очень рад, что ты проявляешь благоразумие. Нашей доченьке очень нужны эти деньги. Без них она не выживет... Увы, но в тот день, когда Амьен попробовал ввести свои законы наследования на территории Видама, едва не разрушилась и наша счастливая семья.

Но я свято верю: всё ещё пойдет на лад!

Ах, как бы мне хотелось сжечь твоего инквизитора! Быть вместо него рядом с тобой. Касаться твоих плеч ладонями, целовать твои губы, всматриваться в твои карие глаза, наслаждаться твоей ласковой улыбкой..."

Я, не выдержав, оторвал взгляд от письма.

— Ты ничего не хочешь мне объяснить? — прошипел я.

Магия, которая и без того не особенно держалась в узде, теперь вообще рвалась на свободу. Я чувствовал, что огонь хотел выплеснуться сию же секунду. Охватить это письмо, а вместе с ним и всё поместье.

Деньги? Да сдались мне эти деньги! У Гертруды есть дочь?!

— Я? Я должна объяснять?! — ахнула Гера.

— А кто, я? Кто такой этот Эдуард?!

— Какой к монахам Эдуард, кто такая Эдита?!

— Какая Эдита?!

— Та, от которой у тебя дочь и которая ждет, пока ты бросишь мерзкую ведьму и прибудешь к ней со своим наследством! — выпалила Гертруда, забыв даже о том, что Казимир стоит совсем рядом и готов уже отмечать каждое произнесенное слово.

— У меня есть дочь?! И ты смеешь говорить мне о таком, когда я читаю письмо, в котором твой любовник пишет о вашем ребенке?! — прошипел я. — Да прекрати ты калякать!

Последнее относилось уже к Казику. Я выдрал из его рук блокнот и, даже не присматриваясь к записям, сжег прямо на своей ладони. Порыв ветра развеял пепел по коридору, но мне было не до порядка в поместье. Сейчас единственным предметом интереса было письмо, открывавшее мне глаза на всё то, что происходило в нашей с Герой семье.

Так и не состоявшейся, наверное.

Я был свято уверен, что у Гертруды никогда даже не было мужчины. Не то чтобы это так важно, но... Любовник! И дочь!

— В этом письме, — обвинительно произнесла Гера, тоже не унимаясь, — к тебе обращается какая-то Эдита фон Грайс и пишет о том, что ждет тебя. И что вам на лечение дочери нужны деньги!

— Это вам на... — я запнулся. — Как ты сказала? На что нам нужны деньги?

— На лечение дочери, — произнесла Гера.

Она вскинула руку, зажигая и свой боевой пульсар, и я против

собственной воли восхитился тем, как легко Гере, ведьме, обладающей бытовой магией, поддавалась боевая. Всё же, она была потрясающе сильна, хоть и обладала немного другим типом дара, чем тот, с которым я привык сталкиваться в своей жизни.

Удивительно, но магия несколько отрезвила меня. По крайней мере, я наконец-то понял, насколько абсурдным выглядело обвинение. Гертруда сказала бы мне про дочь! Да и когда она должна была успеть её родить? У неё магия на это даже не указывает!

Может быть, это какая-то сестра и очередной мужчина её матери? Или...

Я наконец-то заметил, насколько хитро и невозмутимо смотрел на письмо Казик и как упорно пятилась к приоткрытой двери Иоганна, собираясь улизнуть.

— Стоять! — рявкнул я, и дверь, поддавшись велению моей магии, захлопнулась самостоятельно. — Гера... — я повернулся к невесте. — Подозреваю, тебе сейчас очень хочется меня убить.

— Хочется, — подтвердила Гертруда.

— Понимаю, — мне самому сейчас тоже хотелось устроить здесь побоище. — Но прежде чем я начну оправдываться, не могла бы ты зачитать вслух то, что ты видишь в письме?

Я был уверен, что сейчас этот боевой пульсар прилетит мне между глаз, но Гертруда оказалась куда более разумной. Она спокойно протянула руку, взяла у меня лист бумаги и пробежалась по нему глазами.

- Любимый Лю! — прочитала девушка вслух. — Мне очень жаль, что тебе доводится тратить столько времени на эту ведьму! Но ты должен понимать, что оно того стоит. Да, пусть тебе придется притворяться, что ты до смерти влюблен в эту женщину, разыгрывать страсть перед нею...

— Довольно, — остановил девушку я. — Для меня там совершенно другое письмо.

— Что? — удивленно спросила Гертруда.

Вместо того, чтобы что-то доказывать, я спокойно взял из её рук лист бумаги и вслух зачитал первые строки:

— Любимая Герушка! Пишет тебе твой Эдуард... Как жаль, что ты вынуждена терпеть рядом с собой этого инквизитора! Но ты должна помнить: оно того стоит. Пусть тебе придется притворяться, что ты до

смерти влюблена в этого мужчину, разыгрывать страсть перед ним, ты должна помнить: после мучений, когда все утрясется, ты сможешь его бросить, и мы наконец-то воссоединимся, но не будем уже страх, что потеряем наследство.

— Но этого не может быть! — ахнула Гертруда. — Я не знаю никакого Эдуарда! Мне даже человек с таким именем неизвестный!

— Ха, — хмыкнул я. — Можно подумать, что у меня среди знакомых десяток Эдит фон Грайс, и от каждой дочка! Иди сюда, сама глянь!

— Но ведь на конверте...

Девушка протянула мне конверт, но не успела разжать пальцы прежде, чем я до него дотронулся. Буквы, начертанные на конверте, тут же запрыгали у нас перед глазами, и я невольно усмехнулся.

— Надо же, — пробормотал себе под нос, удивленно рассматривая, как стремительно меняется подпись.

Ещё секунду назад я видел, что письмо предназначалось мне и было от некой Эдиты фон Грайс, теперь же оно адресовалось Гертруде от Эдуарда фон Грайса. Конверт мигал у нас в руках, как будто заколдованный, и я понял наконец-то, насколько абсурдным было содержание этого письма.

Гертруде ведь совершенно незачем было мне лгать! Когда я прибыл сюда, она вообще не собиралась соглашаться на брак. Что мешало в самом начале оговорить, что у неё муж и дочь?

Мы бы уведомили друг друга о таких условиях, ведь первой целью было именно получить наследство. Чувства возникли уже после...

Ну, ладно, у меня — не после, но это мелочи. Я-то точно знаю, что у меня и детей никаких нет! Впрочем, у Гертруды, наверное, тоже.

— Иоганна, — голос Геры прозвучал так ласково и нежно, словно она сейчас собиралась как минимум убить свою подругу. — Дорогая, куда это ты собралась?

— Я? — вздрогнула женщина, остановившаяся уже у самой двери и отчаянно пытавшаяся улизнуть незамеченной. — Я... Да мне просто... Понимаешь, у овец... яйца не собрала... и курицу сегодня брить собиралась...

— Курицу сегодня брить собралась, говоришь? — протянула Гертруда. — Ну-ка иди сюда. Я тебе сейчас универсальное заклинание дам! Поможет срезать и перья, и шерсть, и даже волосы на любой

курице. Хочешь, прямо сейчас попрактикуемся?

Иоганна с таким видом ухватила за свою косу, словно Гертруда уже взяла в руки ножницы и собиралась её отрезать.

— Ты что за письмо мне в дом принесла?

— Да я ж понятия не имела... — охнула Иоганна.

— И у почтальона сегодня выходной!

— Так он по доброй памяти...

— Зачем?! — рявкнула Гертруда.

Я никогда прежде не видел её такой воинственной. Даже не стал вмешиваться в разговор женщин, знал, что буду там лишним. Гера сейчас надеялась восстановить справедливость, и вряд ли существовал кто-то, кто мог ей в этом помешать.

Иоганна, кажется, всерьёз испугалась. Поняла, очевидно, какими могут быть последствия её самодеятельности. Или не самодеятельности...

— Ну-ка, куда это вы собрались, господин дознаватель? — холодно поинтересовался я, поворачиваясь к Хогбергу, который опять попытался скрыться за шторкой. Или, что более вероятно, надеялся свернуть в один из коридоров и поскорее скрыться с наших с Гертрудой глаз. — Скажите-ка, господин дознаватель, не вы ли участвовали в создании этих писем?

— Я?! — ахнул Казимир. — Да как вы смее! Да я бы никогда! Моё дело — проверить, истинными ли являются ваши чувства друг к другу! Можете ли вы противостоять испытаниям! Знаете ли друг о друге то, что положено знать жениху и невесте! Но я не имел никакого отношения к каким-то похабным письмам. Я даже не знал, что существует такое заклинание! Я никогда в жизни не создавал письмо-хамелеон!

— Да?! — не удержалась Иоганна. — Да я и не слыхала никогда ни о каких хамелеонах, пока ты ко мне с этой бумажкой паршивой не приперся! Обманщик! Мало того, что все приворотные пироги сожрал, так ещё и подставить пытаешься! А, чтоб тебя земля побрала! Пусти, Герка! Ни при чём я тут! Я только доставку выполнила! А писал — вот он это письмо писал! На бумаге-хамелеоне! И вообще... Удачной свадьбы!

И, явно решив, что разговор окончен, женщина стремительно вылетела за дверь. Вот только догонять её уже было некому — мы с

Гертрудой одновременно повернулись к Казимиру.

— И это называется честным трудом ведьмака-досмотрщика? — холодно любопытствовал я. — Обманывать людей, обводить их вокруг пальца? Убеждать в том, что их чувства — фикция? Это считается нынче порядочным? Поведением, достойным державного мужа?

— Я...

— И прописано разве в протоколе?

Казимир попятился, но далеко не ушел. Я поймал его за воротник и, не особенно церемонясь, прижал к стене.

— Если ты ещё раз, скотина, попытаешься как-нибудь нам с Гертрудой помешать, я лично воспользуюсь заклинанием, снимающим личину. Клянусь! И уверен, мы узнаем о тебе много всего интересного! Или, может быть, хочешь уже прямо сейчас? Нет? Вот если нет, то пошел вон отсюда, и чтобы от тебя не было ни единого писка слышно в эти дни! Понял меня?! Ещё одна пакость — и лично уничтожу!

— П-п-понял! — пропищал мужчина. — Я всё понял! Отпусти!

— Я очень надеюсь, Казик, что ты из тех, кому не надо объяснять два раза, — я наконец-то разжал руки. — Не то я в самом деле обращусь куда-нибудь в департамент контроля над магией. Например, насчет нелегального, несанкционированного использования писем-хамелеонов!

Кажется, угроза подействовала. Я понятия не имел, были ли в самом деле эти самые хамелеоны запрещены, но, судя по тому, как улепетывал Казимир, за их использование его точно не должны были погладить по головке. Иначе реагировал бы в десять раз спокойнее, рассказывал бы ещё нам с Герой о том, что ничего такого страшного не случилось.

А не умчался бы прочь так, что аж пятки засверкали.

В какое-то мгновение я подумал, что, возможно, зря церемонюсь. На ладони будто сам по себе вспыхнул колдовской пульсар, и я даже прицелился, намереваясь швырнуть им в Казимира. Плевать на последствия! Пусть бы сгорел, досмотрщик проклятый, в синем пламени! А что? Я инквизитор, знаю, как сделать так, чтобы через несколько секунд от человека были только горелые кости. И боевая магия в этом плане — хороший помощник!

— Не надо! — только и успела вскрикнуть Гера, хватая меня за руку, и я от неожиданности едва успел погасить заклинание — но всё

равно слишком поздно, чтобы не причинить ей вреда.

Гертруда одернула ладонь, но и так было видно, что успела обжечься. Она попыталась было спрятать руку за спиной, шепча при этом какие-то простенькие заклинания против ожогов, но я решительно поймал её ладонь и взглянул на рану.

— Сейчас всё излечу, — прошептал я. — Болеть совсем не будет... Спасибо, что остановила.

Я ещё не до конца осознавал, какими могли быть последствия такого необдуманного поступка, но совершенно не хотел, чтобы из-за меня пострадала Гера. Да, пусть этот Казик живет, фиг с ним, если мы сможем уберечь наше счастье.

Заживляющее заклинание подействовало удивительно быстро. Моя магия с такой охотой впитывалась в руку Гертруды, что сомнений в том, насколько мы должны принадлежать друг другу, практически не осталось. Я не стал ничего говорить, потому что знал — очередные откровения могут испугать Гертруду, — но волшебство буквально кричало о том, насколько мы подходили друг другу.

Знать бы только, дело в магии или в чувствах...

В себе я практически не сомневался, но Гертруда? Мне всё ещё казалось, что несколько минут — и она растворится, как дым, не оставив по себе и следа.

— Удивительно, — прошептала Гера. — Я думала, что тебя на месте уничтожу, когда это письмо увидела. Убью... За обман, за то, что посмел окрутить меня...

— Уверен, испытал примерно то же, — улыбнулся я. — Но мы ведь вовремя поняли, что это всё обман. У меня в голове не укладывалось, как бы ты смогла скрыть от меня дочь.

— А мне так не хотелось верить в то, что ты окажешься такой двуличной тварью, — рассмеялась Гертруда — и, будто решившись на что-то, потянулась к моим губам.

Этот поцелуй не походил на все остальные. Я почти не ощущал привкуса магии в нём, только сладкий, будто от печенья, которое Гера так часто готовила, вкус её губ. И сейчас в моей голове вспыхнуло желание не прижать её к стене и сорвать это мешающее платье, а в самом деле вести под венец. Беречь, как супругу, как единственную женщину, которую я когда-либо сумел бы полюбить.

А ещё до ужаса хотелось, чтобы эти чувства были взаимными.

— Две, — выдохнула вдруг Гера, прерывая поцелуй.

— Что — две? — удивился я.

— Опять две бусины, — прошептала она. — Осталось три. Не думала, что это случится... Настолько быстро. Мне казалось, испытания будут другими.

— Они, наверное, свои для каждого.

Девушка задумчиво кивнула.

— Ты прав, — она говорила так тихо, словно боялась, что может спугнуть эти только-только зарождающиеся истинные чувства, в которых не было ни единой капельки магии. — Ты прав... А ведь это могли быть просто четырнадцать вопросов.

— И хорошо, что это не так, — искренне произнес я. — По крайней мере, теперь мы уверены в том, какие чувства испытываем.

Уверены? Это было неправильное слово. Но я знал, что к пониманию себя мы стали гораздо ближе, чем были бы, если б просто ответили на вопросы в стиле "как его зовут" и "как зовут его фамилиара"...

Глава двадцать первая. Гертруда

— Он ещё и ревнивый, — печально вздохнул Зиг. — И скажи мне на милость, за кого ты собираешься выйти замуж? За ревнивого козла-инквизитора с синдромом врожденного лжеца, который обманет тебя с такой легкостью, что ты даже не заметишь, когда это произойдет!

— Ты очень мило поставил ему диагноз, — отметила я. — Он опять вырвал тебе кусок хвоста?

— Нет! — возмутился фамилиар. — Мой хвост в полном порядке! Но... Но Берта решила, что до свадьбы ни-ни! Она теперь говорит мне, что не может провести всю свадьбу в гнезде, откладывая яйца! А значит, я должен воздерживаться. Почему твой Людвиг не воздерживается, а я должен?!

Я с трудом сдержала громкий смех.

— Не начинай, Зиг, — закатила вместо этого глаза. — Ты же прекрасно знаешь, что у нас с Людвигом ничего не было.

— Он спал в твоей спальне!

— Потому что из его слишком сильно слышно демонстративный храп Казика.

— Обнимал тебя!

— Ну и что?

— Он!.. Этот его... Хвост!

Я закатила глаза.

— Это естественная реакция организма!

— Он тебя облизывал!

— Целовал, а не облизывал.

— Целуют в губы! — запротестовал Зиг. — А облизывают шею! И плечи! И вообще, это позор! Ты, невинная девица, дрыхнешь в объятиях постороннего мужика...

— Который мне жених, — прервала я изливания птицы. — Слушай, Зиг, прекрати, а? До нашей свадьбы осталось несчастных три дня. Ты вполне можешь потерпеть, а тогда попросить Антваса повенчаться с твоей Бертой, уверена, вы обойдетесь и без браслетов. И будет у нас парная свадьба.

— Я — свободный независимый феникс, — проворчал Зигфрид. — Я не стану надевать на свою лапу браслет только потому, что какая-то женщина не способна завести гнездо безо всяких условностей. И вообще, я оскорблен и обижен. Можешь ко мне больше даже не обращаться за помощью, я тебе всё равно откажу.

Судя по тому, с каким видом он отвернулся, демонстрируя мне в очередной раз красивый отросший хвост, Зигфрид собирался как минимум заниматься обустройством свадьбы, и без его участия всё обязательно было рухнуть.

Поскольку он ещё и пером о перо не ударил, и даже крыльями в том направлении не пошевелил, я почему-то не сомневалась, что даже если Зиг очень сильно обидится, то от этого наши подготовительные работы особенно не пострадают.

— Не дуйся, — тем не менее, примирительно произнесла я. — Ну уже почти всё. Нам осталось только три испытания... И будет свадьба. Мы с Людвигом сами уже не против, чтобы это случилось поскорее.

Удивительно, но я в самом деле хотела выйти за него замуж. Казалось бы, столько времени сопротивлялась этой простой и понятной мысли, уговаривала себя даже не смотреть в ту сторону, думала, что мне этот брак даже даром не нужен! И что в итоге?

В итоге я действительно собралась выходить за него замуж. И даже хотела этого. Смешно, но дело было даже не в наследстве. Я чувствовала себя в самом деле влюбленной.

И почти поверила в то, что истинная пара — это не про магию. Это

всё-таки про чувства.

— Ну как знаешь, — проворчал Зигфрид, который, очевидно, никак не мог простить моё "предательство" и отчаянно жаждал мести. — Вот поженитесь, тогда мы с тобой поговорим о том, что порядочные ведьмы не должны доверять мужчинам!

— Обязательно поговорим, — фыркнула я. — Как только, так сразу.

Я не сомневалась в том, что от Зигфрида ничего нового не услышу. Он в очередной раз будет ворчать о том, что я веду себя чересчур легкомысленно, потом расскажет, что он знал: с этой свадьбы не будет ничего хорошего. А если у нас всё-таки сложится, заявит, что без его невероятно важной помощи мы бы с Людвигом разбежались уже на третий день нашего общения.

Что ж, возможно, и разбежались бы, если б бабушка, Зигфрид и карты не сказали мне, что стоит присмотреться к своей истинной паре. Но теперь-то мне совершенно не хотелось с ним расставаться.

Кто бы сказал, что так выйдет, ни за что б не поверила!

Я мотнула головой, чтобы отогнать подальше все дурацкие мысли, улыбнулась, кажется, в очередной раз Людвигу, хотя его рядом и не было, и, не сдержавшись, ступила к зеркалу.

Обычно я в него смотрелась раз в день, не чувствуя ни малейшей потребности выглядеть красиво. Да, надо было расчесываться, умываться, надевать приличные платья, чтобы ни у кого не возникало лишних вопросов, но вот само понятие красоты было мне чуждо. Я не акцентировала на этом внимание.

К тому же, быть красивой не означало быть счастливой...

Вот только теперь, когда мы с Людвигом жили в одном доме, а я в самом деле поверила в свои чувства к нему, мне хотелось то и дело подойти к зеркалу, поправить причёску, проверить, хороша ли я, убедиться в том, что всё-таки во мне есть во что влюбиться...

— Вот так всегда, — раздался за спиной вкрадчивый женский голос, совершенно мне незнакомый. — Сначала прихорашивают, а потом ни суп мужу сварить не могут, ни мяса пожарить, только и нанимай им служанку, ты же маркграф, ты же должен!

Я стремительно обернулась, вскинула руку с пульсаром, и замерла, пытаюсь понять, кого вижу перед собой.

С этой женщиной я совершенно точно не была знакома. Тем не

менее, её черты казались мне узнаваемыми, и, всматриваясь в красивое и вроде даже молодое лицо, я всё больше и больше видела в ней...

Людвига.

Первая дурацкая мысль, что эта незнакомка может быть той самой Эдитой, которая писала письмо, и я зря поверила в разыгранное Людвигом представление, была отмечена в течении секунды. Я практически не сомневалась в том, что женщина, которая сейчас стояла передо мною — это мать моего жениха.

Только не сказать, что я была готова к этой встрече.

— Здравствуйте, — произнесла я. — Извините, но... Как вы здесь оказались?

— Воспользовалась направлением из письма, — пожала плечами женщина. — Определила точную локацию. Телепортировала. Не ожидала, что современные пары пишут пригласительные в спальне... Что ж, очень рада, что вы делали это не в постели. Тогда Людвиг не смог бы писать настолько красиво, — её ледяной голос заставил меня вздрогнуть. — И что же, ты — та самая девица Аденауэр, которая уводит у моего сына причитающееся ему наследство и титул?

Я нахмурилась. О матери Людвиг отзывался с любовью и уважением, но говорил, что, гонимая всё той же инквизицией, она вынуждена была стать гораздо холоднее, чем следовало. И теперь с нею отнюдь не так просто иметь дело, как было прежде.

Подозреваю, воспоминания Людвига и так были слишком светлыми из-за того, что он всё же сын этой женщины. Ну, или кто-то немного переморозил свой характер, когда пытался стать железной леди. От женщины так и веяло недовольством.

— Я — та самая девица Аденауэр, которая выходит за вашего сына замуж, — хмуро ответила я. — И благородно готова разделить с ним собственное наследство, доставшееся от кровного отца, маркграфа фон Ройсса. А вы, очевидно, та самая мать Людвига, жертва обстоятельств, из-за которой он, в частности, вынужден был работать в инквизиции?

— Мой сын, я гляжу, был достаточно болтлив.

— Я б назвала это словом "откровенен", — возразила я. — Но вы можете выражаться так, как вам угодно, фрау фон Ройсс.

— Надо же, как уважительно, — хмыкнула женщина. — И не надо так меня рассматривать. От пылкого ведьминого взгляда я не рассыплюсь, не развалюсь на мелкие кусочки и уж точно не исчезну. В

родовом поместье вам придется потерпеть меня, гостью, достаточно долго.

На самом деле, мне просто было интересно увидеть, что же Людвиг унаследовал от матери. Волосы цвета воронова крыла, тёмный прищур глаз — это у него было от рода фон Ройсс, а вот тонкие, интеллигентные черты лица — явно от матери. На самом деле, для женщины она казалась несколько грубоватой, словно творец сделал эскиз, но потом убедился, что ошибся — и создал уже Людвига, подкорректировал то, что казалось неуместным.

На его мать надо было смотреть издалека, тогда все черты гармонично комбинировались между собой и создавали красивое, хотя немного отстраненное лицо. Людвиг же, зараза такая, и вблизи, и издалека казался одинаково привлекательным.

Возможно, его для меня таким делала и магия, но я предпочитала об этом не думать, а больше концентрироваться на собственных чувствах. Так, по крайней мере, я чувствовала себя счастливой, а не в очередной раз гадала, правильно ли поступаю, что выхожу за Людвига замуж.

— Ну что ж, — протянула тем временем женщина, не изволившая до сих пор назвать свое имя. — У моего сына не такой дурной вкус, как я боялась...

Да, не в отца пошел, совершенно точно. Мы с этой женщиной, благо, не похожи абсолютно.

— Кость тонкая, — продолжила она, как будто осматривала породистого зверька, а не невесту собственного сына. — Лицо ничего такое, черты нормальные. Никаких увечий нет? Ноги-руки ровные, всё на месте? Пальцы? — она — схватила меня за руку, пересчитывая пальцы, как будто верила в тот бред, что у ведьмы должно быть увечье. — Надеюсь, хвоста тоже нет.

Хвоста у меня, конечно же, не было, а вот кому-то хотелось его отрастить, желательно поросячий. Я с трудом взяла себя в руки и не стала использовать ни одно из всех тех паскудных заклинаний, что сейчас сидели у меня в голове и так и просились активироваться, чтобы дать понять будущей свекрови, кто в этом доме хозяйка. Но...

Я велела себе относиться к этому, как к очередному испытанию. Никогда не знаешь, за что загорится белым бусина, а у нас осталось ещё целых три — и три дня на то, чтобы покончить со всеми испытаниями и

быть полноценно допущенными до нашей свадьбы.

— Я думаю, — проворковала я, стараясь не шипеть, как та ядовитая змея, которая хочет кого-нибудь укусить, — вы желаете увидеть сына?

— Сына? Да, — кивнула женщина. — Хочу посмотреть, с чего это он вдруг решил жениться на какой-то девице и не спросил, насколько она меня устраивает.

Очевидно, потому что мальчик уже вырос и не собирается спрашивать у мамочки разрешения жениться на понравившейся женщине.

Как и любой нормальный мужчина!

Но вслух я этого не сказала, а только жестом велела женщине следовать за мною.

Судя по тому, как она вздыхала, охала и кривилась, ступая по поместью, ей здесь не нравилось. Я не сомневалась в том, что фрау фон Ройсс ни разу в жизни не была здесь, а сейчас упорно пыталась продемонстрировать, что подобная роскошь для неё — ерунда, что ей претит то, что в доме чисто и убрано, и вообще, настоящие богачи живут совершенно по-другому! Я просто-таки слышала, как она произносила эти слова, презрительно кривя губы.

— А что, слуг нет? — зацокала языком женщина. — Очень странно.

— Я пользуюсь бытовой магией, — ответила я, стараясь хранить спокойствие. — Это быстрее и удобнее.

— Да? — изогнула брови она. — Ну, не сказала бы, что это такое уж хорошее решение. Слуги — это надежнее. Если есть деньги...

— То зачем их тратить на то, что можно безо всяких усилий исправить самому.

— Жадная, значит? — требовательно поинтересовалась женщина, повернувшись ко мне.

— Бережливая, — ответила я с мягкой улыбкой на губах.

Терпение, только терпение. Мне кажется, или одна бусина начала белеть на моем запястье?

Поднеся руку к глазам, чтобы убедиться в этом, я обнаружила, что белеют сразу две. Медленно, но меняют оттенок — то медленнее, то стремительнее.

Я насторожилась. Вообще-то испытания не должны проходиться по два за день, но у нас так уже получалось, и не один раз.

Другое дело, что если параллельно проходят два испытания, то там что-то происходит. Что-то очень серьезное, возможно, даже очень опасное. И Людвиг пока только на пути решения неведомой проблемы.

Единственным разумным моим желанием сейчас было броситься ему на помощь, оставив за спиной надоедливую фрау фон Ройсс. Но я велела себе оставаться спокойной и сделать хотя бы то, что от меня зависит — проявить терпение по отношению к будущей свекрови. Если мы с Людвигом всё-таки поженимся, есть большая вероятность, что она будет периодически у нас гостить. И очень не хотелось бы, чтобы меня буквально дергало от одного её вида.

Это мягко говоря очень не хотелось бы.

— Что там можно столько времени высматривать? — закатила глаза женщина, вновь напоминая о своем присутствии. — Я хочу поскорее увидеть сына и не понимаю, почему должна стоять посреди холодного, неотопливаемого коридора!

На самом деле, в поместье всегда было тепло, я следила за этим, но если очень хочется придраться, то грех не найти столь удобный повод. Конечно же, фон Ройсс воспользуется возможностью и будет подкалывать на каждом шагу — то ей слуг мало, то слишком холодно, то, возможно, она считает опасным для жизни использовать магию во время готовки.

Вторая бусина — интересно, за моё она испытание отвечает или нет? — ни с того ни с сего накалилась, и я ускорила шаг.

— Ну зачем так бежать! — возмутилась женщина.

— Вы же хотели увидеть сына!

— Я хотела ещё и рассмотреть поместье! Мне, между прочим, здесь ещё жить!

— Жить? — опешила я, останавливаясь.

— Ну да, — хмыкнула женщина. — Не оставит же меня сын одну прозябать в моем крохотном, неуютном домишке. Я не могу позволить себе такую роскошь, как обогревать его с помощью магии...

— Сила исчерпалась? — ядовито уточнила я.

— Я использую её для дела!

— Мы с Людвигом дадим вам денег, чтобы вы могли нанять себе слуг и отопить дом так, как вам будет угодно, — отрезала я, ясно давая понять, что жить эта женщина со мной в одном доме не будет точно.

Кажется, у отца были какие-то другие дома. Где-нибудь в городе, и

чем дальше отсюда, тем лучше, потому что уже пятнадцать минут общения с будущей свекровью мне хватило с головой.

Она, вероятно, собиралась возмутиться и несколькими колкими фразами поставить меня на место, но не успела проронить ни слова. Из центрального коридора, к которому мы сейчас придвигались, доносился знакомый шум — и не менее знакомый властный тон.

— Да, настоящий жених должен беречь магию собственной невесты, а о муже я даже не говорю! Разве это дело — позволять девушке взять всё на себя, пользоваться её заготовками, делать бытовые заклинания? Свадьба должна сопровождаться шумом в доме, это должны делать все слуги, а не моя Гера! И это мне предлагается согласиться отдать её за тебя замуж?

— Кто это? — нахмурилась фрау фон Ройсс. — Что за женщина вычитывает моего сына?

О, я, кажется, прекрасно знала, что именно это за женщина. Наверное, потому ещё больше ускорила шаг, буквально побежала навстречу родному голосу, надеясь, что успею прежде, чем Людвига доведут до такого состояния, что он уже ни ради любви, ни ради денег не пожелает ко мне жениться.

Я вылетела из бокового коридора в центральный и замерла прямо перед своей бабушкой.

— Ба! — воскликнула, не скрывая удивления. — Ты приехала! Но почему без предупреждения? Мы даже не успели ничего подготовить...

— Я была уверена, — протянула Маргрет, — что тебе понадобится моя помощь. И не ошиблась... Надо же! Лина! Так это твой сын?!

Я повернулась и с удивлением обнаружила, как стремительно сереет и мрачнеет фрау фон Ройсс. Что ж... Кажется, наши родственницы были знакомы задолго до того, как повстречались мы с Людвигом.

Глава двадцать вторая. Людвиг

Когда в дверь постучали, и на пороге дома я обнаружил совершенно незнакомую мне женщину с целым выводком разновозрастных детей, среди которых были и трех-четырёхлетние, и уже почти достигшие совершеннолетия, я даже не стал спрашивать — и так было понятно, что к нам в гости пожаловала фрау Аденауэр со всеми бесчисленными внуками. Что ж, не просто так говорила мне Гера, что её мать нарожала слишком много детей. Ума не приложу, как

можно обзавестись таким огромным потомством!

И как она ещё выжила после всего этого?

Но всякие дурацкие вопросы у меня отпали в тот момент, когда фрау Маргарет — она представилась, не дав мне гадать, как её зовут, — с порога осыпала меня десятком обвинений и почти по-хозяйски зашла в дом. Несомненно, она бывала здесь прежде, хотя, возможно, и нечасто, иначе как бы так отлично ориентировалась во всех коридорах?

А ещё, наверное, была очень сильной ведьмой, потому что могла с легкостью перечислить, хоть и в упрощенной форме, все заклинания, которые использовала Гера, чтобы подготовить дом к свадьбе.

Дети разбегались в разные стороны, как те муравьи, и я был уверен в том, что скоро придется использовать какие-то заклинания для того, чтобы держать их в узде. Может быть, запереть в какой-нибудь комнате? Например, с Казиком!

Ведьмак-досмотрщик из своей комнаты даже носа не показывал в последнее время. Очевидно, боялся, что если будет слишком много крутиться под ногами, то вправду схлопочет за всё то хорошее, что нам сделал. О письме-хамелеоне Гера по сей день вспоминала с содроганием. Правда, от него была и определенная польза...

Впервые за долгое время Гертруда вместо того, чтобы отпихивать меня и притворяться гордой, независимой и преисполненной ненавистью ведьмой, отвечала взаимностью. Конечно, не сказал бы, что спать в её постели — это такая уж большая награда, когда все мысли только в одну сторону, и ты полночи думаешь о том, что надо было напиться успокоительного зелья, чтобы по-человечески уснуть, но...

— Слушай, зятёк, ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

— Да, фрау Аденауэр, — выныривая из своих мечтаний, отозвался я.

— Да? А почему тогда ничего не исправляешь?

— А что я должен исправить?

Очевидно, что-то очень серьёзное, потому что женщина от гнева даже замахнулась на меня рукой, но вовремя удержалась.

— Унаследовал от этого мерзопакостника боевую магию! — проворчала она. — А в голове пустота, только ветер воет!

— Я не...

Оправдаться не получилось. Фрау Маргрет была непреклонна и, судя по всему, собиралась добиться своего — заставить меня покаяться

во всех смертных грехах. Не совершал? Ничего страшного! На будущее! Впрочем, оно и понятно. Эта женщина имела полное право меня ненавидеть, я, в конце концов, мог стать причиной гибели её внучки.

— Да, настоящий жених должен беречь магию собственной невесты, а о муже я даже не говорю! Разве это дело — позволять девушке взять всё на себя, пользоваться её заготовками, делать бытовые заклинания? Свадьба должна сопровождаться шумом в доме, это должны делать всё слуги, а не моя Гера! И это мне предлагается согласиться отдать её за тебя замуж? — возмущалась она, даже не оборачиваясь на меня.

Фрау Аденауэр явно знала, куда направляется, и собиралась ввести в этом доме свои порядки. Возможно, искала внучку — по крайней мере, на её месте я делал бы именно это. Но Гера не заставила себя долго ждать. Раздался знакомый уже мне звук её шагов, и девушка буквально вылетела из бокового коридора, почему-то встревоженная и не сказать что слишком счастливая.

— Ба! — воскликнула Гертруда, не скрывая удивления. — Ты приехала! Но почему без предупреждения? Мы даже не успели ничего подготовить...

Девушка замерла в проходе, не в силах сдвинуться с места, а следом за нею вышла...

Моя мать.

— Я была уверена, — протянула Маргрет, — что тебе понадобится моя помощь. И не ошиблась... Надо же! Лина! Так это твой сын?!

Что ж. Это определено была моя мама. И, судя по тому, как она помрачнела, нахмурилась и скрестила руки на груди, они с фрау Маргрет Аденауэр были очень хорошо знакомы. Даже слишком! И я мог себе представить, какая примерно история связывала этих двух женщин.

— Мама, — протянул я, глядя на родительницу, — мне кажется, или ты должна была приехать тремя днями позже? Чтобы побывать на свадьбе и тут же уехать домой.

— Я решила погостить. Посмотреть, на что способна моя невеста, — даже не глядя на меня, произнесла мать.

Она не сводила взгляда с фрау Аденауэр, даже отодвинула уверенным жестом в сторону с дороги Гертруду и остановилась напротив женщины.

Две ведьмы явно были готовы хоть сию же секунду уцепиться друг другу в глотки. Или по меньшей мере в волосы.

— Так вот значит за чьего сына ты собираешься выходить замуж, Гертруда, — протянула фрау Маргрет. — Как это мило...

— Людвиг, — ледяным тоном, что стал свойственным ей в последнее время, произнесла моя мать. — Ты ни за что не возьмешь в жены эту мерзкую девку!

Фрау Маргрет тоже изменилась в лице. Теперь сквозь маску благожелательности и спокойного удивления проступал истинный гнев. Она сжала руки в кулаки, готовясь воспользоваться своим даром. Хотя фрау Аденауэр и не была боевым магом, но её сила тоже имела интересные особенности, и я почему-то не сомневался в том, что один удар её магии может потянуть за собой огромные последствия. То, с какой злостью она смотрела на мою мать, уже свидетельствовало о том, что ничем хорошим их стычка не закончится.

— Мама, — вмешался я, делая шаг вперед и вставая рядом с бабушкой Гертруды. — Во-первых, не смей называть мою невесту мерзкой девкой — Гертруда ничем не заслужила такого к себе отношения. Во-вторых, я женюсь на ней вне зависимости от того, хочешь ты этого или нет. Я уже давно вырос из возраста, когда каждый свой шаг должен согласовывать с тобой.

— Вот как! — вскинулась моя мать. — Это ты так отвечаешь благодарностью за всю заботу, за то, что я тебя растила! Ты был бы никем, если б не моя помощь!

Не был бы инквизитором, если б не совокупные старания моих родителей, точнее.

— Я рассчитывала на то, — не унималась моя мать, — что смогу жить рядом с тобой на старости лет...

— Ты ещё молода, — отметил я.

— Что смогу поселиться в этом доме... — продолжала она.

Я едва не поперхнулся. Только этого ещё не хватало! Я, конечно, любил свою маму, но не настолько, чтобы жить с нею под одной крышей! Это ведь от неё можно ждать и визита в спальню во время первой брачной ночи. С неё станется встать у нас над головой и давать советы Гере, как лучше лечь, "чтобы её мальчику было удобнее".

Я не питал совершенно никаких иллюзий относительно собственной матери. По крайней мере, не собирался вести себя, как

наивный дурак, доказывающий любимой жене, что "мамочка нам совершенно никак не помешает, наоборот, поможет по хозяйству".

Нет уж. Со своим хозяйством мы с Герой как-то сами разберемся.

— Если ты хотела поселиться в нашем с Герой доме, — мрачно произнес я, — ты могла хотя бы посоветоваться с нами для начала.

— Это теперь не имеет никакого значения, — фыркнула она. — Потому что это семейство надо бы проклясть, чтобы они и колдовать-то не смогли! Не отдам я им своего единственного сына, этого только не хватало!

Гера рванулась вперед, кажется, собираясь защищать честь рода Аденауэр до последнего, но я осторожно обнял её за плечи, останавливая девушку.

— Не надо, — тихо прошептал я Гертруде на ухо. — Я сам, ладно?

Гера напряженно кивнула.

- Я ещё потерплю немного, — прошипела она. — Но ещё одно оскорбление, и, извини уж, твоя мать вылетит из моего дома.

Надо же. Гертруда даже мне не напоминала о том, что пока что это исключительно её жилплощадь. Конечно, станет ничья, если вдруг мы не поженимся, но о такой перспективе развития событий мы пока что старались не задумываться.

- Мама, — я повернулся к женщине и постарался говорить спокойно. — Ты находишься не у себя дома. И это по меньшей мере непорядочно — оскорблять мою невесту и её родственников. Я понимаю, что у вас может быть какая-то личная неприязнь, — на этих словах фрау Маргрет фыркнула, явно с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать свое личное мнение по поводу всего происходящего, — но мы можем выяснить всё спокойно.

— Никогда! — женщина упрямо топнула ногой. — Будь моя воля, я бы их прокляла, да так, чтобы у них даже шанса больше рядом с тобой оказаться не было!

Ну это уже слишком!

— Да за что ты их так ненавидишь?! — возмутился я. — Что тебе могли сделать фрау Аденауэр и её внучка, что ты устраиваешь такие представления!

— Это я, — вскинулась неожиданно моя мать, — я должна была стать её лучшей ученицей! Именно мне она обещала передать весь свой дар! Она видела, что её дочь ни на что не способна и была уверена, что

все её дети родятся пустыми, как вот эта свора, которая гоняет сейчас по коридорам. Они же толком не способны колдовать! Она обещала мне, что всё будет в лучшем виде... Я приезжала к ней, оставляла своего маленького ребенка с отцом, жертвовала всем, чем могла, чтобы стать наследницей дара, а потом её дочь, эта бесполезная дрянь, которая только и может, что менять мужиков, как перчатки, взяла и принесла дитя в подоле! И доченька оказалась высокоодаренной. Конечно же, фрау Маргрет! — она повернулась к женщине. — Конечно же, вы вмиг всё бросили! Зачем вам посторонняя, если можно отдать всё своей внучке! Вы отдали дар ей, а меня оставили ни с чем.

— И это, — вскипела женщина, — ты смеешь говорить мне после того, как донесла на мою семью, и нас едва не сожгли на костре? Это после того, как ты сама толкнула меня в объятия инквизиции, ты смеешь рассказывать о том, что я тебя предала?! Да нам пришлось бежать — мне, моей дочери, моей внучке, — бежать, бросив всё, чтобы только остаться в живых! И после этого ты расскажешь, что мечтала получить дар? Что я не по заслугам лишила тебя права унаследовать его?!

Мы с Герой, под напором ссоры отступившие в сторону, удивленно переглянулись. Да и моя мать, кажется, была шокирована подобным обвинением.

Все прекрасно знали: если одна ведьма предает другую, то совсем скоро она тоже попадет в лапы инквизиторов. Те беспощадны. Они запоминают тех, кто рассказывает о своих сестрах и братьях по дару. И когда информационный канал иссякает и перестает быть полезным, приходят к ним...

По сути, стать самим инквизитором куда удобнее, чем идти по пути бесконечных жалоб. Сдал одного — вынужден будешь сдать и второго, пятого, десятого, а потом дойдешь и до собственных детей. Однажды по такому пути пошел маркграф фон Ройсс, и мы с Герой прекрасно знали, чем для него это закончилось.

— Что? — прошептала Лина. — Марго, так ты уехала, потому что за вами охотились инквизиторы?

— А ты думаешь, — бабушка Гертруды прищурила глаза, как будто пыталась определить, как именно ей будет удобнее уничтожить своего врага, — что мы бы покинули насиженное место только потому, что я дар тебе передать не хотела? Знаний пожадничала? Да моя внучка

и так родилась одаренной, зачем ей нужны были мои подарки?!

Фрау Маргрет выглядела воистину грозная. Сейчас вокруг неё сгрудились все её внуки, и я наконец-то смог их сосчитать. Двенадцать! И это ещё без Гертруды.

Тринадцать детей, рожденных одной женщиной. И по большей мере от разных мужчин. Какой всё-таки кошмар...

Но я не сомневался в том, что Гера пошла не в мать — в бабушку. По крайней мере, когда Гертруду что-то не устраивало, выглядела она примерно так же. Куда-то исчезал облик ведьмы-бытовички, которая отлично умеет готовить да по щелчку пальцев может убратся в доме. Появилась сильная, могущественная боевая ведьма, которая могла взмахом руки не пироги напечь, а размазать своего врага по стене.

Дети, жавшиеся к своей бабушке, выглядели как-то совсем жалко. Я не чувствовал их магию; по большей мере они были практически пустые, способные на не слишком серьезное колдовство. А вот сама фрау Аденауэр с трудом сдерживала клокочущую внутри её тела силу. Она была могущественна, даже больше чем могущественна, и, что самое главное, отлично умела управлять собственным даром.

Да, мама не зря у неё училась. Эта женщина могла передать немало знаний.

Я понимал, что, возможно, следовало вмешаться, развести их по разным комнатам, встать между матерью и бабушкой своей невесты, но оставался стоять на месте. Как будто чувствовал, что, возможно, буду лишним в этой безмолвной беседе. Женщины как будто продолжали драться, вот так, взглядами. Они должны были выяснить ответы на все вопросы, определиться, что когда-то стало причиной трагедии.

Моя мать боялась инквизиции и ненавидела её. Я не верил в то, что она, тем более, из-за элементарной жадности, могла бы так просто кого-то предать. Тем более, новорожденного ребенка! Она сама была ведьмой, вышла замуж за колдуна, да и я пользовался чарами с самого рождения!

Нет, это была не мама...

— Я никогда, — прошептала Лина, — никогда бы не стала этого делать. Да когда я приехала, я увидела только пустой дом. Мне сказали, что ты уехала. Передала дар своей внучке, имя которой скрыла от всего мира, чтобы случайно на вас не вышли инквизиторы. Я пыталась вас найти, но только находила подтверждение того, что ты нарушила свой

ведьминский долг и предала меня, свою ученицу! Инквизиция? Да ведь я желала своему сыну счастья, а не собиралась отдать его, когда у меня закончатся ведьмы, жизнь которых я смогу обменять на свою!

— Так значит, это сделала не ты...

Маргрет казалась шокированной.

Женщины смотрели друг на друга, как будто впервые видели.

— Конечно, не я! — подтвердила моя мать, мигом растеряв всю серьёзность, всю жестокость. От ненависти, плескавшейся в её взгляде, не осталось и следа.

— Но кто тогда? — прошептала Маргрет. — Ведь я никому никогда не рассказывала о своем даре. Клиенты никогда не видели меня, они приходили в другое место. Я умела хранить свой секрет!

Гера резко помрачнела.

— Мама...

— Твоя мать, конечно, спала и спит с кем попало, — недовольно ответила фрау Аденауэр, — но она не настолько дура, чтобы подвести саму себя к инквизиторскому костру!

— Нет, — покачала головой Гера. — Она не настолько глупа. Но ведь все её любовники знали о том, что она одарена! Вспомни, сколько раз мы переезжали из-за того, что она со скандалом ссорилась с очередным своим мужчиной...

Гертруда даже не боялась того, что это слушал бесконечный выводок её братьев и сестер. Впрочем, судя по тому, как они с пониманием смотрели то на сестру, то на бабушку, им было прекрасно известно, как дети появляются на свет и почему с их мамой не всё в порядке.

— Может быть, — подала голос Гера, — когда она была с маркграфом, что-то пошло не так? Кто-то узнал? Тут ведь были слуги... Я не знаю...

— Зато я знаю, — прервал её я.

К сожалению, маркграф фон Ройсс уже успел однажды разочаровать меня. Слишком сильно разочаровать, чтобы я теперь хоть с минимальным позитивом смотрел на его безвременно почившую личность.

— Я знаю, — нехотя произнес я ещё раз, — кто случайно ляпнул инквизиторам о вашей семье. Это был твой отец, Гера. Маркграф фон Ройсс.

Глава двадцать третья. Гертруда

— И пирог! — радостно провозгласила бабушка, щелчком пальцев отправляя огромное блюдо ровно на середину стола.

Мои братья и сестры, явно не особенно балуемые выпечкой в любых других условиях, радостно загалдели и потянулись вилками к пирогу. Бабушка хмыкнула, довольная тем, что её произведение кулинарного искусства пользуется таким успехом, и сделала какой-то невероятно закрученный пасс рукой, означавший, что сейчас пирог сам разрежется на порционные кусочки, и они приземлятся на тарелку каждому из нас.

Я впервые за долгое время чувствовала себя настолько в семье. Мы с Людвигом всё ещё сидели по разные стороны стола, оставив место во главе для покойного маркграфа фон Ройсса, но его кресло, совершенно пристыженное и, кажется, осознающее свои ошибки, это место занимать не спешило.

Или, может быть, папеньку не слишком радовала перспектива сидеть за одним столом с другими детьми своей любовницы, теми, которых она родила уже не от него.

Я не собиралась интересоваться его мнением по этому поводу. В конце концов, кресло никогда не было разговорчивым, а теперь, хмурясь, то и дело ходило из угла в угол и даже покидало обеденный зал через дверь. Вот и сейчас, в очередной раз возмущившись шумом, производимым гостившими уже третий день в доме детьми, оно недовольно проковыляло мимо стола.

Какова была реакция? Не могу сказать, что кто-то горел особенным желанием остановить кресло или хотя бы окликнул его. Возможно, это попытался сделать пятилетний Марк, но швыряться яблоком — это точно не лучшая идея и способ уговаривания какого-нибудь маркграфа остаться. По крайней мере, кресло издало недовольное фыркание и уверенно заковыляло прочь, ещё быстрее перебирая ногами.

— Иди-иди! — крикнула ему вслед бабушка. — Мерзопакостный предатель! Чтоб тебе твою обивку покорежило где-нибудь по дороге!

Лина в ответ расхохоталась. Сейчас, когда она больше не собиралась проклинать весь мой род и не испытывала особой ненависти к бабушке — точнее, вообще не испытывала её, — женщина в один миг избавилась от маски стервы и вела себя, как обыкновенная любящая мать. По крайней мере, наблюдать за её общением с Людвигом было

очень приятно. То, как он помогал матери сесть, то, как она поправляла ему воротник рубашки, будто мальчишке, и гладила по щеке...

Это не отменяло того факта, что Людвиг обещал отправить маму домой сразу же после свадьбы. Вообще-то, женщина собиралась погостить сначала у моей бабушки, восстановить процесс обучения, а потом уже ехать к себе, но меня мало интересовали подробности. На самом деле, я так предвкушала эти несколько дней наедине друг с другом, которые обязательно будут у нас после свадьбы, что даже не вникала, о чём там болтали родственники.

— А вот с браслетом, — бабушка ни с того ни с сего поймала меня за запястье, — ваш священнослужитель верно придумал! В древние времена именно так всех и венчали! Это сейчас взяли дурацкую моду задавать четырнадцать никому не нужных вопросов, а когда-то надо было действительно любить друг друга, чтобы преодолеть все преграды!

— Да, — подхватила Лина. — Уж мы-то с моим мужем-эгоистом точно не прошли бы эти испытания. Он бы сдался ещё на платье от фрау Эдвины!

— Да? Ну что ж, хорошо, что твой сын совершенно не похож на твоего мужа, — расхохоталась бабушка. — По крайней мере, моя внучка будет завтра блистать в самом лучшем платье во всей округе! И эти её подружки, которые пытались посягнуть на её счастье, просто языки проглотят от зависти!

— Ну ба! — возмутилась я. — Ты что, хочешь, чтобы у меня была не свадьба, а день катастроф? Сгорит на папе-кресле обивка, Барбара и Иоганна языки проглотят... Какие ещё бедствия ты хочешь предсказать?

— Ай! — отмахнулась Маргрет. — Ничего ты не понимаешь, Гера! У вас осталось всего одно испытание! Какая разница, кто и что проглотит на свадьбе, если жених и невеста доказали, что любят друг друга!

— А какая красивая традиция, — протянула Лина, — что последняя бусина не побелеет, пока оба не дойдут до алтаря!

— Да? — удивилась я. — Никогда даже не знала о таком...

— И я не слышал, — кивнул Людвиг, посматривая на свой браслет.

— Да что вы, молодежь! Последний день, он ведь обычно самый трудный! Покачала головой женщина. — Так что... Смотрите, не

убегите друг от друга!

— Не убежим, — мы с Людвигом переглянулись. — Каков смысл?

Смысла и вправду не было. Я чувствовала себя самой счастливой и самой влюбленной девушкой на свете, которая по праву была без ума от собственного жениха. Нас с ним столько всего связало за эти четырнадцать дней, что просто не перечесать даже!

— Эх, — вздохнула Маргрет. — Я знала, я была просто уверена в том, что моя внученька обязательно найдет себе достойного мужчину. Её мать все шансы на неудачу уже перебрала, теперь на десять поколений вперед должно хватить! Да и я тоже постаралась со своим суженым-ряженым!

Мы рассмеялись в один голос. Лина только закатила глаза, должно быть, помня моего дедушку куда лучше, чем помнила его я, видевшая в последний раз в далеком младенчестве и, логично, совершенно не помнившая, каким он на самом деле был.

Портреты — они не слишком информативны...

— О чём задумалась, невеста?

Я вздрогнула и подняла взгляд на бабушку.

— Да так, — улыбнулась ей, — думаю, что фрау Эдвина, наверное, уже привезла платье... Она обещала в преддверии свадьбы доставить.

— Ну так беги посмотри, — пожала плечами бабушка. — Что ж мешает?

Я кивнула. На самом деле, я даже не ожидала от себя, что и вправду буду интересоваться тем, каким окажется мое свадебное платье. Это ведь просто вещь! Я никогда особенно не задумывалась об одежде, но на свадьбе мне хотелось быть самой красивой невестой. Чтобы Людвиг смотрел на меня и глаз отвести не мог...

Он, правда, нагло шутил, что не сможет отвести глаз, когда я наконец-то сниму это свадебное платье, но, кажется, тоже был искренне рад тому, что я наслаждалась процессом подготовки к свадьбе, хотела этого праздника, как будто в самом деле всю жизнь мечтала о свадьбе.

Наверное, так чувствуют себя все невесты, когда они влюблены?

Выйдя из обеденного зала, я с удивлением осознала, что впервые за несколько дней осталась наедине. Мы в последнее время почти не расставались с Людвигом, даже ночи проводили в одной постели, потому что мне было куда приятнее и спокойнее дремать в его объятиях, чем думать о том, что какая-то Эдита фон Грасс шлет ему

любовные письма и на ночь заглядывает в его комнату. Это потрясающее ощущение сладкого, как будто... Как будто последнего одиночества теперь не отпускало меня, и я знала, что ничто сейчас не способно стереть улыбку с моих губ.

— Фрейлейн Аденауэр?

Я вздрогнула и обернулась. За спиной стоял Казимир, всё такой же напояженный, блондинистый и не менее противный, чем прежде. Последние несколько дней, с того самого момента, как мы с Людвигом подловили его на письме-хамелеоне, ведьмак-досмотрщик просто не показывался нам на глаза. Он сделал всё, чтобы ни Маргрет, ни Лина его не увидели, должно быть, чего-то опасался. Женского гнева?

Ох не зря.

Мне кажется, много кто не отказался бы пожать ему горло. Чтобы не мешал, гад такой, возлюбленным идти под венец!

Удивительно, но я уже и забыла о том, что он жил в нашем доме. Эти несколько дней спокойствия и семейной идиллии так расслабили меня, что я уже даже не волновалась об исходе дела. Ведь мы не просто так хотели пожениться, не ради наследства, а потому, что испытывали друг к другу чувства!

— Да? — я шагнула к мужчине. — Вы чего-то хотели?

— Я хотел поговорить с вами относительно предстоящей свадьбы. Она ведь завтра? — поинтересовался Казимир, хотя, и я в том даже не сомневалась, дата ему была прекрасно известна. — Я... Хотел предостеречь вас.

— Предостеречь? — изогнула брови я.

Звучало смешно. Он не был мне ни другом, ни товарищем, ни даже просто соседом. Он — враг, который пытается отобрать наше с Людвигом наследство, хочет нас разлучить из собственных корыстных целей и рассчитывает на то, что всё для него закончится удачно.

Разумеется, наши интересы противоположны. Этому мужчине не надо, чтобы мы с Людвигом хоть в чём-нибудь достигли успеха.

Напротив! Он желает, чтобы мы оставили все свои деньги государству и разбежались навсегда. Ведь наш брак подразумевает наследование всех денег маркграфа.

— Да, — кивнул Казимир. — По поводу истинной пары.

Я помрачнела. О том, что мы с Людвигом — истинная пара, я и думать забыла. Наслаждаться простыми человеческими отношениями

было намного проще, чем думать о потребностях магии и о том, почему она решила связать между собой именно нас двоих.

Да, конечно, существовали какие-то причины. Возможно, мне не следовало даже задумываться о них. Ведь просто любить было настолько проще!

— И что же вы хотите рассказать мне?

— О, — Казимир извлек что-то из-за пазухи. — Посмотрите.

Это была небольшая, даже крохотная книжечка. Я видела такую у Людвиг, но не спрашивала, о чём она, а мужчина старался оставлять её там, где она не попалась бы мне на глаза.

— Это книга вашего жениха, фрейлейн Гертруда, — промолвил Казимир. — Посмотрите, о чём она.

— Превратности истинной пары... Как расторгнуть связь, — шепотом прочла я название, золотистыми буквами вытисненное на корешке.

Умолкла.

Неужели Людвиг в самом деле собирался расторгнуть нашу связь?

— В этой книге доказано, что истинная пара — это всего лишь прочная магическая связь, — тихо произнес Хогберг. — Она создается для того, чтобы на свет появились одаренные дети, не более того. Потом, когда наследники родятся, её можно расторгнуть. Можно и до, если воспользоваться специальными магическими средствами, и быть свободными, как ветер, обладателями наследства...

— Зачем это делать?

— Чтобы не поддаваться дурману истинной пары, — твердо произнес Казимир. — Чтобы не позволить себе утонуть в пучине страсти, ошибочно принятой за любовь. Ведь это так просто! Магия как будто сама подсказывает, как ею пользоваться, как себя вести, как поступать в том или ином случае... Силы упрямо подталкивают вас к принятию тех или иных решений. Вам ведь знакомо это ощущение, не так ли? Должно быть, вы даже считаете, что полюбили. Но это не так. Совсем скоро вы поймете, что быть истинной парой — это отвратительно. Что вы связаны друг с другом против воли. Возможно, Людвиг уже сейчас это осознает.

Я помрачнела.

— И что же вы предлагаете?

— Всё очень просто, — твердо произнес Хогберг. — Проще, чем

могло показаться... Я приготовил зелье по рецепту из этой книги. Выпейте его, Гертруда, и вы будете совершенно свободны. Вам не придется страдать, не придется изводить себя. Больше не будет никакой истинной пары. Останется только настоящая вы. С настоящими чувствами к Людвигу фон Ройссу.

С ненавистью. С болью. С презрением.

Я ведь терпеть его не могла. Боялась его, презирала, мечтала его уничтожить. Вот какой спектр эмоций я испытывала по отношению к этому мужчине...

До того, как мы с ним стали нормально общаться.

До того, как я выяснила, что он — моя истинная пара, и позволила этим чувствам захлестнуть себя с головой.

— Вдумайтесь! — упрямо шептал мне на ухо Казимир. — Ведь вы молодая, красивая девушка. Вы можете быть счастливы без этого принуждения. Просто сделайте глоток зелья, и от истинной пары не останется ни следа. Словно и не было этих двух недель...

Он вложил крошечный пузырек в мою раскрытую ладонь, и я невольно сжала предмет в руке. Пузырек был холодным, словно зелье внутри него имело способность замораживать всё живое вокруг. Мне казалось, что моя рука сейчас и сама потеряет способность к движению.

Казимир же требовательно протянул руку, собираясь отобрать книжку, но я, из последних сил дернув рукой, прижала её к своей груди. Вместе с пузырьком.

— Спасибо за помощь, — промолвила я, стараясь говорить пусть тихо, но предельно уверенно, не дать голосу дрожать от осознания правдивости услышанного. — Но я хочу побыть наедине со своими мыслями и принять верное решение.

— Что тут думать! — воскликнул Казимир. — Надо выпить! Гертруда! Разрубите этот узел сами, не дайте Людвигу затащить вас в сети. Вы пострадаете от этого сильнее, чем он!

Хогберг подался вперед, крепко схватил меня за запястье и будто случайно коснулся браслета с белыми бусинами — и одной черной.

— Поймите. У вас, как у кровной наследницы, ещё есть шанс отвоевать это наследство. Ну зачем выходить замуж за человека, которого вы на самом деле не любите, а ненавидите?

Я сглотнула.

Звучало так... Странно.

Но я смотрела на бусины и понимала, что бабушка была права — это ещё одно испытание. Мне будет больно, мне будет тяжело даже просто дойти до алтаря. И если я не решу для себя, что в самом деле люблю Людвигу, ведь я до самого последнего дня буду винить себя в том, что не попыталась...

— Мне надо подумать, — решительно заявила я. — Наедине!

Казимир пожал плечами, мол, хотел же как лучше, но произнес:

— Хорошо. Воля ваша. Я пойду, но, если что, воспользуйтесь моим предложением. Почему-то мне кажется, что вы не пожалеете.

Ему кажется! Ему кажется, а я вновь оказалась в пучине сомнений, столько времени терзавших меня. Опять стою на распутье и, если честно, даже примерно не знаю, куда я должна свернуть, что мне следует сделать, чтобы принять верное решение...

Я так и осталась стоять. Забыла и про платье, и про то, что собиралась ещё вернуться за обеденный стол. Мне вдруг опротивел шум, разговоры с родней, одна только перспектива сидеть напротив Людвигу и постоянно смотреть на него.

Сейчас бы поговорить с бабушкой, но она постоянно с детьми. Или с Зигфридом, но тот так увлекся выяснением отношений с Бертой, что совершенно забыл обо мне, своей хозяйке.

Полагал, что я и так уже давно всё решила.

И я искренне не знала, что мне делать дальше. Просто застыла в неведении.

— Дочка... — прострекотало совсем рядом.

Я вздрогнула и обернулась.

Рядом стояло кресло. Обивка на нём так и не обгорела, хотя одна ножка дымилась — видать, сработало-таки какое-то бабушкино проклятье.

— А, ты, — усмехнулась я. — Предатель...

— Дочка, я так долго заботился о своей шкуре, — прохрипел покойный маркграф, точнее, та частичка его души, которая ещё сохранилась в этом мире. — Но тут осталось лучшее, что было во мне. Позволь мне тебе помочь. Позволь всё рассказать. Объяснить. Присядь.

Я опасливо взглянула на сидение.

— Уверен? Не вышвырнешь меня, как Хогберга?

— О, эту паскуду, Казика, затоптать надо было! Сдать надо было, ещё когда инквизиция была! Не сброшу... Садись, дочка, — кажется,

маркграф был искренен. — Я многое должен тебе рассказать. Возможно, после этого ты станешь меня презирать ещё сильнее. Но ты точно примешь правильное решение.

Я кивнула и села.

В этот момент, находясь на распутье, я была готова услышать всё, что угодно.

Глава двадцать четвертая. Людвиг

Мы с Гертрудой давно договаривались провести церемонию не где-нибудь в душных залах огромного поместья фон Ройссов, а на свежем воздухе. В саду всё цвело, благоухали деревья, усыпанные тысячами крохотных цветов, предвестников хорошего урожая, вокруг них вились пчелы. Сочная зеленая трава была куда красивее каменных и деревянных полов, и даже самые лучшие ковры и вазы с цветами не смогли бы заменить цветущие тюльпаны, нарциссы и мелкую россыпь фиалок, раскрывших свои фиолетовые лепестки и источавших великолепный аромат.

Весь этот сад дышал весной...

Было удивительно тепло. Ярко светило солнце, но деревья создавали легкую тень. У арки, под которой устроился священнослужитель, вообще царила приятная прохлада, хотя приглашенные гости, устроившиеся на вынесенных на улицу стульях, вынуждены были щуриться от солнца, а кто-то, одевшийся слишком тепло, даже смахивал пот со лба.

Время церемонии стремительно приближалось, и я почему-то то и дело тянулся к браслету. Последняя черная бусина казалась тяжелее всех своих предшественников, и я упорно вспоминал слова фрау Маргрет, которая говорила о последнем испытании — о самом сложном и одновременно самом простом. Самом понятном. Тут и надо-то всего лишь прийти на собственную свадьбу!

И ещё вчера я даже не сомневался в том, что Гера не заставит себя ждать.

Она попросила оставить её наедине вечером. Не показалась на глаза утром. Как будто сквозь землю провалилась! Ни Зигфрид, ни Берта, ни моя мать, ни даже её собственная бабушка и братья-сестры не видели, куда подевалась Гертруда, и только Казимир, будь он неладен, периодически усмехался, словно ему было известно чуть больше, чем всем остальным.

Только вот эта сволочь ни сказала ни слова. Даже если ему и было что-то известно, то что именно — я мог только предполагать.

— Церемония начнется через две минуты, — напомнил священнослужитель. — Где же невеста?

Хотел бы я знать, где невеста!

— Придет, — твердо произнес я, скользя взглядом по приглашенным.

Фрау Маргрет, напряженная, то и дело оглядывалась назад. Сегодня утром она с таким же упорством, как и я сам, искала свою внучку, но так и не нашла. Моя мать сидела прямая, словно проглотила палку, и тоже нервно оглядывалась.

Хмурая, как та грозовая туча, Барбара сидела, скрестив руки на груди, и то и дело стреляла в меня злыми взглядами. Иоганны не было, после казуса с письмом-хамелеоном всё-таки не рискнула показаться мне и Гертруде на глаза. Может быть, догадалась, что её в самом деле не будут не слишком рады видеть.

Впрочем, плевать на Иоганну! Единственная девушка, которую я в самом деле хотел сегодня увидеть — это Гертруда.

И будет очень печально, если она всё-таки решила уйти.

— Как-то не верится, — вновь напомнил о себе священнослужитель, глядя на меня снизу вверх, — что пара, которая так легко прошла все тринадцать испытаний, вдруг решила разойтись на последнем... Впервые в моей практике. Обычно те, кто заходил дальше седьмого, спокойно двигались вперед.

— Гертруда придет, — твердо ответил я, стараясь не вслушиваться в то, что говорил Антвас.

Может быть, это его задача — уговаривать меня уйти с собственной свадьбы? Испытание же. С этого старика станется...

Надо было просить четырнадцать простеньких вопросов и требовать немедленную свадьбу. Тогда было бы гораздо проще. Впрочем, если бы мы с Герой не прошли всё это вместе, смогли ли бы мы в самом деле полюбить друг друга? Очень сомневаюсь. Скорее всего, Гера так и не позволяла приблизиться к себе ближе, чем на метр, а досмотрщик наверняка подловил бы нас на какой-то ерунде, на которую я бы даже не обратил внимания, а потом просто отобрал бы все.

— Так когда нам ждать невесту? — дернул меня за рукав

священнослужитель, в который раз привлекая к себе внимание. — Всё-таки, не могу слишком затягивать церемонию... Надо иметь уважение. Я уже старый человек...

Было видно, что Антвас с удовольствием спрятался бы где-нибудь в привычной ему грязной конуре, подальше от солнечного света. По тому, как он щурил свои водянистые глаза и потирал лысину, было видно, что при посторонних людях мужчина чувствует себя по меньшей мере некомфортно. Вероятно, он ожидал, что мы просто провалим эти четырнадцать испытаний, когда соглашался на проведение церемонии на улице.

Краем глаза я заметил, как поднялся со своего места Казимир, но притворился, будто даже не заметил его.

— Гертруда скоро будет, — твердо произнес я. — Надо немного подождать её. Несколько минут.

— Думаю, — вмешался Хогберг, — нам уже всем пора признать, что свадьба не состоится.

Он говорил нарочито громко, так, чтобы слышали все гости, и я видел, как побледнела фрау Маргрет.

— И почему же? — холодно поинтересовался я.

— Потому что я показал вашей невесте книгу, которую вы читали, герр Людвиг. О лживости истинных пар.

— Какую книгу? — недоуменно переспросил я.

— Которую вы читали. Где рассказывается о том, что истинная пара — это всего лишь влечение магии. И поддаваться ему означает навеки стать рабом собственного дара. Вероятно, Гертруде этого очень не хотелось, — он противно усмехнулся. — Потому девушка предпочла выпить зелье и уйти...

— Какое зелье? — ошеломленно переспросил я. — У меня не было такой книги. Весь мир понятия не имеет, что такое на самом деле истинная пара! Вы подсунули Гертруде фальшивку! И зелье, которое обязано просто убить её чувства!

— Я сделал добро, — улыбнулся Хогберг. — Я развеял дурман...

— Так что, — вновь вмешался священнослужитель. — Невеста не придет?!

— Придет, — донеслось тихое из другого конца сада.

Мы замерли, все трое, и медленно повернулись на её голос.

Священнослужитель, кажется, закатил глаза от досады, Казимир застыл, не понимая, как такое вообще могло произойти, а я, не сдержавшись, расплылся в улыбке.

В самом конце сада, там, где следовало начинать путь невесте, стояла Гертруда. Она была воистину прекрасна, как я и ожидал, когда отдавал едва ли не все сбережения фрау Эдвине на платье. Нежно-голубой шелк подчеркивал тонкую талию и волнами струился книзу, расшитый крохотными драгоценными камешками верх сверкал на солнце, и Гертруда как будто вся была соткана из звезд. Её роскошные каштановые волосы при ярком естественном освещении вновь отливали алым, глаза — сверкали, лицо освещала радостная, искренняя улыбка.

Рядом с нею стояло кресло.

Один подлокотник оно задрало настолько высоко, насколько могло, чтобы Гере было удобно опираться о него рукой. Выглядело комично с вычищенной обивкой, починенными ножками и розой, примотанной ко второму подлокотнику лентой. Как будто настоящий маркиграф фон Ройсс решил посетить свадьбу собственной дочери и теперь готовился вести её к алтарю.

И правда, Гера оперлась об один из подлокотников, позволяя вести себя вперед, и только сейчас я заметил, что на сидении кресла лежал крохотный пузырек с зельем и книжка — точно не та, которую я столько раз перечитывал в попытке выискать там хоть несколько слов о том, что же такое — эта истинная пара, почему столько людей пытаются найти её и терпят неудачу, а кто-то встречает на улице случайно.

И почему свою я встретил на костре инквизиции.

Гера подошла совсем близко. Теперь она стояла на расстоянии вытянутой руки, рядом, так, что я мог рассмотреть вышивку на её платье, сделанную, очевидно, заговоренными иглами фрау Эдвины. Но меня сейчас меньше всего на свете интересовало платье. Я думал только о Гертруде и о том, какое же она примет решение, наслушавшись глупостей в исполнении этого гадского Казимира.

Надо было убить его, не раздумывая, и пусть бы что со мной случилось!..

— Начинаем? — уточнил герр Шварц.

— Погодите, — покачала головой Гертруда. — Сначала я хочу кое-что сказать. Можно?

— Можно, чего ж не можно? — хмыкнул мужчина. — Таким

прелестным леди всё...

Гера остановила его коротким взмахом руки, и священнослужитель наконец-то изволил умолкнуть.

Она встала рядом со мной, но так, чтобы случайно не соприкоснуться, всё ещё не подтверждая, что наша свадьба состоится, но и не отрицая этого, и тихо, уверенно промолвила:

— Когда я впервые узнала о том, что Людвиг — моя истинная пара, я была в ужасе. Я вообще не хотела искать истинную пару, потому что боялась, что магия попросту поглотит мой разум и не оставит права выбора. Сначала так и вышло. Когда я увидела его, я подумала, что сошла с ума. Мне полагалось его ненавидеть, а я влюблялась, и чувства переполняли меня... И так продолжалось бы до самой свадьбы, если бы в последний день герр Хогберг не рассказал мне о том, что истинная пара — это всего лишь влечение магии. Это явление, существующее на уровне нашего колдовства, объединяющее людей, которые подходят друг другу потому, что у них схожая сила, сила, которая способна лучше всего комбинироваться.

Я застыл, сжимая зубы. Единственным осознанным желанием было сейчас ударить посильнее Казика. А тот стоял, грудь колесом, и с такой гордостью слушал слова Гертруды, словно считал сделанное величайшим подвигом своей жизни!

— Он дал мне зелье, которое должно было убить во мне страсть к истинной паре. Оно убило бы, конечно, и мою магию, и об этом меня не предупредили... Но какая разница, будет ли жива магия, если мне предлагалось уничтожить любовь?

— Порочное влечение! — возразил Казимир. — Порочное влечение, а не любовь!

Гера повернулась к нему и покачала головой.

— А потом я поняла, — твердо произнесла она, — что истинная пара — это и вправду всего лишь магия. Но она не порождает любовь. Та должна появиться сама собой. И да, любовь появилась в моем сердце. Не потому, что ей кто-то приказал, не потому, что я велела ей возникнуть. Любовь родилась от того, что я встретила правильного человека. Это зелье сделало бы меня бездарной, лишило бы меня шанса стать матерью одаренных детей, но даже если б я его выпила, оно бы не убило мои чувства. Но... Так уж вышло, что мой отец, — Гертруда указала на кресло, — а точнее, лучшая его часть, засевшая в этом

кресле, решил рассказать мне правду. О том, что такое истинная пара, как он однажды в своей жизни натворил ошибок... И почему мне не надо идти его дорогой. Потому я здесь, — она повернулась ко мне. — И я хочу сказать, Людвиг, что если мы чувствуем друг к другу что-то, то магия тут ни при чем.

Я протянул руку, и Гера наконец-то сжала мою ладонь в ответ и едва заметно улыбнулась.

— Так мы можем начинать церемонию? — нетерпеливо поинтересовался Антвас, вновь вспомнивший о своих профессиональных обязанностях.

— Да, — в унисон кивнули мы с Гертрудой, и, будто бы в подтверждение этих слов последняя бусина и на моем, и на её браслете загорелась белым.

— Минуточку! — вдруг подало голос кресло. — Мне ещё кое-что надо сделать!

Я вскинул было руку, чтобы остановить кресло, но не успел. То встало на дыбы... И вдруг бросилось на Казимира. А Гертруда только крепче сжала мою руку, не позволяя помешать заколдованному предмету свершить-таки то, о чём он мечтал.

Хогберг бросился в одну сторону, в другую, но кресло неумолимо преследовало его. В какой-то момент Казимир оступился... И рухнул на сидение, как раз на книжку, которая на нем лежала, вскрикнул... И его вместе с креслом окутал дым.

— Он сел на зелье, — вздохнула Гертруда. — Теперь на нем не останется ни капельки магии.

Она не сказала, впрочем, о том, что теперь и маркграф, точнее, его частичка, оставшаяся в кресле, тоже исчезнет.

Черный колдовской дым окутал Хогберга... И растаял, оставив после себя невысокого, сутулого, лысоватого мужчину.

Почти такого же, как я и представлял.

За исключением того, что это был бывший верховный инквизитор. Примотанный прочными веревками — таким себе последним подарком от кресла.

Все ахнули. Я уже видел, как привстала фрау Аденауэр, но, в последнее мгновение вспомнив о том, что сейчас не время для мести, села обратно на свой стул.

— Я требую! — возмутился Казик, пытаясь привстать с кресла. — Я требую, чтобы...

Дослушать, чего же он хотел, мы не успели. Герр Шварц, потеряв остатки терпения, щелкнул пальцами, и во рту у Казика появился кляп — обыкновенная свернутая во много раз тряпка, не позволявшая ему произнести сейчас ни единого слова.

— Я надеюсь, мы можем начать церемонию? — недовольно напомнил он о себе.

— Да, — кивнул я, с трудом сдерживая смех.

Гертруда только кивнула, подарив мне нежную, ласковую улыбку.

— Ну и замечательно!

Антвас приосанился, расправил плечи и вдруг даже стал казаться выше и красивее, чем прежде. Волосы у него, конечно, не отросли, да и водянистые глаза не стали ярче, но зато зычный, уверенный голос всем доказывал, что это истинный священнослужитель, чьим призванием является венчание пар, а не попытка содрать с них взятку за четырнадцать простых вопросов.

— Сегодня, — уверенно начал он, — новый союз формируют колдун и ведьма, прошедшие все четырнадцать испытаний и освятившие свой будущий брак перед небесами. Множество трудностей осталось позади, и впереди только добрая и светлая дорога! Они доказали, что способны быть бескорыстными и благородными, когда помогли старику, ничего не дожидаясь взамен. Их честность и искренность подтвердилась признаниями друг другу, тем, что они раскрыли секреты, которые многие прячут до самой смерти. В их семье есть место умеренной щедрости и бесконечной верности, вне зависимости от соблазна, который станет на их пути. Они доказали, что способны быть милосердными к врагу и справедливыми по отношению к нему и могут доверять друг другу, делаясь и магией, и последним кусочком хлеба, и последним вздохом, если это будет нужно...

Мы с Гертрудой вслушивались в слова мужчины, не сводя друг с друга взглядов.

— Вы доказали друг другу, что имеете терпение к смешным капризам друг друга и не расстанетесь из-за такой мелочи, как пригласительные на свадьбу. Вы понимаете друг друга с полуслова, и никакой допрос не будет вам страшен. Вы доверяете друг другу, и даже когда появляется причина для ревности, готовы сохранять ясность

разума. Вы готовы любить родственников друг друга и быть крепким связующим звеном для ваших семей, а значит, ничто не расколется ваше счастье на части. И, наконец, вы пришли сюда осознанно, желая заключить союз... Скажи, Людвиг, наследник рода фон Ройсс, согласен ли ты взять в жены Гертруду, наследницу рода Аденауэр, и любить её вечно и верно?

— Да, — кивнул я, даже не сомневаясь в своем ответе.

— Клянешься ли ты, что твои чувства искренны?

— Да, — подтвердил, зная, что это действительно так.

— Скажи, Гертруда, наследница рода Аденауэр, согласна ли ты взять в мужья Людвига, наследника рода фон Ройсс, и любить его вечно и верно? — голос Антваса дрогнул, как будто он сам умилялся тем, как мы смотрели друг на друга.

— Да, — подтвердила Гера коротким, но уверенным кивком.

— Клянешься ли ты, что твои чувства искренны?

— Да, — Гера не позволила себе ни единой паузы.

— Во имя небес, которые наблюдают за нами, ваш брак считается от этого момента и навеки заключенным, и пусть ничто не разлучит вас! — решительно выдохнул Антвас.

Браслеты на наших запястьях засветись и спустя секунду превратились в тонкие золотые цепочки на запястьях, не способные тяготить, а только дарующие уверенность друг в друге.

— Жених, — торжественно проронил священнослужитель, — можете поцеловать невесту! — он выдержал паузу, осмотрел всех присутствующих, и хитро добавил: — Гости... Можете стукнуть верховного инквизитора! Только легонько! Чтобы он до суда дожил!..

Я рассмеялся — но в очередь на убивание Казика не стал. Всё-таки, моя прекрасная супруга в эту секунду интересовала меня куда сильнее...

Эпилог

Лежать в его объятиях теперь было ещё приятнее. Я наслаждалась тем, что этот мужчина — мой муж, что мы с ним любим друг друга, и ничто никогда не встанет между нами. Небеса ведь обещали!

— Людвиг, — тихо позвала я, прижимаясь к его обнаженной груди.

— М? — лениво отозвался он, обнимая в ответ ещё крепче, чем прежде.

— И что будет дальше?

Я не видела, конечно, но знала, что Людвиг сейчас улыбается. Не мог не улыбаться.

— Ну... Твоя бабушка уже пригласила мою мать к себе в гости, — протянул он. — Будут наверстывать упущенное. Возможно, найдут максимально похожее на покойного маркграфа кресло и станут швырять в него ножи. Или просто отдадут на расчленение детям...

Я расхохоталась так сильно, что даже откатилась в сторону и теперь смотрела в потолок. Удивительно, но я совершенно не чувствовала себя новой маркграфиней фон Ройсс. И даже той светлой тоски, которую следовало испытывать по девичеству, с которым я сегодня распрощалась, не было. Скорее наоборот, я чувствовала себя безгранично счастливой, что эта свадьба всё-таки состоялась и что мы с Людвигом наверняка будем вместе.

— А с Казиком?

— Ну, — фыркнул Людвиг. — Он не Казик, зовут его иначе... Знал, что ему точно не следует рассчитывать на хорошую должность, потому придумал себе новое имя, сделал фальшивые документы, создал иллюзию — надо же, а я и не догадывался, что верховный инквизитор тоже одаренный! — и успешно продолжил жить. Увы, его погубила жадность.

— Он решил, что имеет право получить наследство фон Ройсса?

— Да, — муж придвинулся ко мне поближе, сгребая в охапку, и я вздрогнула, чувствуя, как его руки скользят по моей обнаженной спине. — Подумал, что знает мои и твои слабые места, ведь меня он якобы воспитывал и обучал, а тебя чуть на костре не сжег, вот и совершил, так сказать, попытку... Ничего, посадят. За фальшивые документы, за самоуправство, в конце концов, за то, что такой фиктивный брак, шитый белыми нитками, развалить не смог.

Я усмехнулась. Да уж, инквизитору досталось довольно сильно. Когда наконец-то прибыли амьенские военные, которых по доброте душевной вызвал Людвиг, лже-Казик был неслабо так побит, поцарапан и мог похвастаться множеством ссадин на теле, но, к сожалению для себя, так никого и не смог в этом обвинить. Все гости, мы с Людвигом на правах жениха и невесты и даже герр Шварц, священнослужитель, утверждали, что герр Хогберг — точнее, мужчина, скрывавшийся под этим именем, — сам падал, сам вступил в драку с креслом и теперь сам должен отвечать за свои поступки.

Судя по тому, что кто-то из амьенцев узнал инквизитора, ему будет не слишком хорошо. Там эту братию не любят...

— А где, кстати, наши фамилиары? — поинтересовался вдруг Людвиг. — Когда ты пропала, я дергал Зигфрида, но он сказал мне, что ничего не знает. Оправдывался, что ты ему ни слова не сказала!

Что ж... Я и не могла ему ничего сказать, потому что когда этот паршивец был мне так нужен, его где-то носило!

— Они с Бертой вьют гнездо. Она ведь всё-таки уговорила герра Антваса их обвенчать. Конечно, тот пытался доказать, что фамилиарам не положено, но, кажется, у наших детей будет предостаточно фамилиаров. А если учитывать то, какие у Зигфрида масштабные планы, то и для внуков, и для правнуков хватит, — усмехнулась я. — Будут пополнять, так сказать, восстанавливать вид, который вот-вот должен был стать реликтовым.

— Воронофениксы — о да, вот уж мировые защитники природы обрадуются...

Людвиг вдруг умолк, всматриваясь в мое лицо с какой-то особенной, потрясающей нежностью, смешанной со страстью и желанием.

— А что, — протянул он, — будем делать мы?

— Ну как же? Ты же планировал заняться хозяйством, как и полагается настоящему маркграфу фон Ройссу, — предположила я. — Мы выгоним управляющего, который, если честно, уже так всех достал, что просто сил никаких нет. Потом... Потом займемся реорганизацией поселка. Мне бы хотелось немного подучиться боевой магии, да и тебе, наверное, не помешает немного разбавить инквизиторские навыки какими-то более практическими и... — я запнулась. — Ты чего так улыбаешься?

Людвиг покачал головой.

— Просто... Думаю, может быть, прежде чем мы будем так далеко заглядывать в светлое будущее, мы займемся какими-нибудь более... Своевременными делами?

Его ладонь вновь скользнула по внутренней стороне моего бедра, и я непроизвольно выгнулась навстречу мужчине, наслаждаясь его умелыми, разжигающими во мне страсть прикосновениями.

— Послушайте, герр инквизитор, — протянула я, — а не слишком ли вы обнаглели? Не кажется ли вам, что это немного слишком — то,

что вы себе позволяете?

— Нет, — покачал головой, хитро щурясь, Людвиг. — Совершенно не кажется, фрау ведьма. Вы же так и не отплатили мне за то, что я спас вас тогда от коварного огня, не так ли?

Я хихикнула.

— И чего же, герр инквизитор, вы хотите?

— О, — он прищурился. — У меня было целых два года придумать для вас множество способов расплаты... Возможно, вы желаете услышать один из них?

Определенно, я таки желала. А ещё...

Проклятье, я в самом деле желала принадлежать этому наглому, мерзопакостному, гадскому...

Такому безгранично любимому своему инквизитору...

Ах, прошу прощения.

Молодому наследнику рода, маркграфу Людвигу фон Ройссу!

Конец